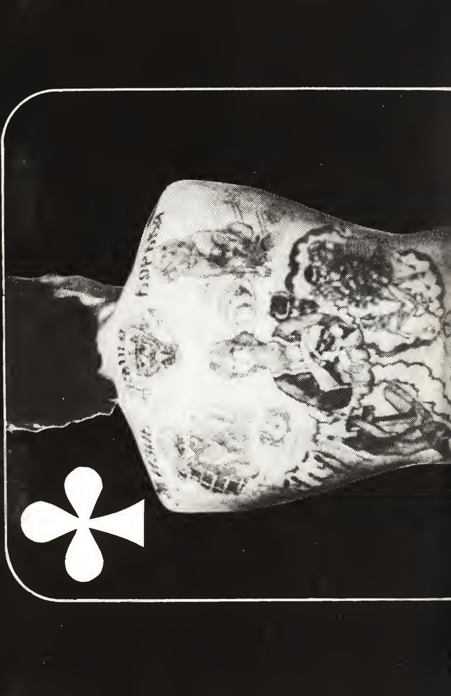
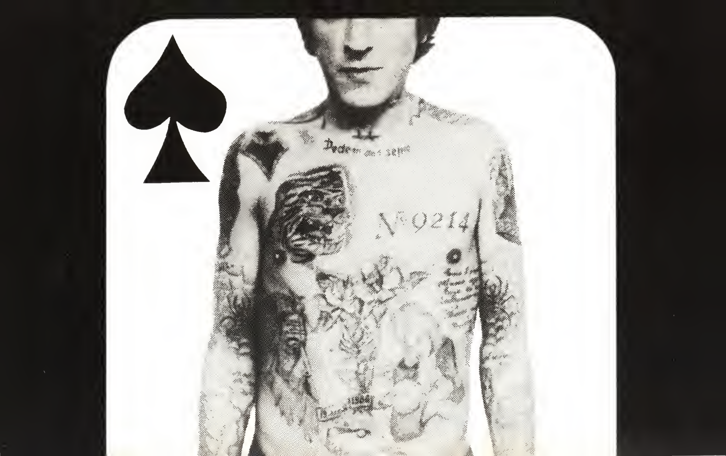
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ

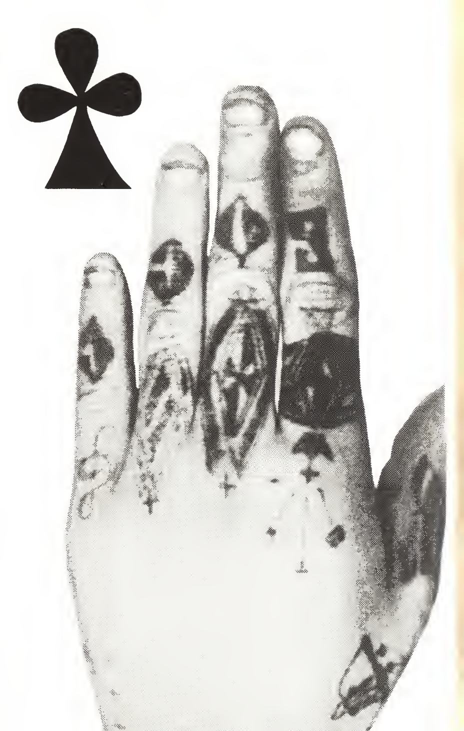
А. И. Гуров

ПРЕСТУПНОСТЬ

Прошлое и современность




№ 0214



А. И. Гуров

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ

Прошлое и современность

МОСКВА
«ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1990

67.99(2)9
Г95

Гуров А. И.

Г95 Профессиональная преступность: прошлое и современность. — М.: Юрид. лит., 1990. — 304 с.— ISBN 5-7260-0216-4

Книга посвящена одному из новых направлений деятельности правоохранительных органов в современных условиях — борьбе с так называемой профессиональной и организованной преступностью.
Автор рассматривает ряд практических мер, обеспечивающих действенность этой борьбы, вовлечение в нее активистов-общественников, охрану граждан от преступных посягательств «профессионалов».
Для широкого круга читателей.

Г $\frac{1203021200-009}{012(01)-90}$ 16-90 **67.99(2)9**

ISBN 5-7260-0216-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1988 году в среднем по стране совершалнсь: каждые 32 мнн. — убнйство, 14 мнн. — тяжкое телесное повреждение, 30 мнн. — нзнаснлованне, 41 мнн. — разбой, 12 мнн. — спекуляцня, 6 мнн. — хнщенне государственного н общественного нмущества путем злоупотребления служебным положеннем. На кражу государственного нмущества пршшлось 3 мнн., а на кражу личного — 57 секунд[1]. Счет, как вндим, пошел уже на секунды. Этот крнмнально-временной расчет касается, увы, не какой-то другой страны (это было раньше!), а нашей. Вот почему 14 февраля 1989 г. на встрече в ЦК КПСС ее участнннки высказали серьезные опасення по поводу сложнвшейся в обществе крнмннологнческой обстановки. Отвечая на ннх, М. С. Горбачев отнес борьбу с преступностью к неотложным задачам перестройкн. Он подчеркнул: «...вы правнльно обратнли вниманне, что тут нужно проявлять больше жесткости, надо, чтобы законы действовалн. Нам нужно уснлнть борьбу со всеми негатнвнымн явлениямн, преступнымн элементамн, с темн, кто на человека, на собственность, лнчную н государственную, руку поднимает, кто жульннчает, мошенничает, тунеядствует. Надо повестн борьбу наступательно н решнтельно»[2].

Необходнмость решнтельной борьбы с преступностью отмечена н в положеннях новой редакцнн Программы КПСС. Реалнн жнзнн сегодня продиктовали необходнмость снова вернуться к этой задаче. Но ее решение связано со многнмн соцнальнымн факторами и объектнвно предполагает всестороннее нзученне преступностн в днвамнке. Нужно знать не просто колнчество преступленнй, а те глубинные изменення и процессы, которые в ней пронсходят. Нужно знать не просто личность преступнника, а крнмннальную среду с ее категорнями, «спецналнстами», «ндеологамн», «законамн» и традицнями. Совершенно очевндно, что рост преступностн вряд лн правильно оценивать на сравннтельных

---

[1] См.: В МВД СССР//Аргументы и факты. 1989. № 7. С. 6.

[2] Перестройка — рабочему классу, рабочий класс — перестройке//Правда. 1989, 16 февр.

данных двух лет (1987—1988 гг.), как это делается в печати. Создается впечатление, будто он связан с происходящими в обществе обновлениями. Конечно, это далеко не так. Со времени изменения законодательства (1958—1960 гг.) преступность в стране увеличилась почти в 2,5 раза и развивалась, опережая темпы прироста населения. В целом она приобрела выраженную корыстную направленность. Стала более опасной и ее структура. Например, среди хищений социалистического имущества только с 1972 по 1987 год в шесть раз увеличились преступления, совершенные в группе, а сумма причиненного материального ущерба возросла в 12 раз. Аналогичные изменения произошли и в общеуголовной преступности, где все более отчетливый характер принимают организованность и профессионализм преступников. По расчетным данным только в 1987—1988 гг. уголовным розыском выявлено и разоблачено 280 тыс. различного рода преступных групп, в которых участвовали 800 тыс. лиц, совершивших 350 тыс. преступлений. Это лишь один из фрагментов состояния современной преступности.

Если взять рецидивную преступность, то здесь негативные изменения выражены более рельефно. Они указывают на стабильность преступного занятия для определенных категорий ранее судимых. Только с начала 70-х годов число рецидивистов, совершающих однородные преступления, увеличилось в 1,3 раза. Специальный рецидив сегодня превышает показатели рецидива дореволюционной России и по отдельным видам преступлений достигает 80%. Кроме того, в стране ежегодно задерживалось несколько сотен тысяч бродяг, из которых более двух третей ранее судимы преимущественно за корыстные преступления. Нездоровая обстановка сложилась в местах исправления осужденных. В отдельных ИТК наблюдалось неуправляемое положение, что приводило к массовым беспорядкам, неповиновению осужденных, увеличению с их стороны преступлений.

Эти и другие изменения в преступности, о которых пойдет речь в данной работе, происходили на фоне возрастающей коррупции, сращивания расхитителей с ворами, вымогателями, разбойниками, грабителями. В стране стали распространяться нетрадиционные виды преступлений, типичные для буржуазных стран — рэкет, похищение людей с целью выкупа, бизнес на азартных играх и проституции. В ряде регионов отмечены факты

раздела сфер влияния между преступными группировками, организации местных и общесоюзных сходок уголовных элементов, создания ими общих денежных фондов для воспроизводства преступной деятельности и подкупа должностных лиц. И не случайно в такой обстановке «показателем падения социальных нравов стали рост пьянства, распространение наркомании, увеличение преступности», констатировалось на январском Пленуме ЦК КПСС 1987 г.[1] Таким образом создавались объективные условия для формирования определенной группы (категории) преступников, имеющих ярко выраженные паразитические установки и антиобщественную «идеологическую» направленность их профессионализации и организованности. Следствием этого явились реставрация, но уже в измененном виде, группировки «воров в законе», возрождение старых и установление новых преступных традиций и обычаев, расслоение уголовных элементов на различные касты — «авторитетов», «шестерок», «паханов», «обиженных», «опущенных», и т. д. Только в течение 1986 — 1988 годов органами внутренних дел было выявлено и поставлено на криминалистический учет около 20 тыс. всевозможных лидеров уголовной среды и более 500 «воров в законе». По экспертным же оценкам их, конечно, больше. В последние годы общество столкнулось и с таким опасным явлением, как распространение «бандитствующих» группировок молодежи, основанных во многом на уголовно-воровских традициях. Можно назвать и еще ряд негативных проявлений современной преступности. Однако ясно и из перечисленного, что мы сегодня вплотную столкнулись с проблемой профессиональной и организованной преступности.

Организовываясь и специализируясь, устойчивые преступники обращают противоправную деятельность в единственный или дополнительный, но значительный источник средств существования. Они создают ядро современной преступности, которое начинает как бы участвовать в перераспределении национального дохода. Делается это разными способами, порождая проблему нетрудовых доходов и вовлекая в орбиту преступлений все новые и новые кадры. Бороться со всем этим злом возможно лишь на основе реальной оценки происходя-

[1] Материалы Пленума ЦК КПСС, 27 — 28 января 1987 г. М., 1987. С. 12.

щего и здесь предстоит ответить на многие вопросы: что такое профессиональная преступность, из чего она складывается и каким образом видоизменяется применительно к тем или иным социальным условиям, в чем ее отличие от организованной и что такое организованная преступность в условиях социалистического общества, каков механизм развития этих двух видов преступности? Это позволит дифференцированно подходить к определению уголовной и исправительно-трудовой политики, организации раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Ведь состояние общей преступности зависит не только от упущений в экономике, идеологии или правоприменительной деятельности. Оно самым тесным образом связано с феноменом криминального профессионализма, представляющим собой разновидность устойчивой специализированной деятельности. Однако преступная профессия в данном случае рассматривается условно, хотя внешне и отражает основные элементы понятия профессии вообще. Такого рода деятельность имеет свои признаки, механизм возникновения и развития. Ее нельзя отнести ни к одному виду преступности (например, рецидивной, групповой), поскольку она в них может проявляться лишь частично. Криминальный профессионализм создает (безотносительно к причинам) определенный массив преступлений, совокупность которых и представляет особый вид преступности — профессиональную.

Профессиональная преступность основывается на корыстных преступлениях, определяющих сегодня состояние общей преступности. Поэтому многие их показатели (динамика, структура, латентность, раскрываемость) в значительной мере зависят от результативности борьбы с профессиональной преступностью. Между тем при определении стратегии и тактики борьбы с преступностью на протяжении десятков лет наличие профессиональной преступности не учитывалось. Этот вид преступности ни в царской России, ни в советский период не являлся предметом самостоятельного исследования. Начиная с 30-х годов прочно утвердился никем не обоснованный тезис о ликвидации в нашей стране профессиональной преступности. Со временем были забыты даже изначальные понятия «профессиональный преступник», «профессиональная преступность». Отдельные элементы этого явления, связанные с рецидивом,

субкультурой, затрагивались в контексте изучения общей преступности. Интерес к данной проблеме возник лишь в 80-х годах. Не нашла своего четкого отражения эта тема и в зарубежной криминологии. Специалисты западных стран, уделяя больше внимания организованной преступности, показали лишь некоторые признаки профессионально-преступного поведения и определили преступления, где они наиболее ярко проявлялись.

Все это, несомненно, создавало определенные трудности в подходе к изучению профессиональной преступности. Поэтому при подготовке данной работы была поставлена задача определить и проанализировать признаки преступно-профессиональной деятельности, через них показать особенности профессиональной преступности применительно к разным социальным условиям и историческим периодам, обосновать специфическую причину воспроизводства этого явления, разработать некоторые меры борьбы с ним. Однако, опираясь на научный опыт прошлого, на концепции, разработанные советскими криминологами, и данные конкретных исследований, автор не претендует на бесспорность высказанных суждений и отдельных положений работы. Напротив, конструктивная дискуссия позволит многое уточнить и лучше познать «дно» преступности, «вторую» жизнь в обществе, с тем чтобы в условиях его обновления могла, наконец, появиться реальная возможность нейтрализации негативных явлений.

Представляемая книга — многолетний труд, и автор, разумеется, находился не в изолированных условиях. Поэтому считаю себя нравственно обязанным выразить признательность всем, кто и в застойные годы оставался на своих научных и гражданских позициях, оказывая мне методическую и моральную поддержку. Это академик В. Н. Кудрявцев, профессора Ю. М. Антонян, А. И. Алексеев, А. И. Долгова, Н. Ф. Кузнецова, И. И. Карпец, Г. К. Синилов, кандидаты юридических наук В. М. Бурыкин, В. Е. Зобов, Н. М. Якушин и многие другие. Слова благодарности также относятся к сотрудникам уголовного розыска, БХСС и ИТУ центрального аппарата МВД СССР, МВД Узбекской и Грузинской ССР, органов внутренних дел Москвы, Ленинграда, Пермской, Тамбовской, Горьковской областей и другим оперативным работникам, помогавшим в сборе материала и на деле боровшимся с тем, что отрицалось.

1. ТЕОРИИ И ВЗГЛЯДЫ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ПРЕСТУПНОСТЬ

ПОЯВЛЕНИЕ ТЕОРИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРЕСТУПНИКА

Классификация преступников

После выхода в свет работ Ч. Ломброзо, явившихся по существу началом изучения личности преступника, в ряде стран стали проводиться исследования психологических свойств правонарушителя, в которых ученые пытались найти стержневую причину преступного поведения. Независимо от направлений и школ они стремились понять, почему человек совершает преступления, несмотря на тяжесть установленного наказания; почему не останавливается, испытав его; почему совершает корыстные преступления, не имея порой материальной нужды. Ответы на эти вопросы требовали диалектического подхода к познанию самого явления — преступности, что в тех исторических условиях осуществить было вряд ли возможно, хотя некоторые попытки предпринимались уже тогда.

Несмотря на увлечение биологическими теориями, ученые не могли не обнаружить, что противоправная деятельность виновных по своему характеру и мотивам существенно различалась. Например, один из сторонников антропологической школы. Л. М. Моро-Кристоф, не найдя аргументов, чтобы возразить Виктору Гюго относительно социальных причин преступности, длительное время изучал уголовный мир Парижа, после чего в своем сочинении «Мир мошенников», отстаивая теорию Ч. Ломброзо, отметил, что в преступной среде есть люди случайные и лица, живущие только на средства, добываемые совершением преступлений, есть выходцы из бедных слоев населения, но немало и лиц «благородного» происхождения. Имелись и более серьезные обобщенные данные, свидетельствующие о стойкости противоправного занятия, преступном опыте, традициях и жаргоне преступников.

Накопленные эмпирические данные обусловили не-

обходимость классификации представителей уголовного мира, выделения в нем наиболее опасного и злостного ядра преступников. Поэтому в 1897 году на Гейдельбергском съезде Международного союза криминалистов была принята следующая классификация преступников:

1) преступники случайные, эпизодические;

2) преступники, обнаружившие серьезную неустойчивость в поведении или несколько раз совершившие преступления;

3) преступники упорные, или профессиональные.

Тип преступника-профессионала

Таким образом, ученые криминалисты конца XIX века выделили особый тип правонарушителя — профессиональный. Первоначально, как это видно из приведенной классификации, понятие «профессиональный» они связывали с признаком упорства, нежелания преступника отказываться от совершения преступлений.

На съезде также отмечалось, что в течение последних 20 лет данный тип преступника сформировался и соответственно этому достаточно четко обозначился в криминалистической литературе.

Однако тип профессионального преступника и сам термин «профессиональный» в практике борьбы с преступностью появились гораздо раньше. Уже в конце XVIII века начальник парижской тайной полиции (точнее — резидент) Ф. Э. Видок называл профессиональными преступниками тех, кто систематически совершал кражи, мошенничества и другие преступления против собственности, характеризовался ловкостью и изощренностью в достижении криминальной цели. Таким образом, если обобщить взгляды ученых и практиков на понятие профессионального преступника, то можно выделить два основных его признака, с помощью которых он отграничивался от иных категорий правонарушителей, указанных в классификации: 1) сознательное избрание преступного занятия; 2) устойчивость (упорство) паразитических наклонностей.

Не случайно П. И. Люблинский, говоря о профессиональных преступниках, писал, что «они выполняют преступления не под влиянием случайных увлечений или внезапных взрывов, а, считая труд ниже своего достоинства, следуют по преступному пути в полном сознании сопряженного с ним риска».

Отмечалось, что терминология в отношении профессиональиых преступииков была ие выдержана, и их называли по-разиому: «привычиый», «упорный», «хронический», «иеисправимый». Ииаче говоря, среди ученых того времени ие было единства в вопросе о целесообразности употребления в науке термина «профессиональный преступник». Против этого термина выступали, например, С. Позиышев и И. Фойиицкий. Но большннство криминалистов, призиавая тип такого преступника, употребляли термин «профессиональный».

Следует отметить, что существовало еще одно суждение по даиному вопросу. Некоторые авторы считали, что преступииком-профессиоиалом можио иазвать только того человека, который совершал обмаи или кражу в сфере какого-либо производства. Согласио даииой концепции, профессионалом мог стать торговец, ремесленииик или иной человек, совершающий преступления, связанные непосредственно с выполняемой им работой, профессией.

Одиако несмотря на отдельные разногласия большииство занимавшихся этой проблемой, считалн удачным термин «профессиональный» для обозначения лиц, чья деятельность отличалась устойчивостью и корыстной направленностью, т. е. приносила материальный доход. Как отмечал М. Геринг, «привычные» преступники ие питают иикакой склоииости к работе и предпочитают добывать свой хлеб нечестным путем. Тем самым он определил эти преступления как источник средств существования.

Профессионалы «по страсти»

М. Герингом была выявлена н другая особенность в генезисе преступного поведения профессиоиальных уголовников — приобретение с течением времени привычки («страсти») к совершению преступления, которая трансформировалась у них в потребность, а противоправные действия начинали доставлять им при этом моральиое удовлетворение. К преступникам «по страсти» ои относил шулеров, браконьеров и контрабандистов, у которых корысть сочеталась с азартом[1]. Надо заметить, что подобный стереотип в преступном поведении отдельных категорнй преступников был

[1] О сильном влечеиии контрабаиднстов к преступленню ради остроты чувств пнсал задолго до М. Гернига Ф. М. Достоевский, наблюдавший это в условиях общеуголовной каторги среди лиц, осуждеиных за контрабанду.

установлен еще сторонниками антропологического направления. Карманные воры, например, по свидетельству Ч. Ломброзо, признавались, что у них возникает острая потребность украсть при одном лишь виде часов или денег, хотя они им в данный момент были не нужны. Ч. Ломброзо и его последователи в отличие от М. Геринга назвали эту потребность «преступным импульсом», будто бы свойственным носителям корыстного поведения.

Преступный опыт и специализация

Анализируя психологические свойства личности профессионального преступника, М. Геринг пытался дать соответствующую классификацию: он, например, дифференцировал мошенников на разные категории в зависимости от их «устойчивости» и преступного опыта. Однако особые навыки он отмечал лишь у карманных воров и лиц, совершавших кражи при размене денег («обманщики-менялы»).

Из сказанного видно, что ученые, рассматривая тип профессионального преступника, обращали внимание не только на его социальную деградацию, но и на ряд объективных признаков его деятельности, к которым относили прежде всего способы совершения преступлений и криминальный опыт.

Исследователи установили также один из важных признаков развития стойкой противоправной деятельности профессиональных преступников — «разделение труда», или специализацию. Так, английский ученый Э. Гавелюк, анализируя теоретические концепции ряда криминалистов, пришел к выводу, что профессиональный преступник совершенно обдуманно избирает себе известный метод добывания средств к существованию, поскольку его профессия связана с риском и требует ловкости.

«Профессиональный вор старается специализироваться, — отмечал другой ученый — немецкий криминалист А. Вейнгарт, — он особенно охотно направляет свои действия на одинаковый род предметов и в исполнении краж часто тождествен до мельчайших подробностей, с одной стороны, потому что это более соответствует его способностям и склонностям, с другой — такое постоянство в одинаковой деятельности может повести к достижению наибольшей ловкости и совершенства». Эти признаки, по мнению В. И. Лебедева, важно было учитывать в раскрытии преступлений.

Ядро преступного мира

Однако в целом какой-лнбо иаучной методикн илн системы нзучения лнчности профессионального преступника у буржуазных ученых конца XIX — начала XX столетнй ие было. Не ставилась нмн н проблема профессиоиальиой преступностн как самостоятельного внда преступностн. К профессиональной преступностн (определения которой не давалось) онн относнли отдельные внды нмущественных преступленнй, совершаемых преступинками-профессноналамн. Судя по всему, ученые нсходнлн нз следующего: еслн есть профессиональный преступиик, значит есть н професснональная преступность. Вместе с тем крнмнналнсты отмечалн, что именно многократные рецндивнсты и профессиоиальиые преступннкн составляют ядро преступного мнра, «его армню н штаб», не без основанний полагая, что от этого ядра завнсит состояние преступностн. По образному выражению Р. Хайндн, «чнсло профессиоиально совершенных преступленнй неисчнслнмо велико, число же профессиоиальиых преступннков, совершнвшнх эти преступления, поражающе мало. Как во многнх областях промышленностн девять десятых всей продукцни находнтся в руках нескольких крупных фнрм, так и на рынке преступности почтн весь оборот совершается немногнмн крупными пронзводнтелямн».

Последователи Робин Гуда или злой воли!

В лнтературе описываемого пернода нередко можно встретить суждення о проявленнн со стороны профессиональных преступнников гуманностн, сочувствня и даже благородства к обездоленным нлн своей жертве. Это создавало некнй романтнческий образ уголовнника-страдальца. Например, главарь шайкн Картуш однажды заплатнл долг за честного купца, а также возвращал памятные вещн обворованным жертвам. Он, говорнлось тогда, был идеалом вора н олнцетворял парижскую богему XVIII века, подобно тому, как Геркулес во время Древнего Мнра воплощал в себе идею победоносной борьбы человека с прнродой.

Подобное проявленне гуманностн со стороны нанболее злостных преступннков нуждается в объясненнн, тем более что с родственными суждениямн придется встретнться прн опнсаинн современной профессиональиой преступиостн. Из тех же литературных источнн-

ков можно установить следующие причины такого поведения преступников-профессионалов:

во-первых, их деятельность нередко была направлена на завладение имуществом зажиточных сословий, обогащение которых происходило далеко не всегда правомерным путем. Это, разумеется, не могло не вызывать положительного резонанса у бедных слоев населения;

во-вторых, располагая значительными суммами награбленных денег и ценностей, они для удовлетворения своего тщеславия могли раздавать мелкие подачки, тем самым создавая себе ореол благородства. Требовалось также и моральное оправдание преступного занятия;

в-третьих, раздавая подачки, они преследовали вполне определенную цель: подчинить себе людей и приобрести сообщников.

Продуманность линии поведения в какой-то мере можно связать с отмечаемым учеными более высоким уровнем интеллекта профессиональных преступников в отличие от обычных. Например, американский врач Мерчиссон, проведя обследование заключенных в двух крупных тюрьмах, вначале пришел к выводу, что преступники вообще гораздо грамотней и развитее своих надзирателей. Затем он обнаружил, что среди всех заключенных «привычные» преступники намного выше по интеллекту, чем впервые осужденные. Но самыми развитыми, по его мнению, оказались мошенники, за ними — похитители имущества насильственным путем, на третьем месте стояли воры.

ЗАРУБЕЖНАЯ КРИМИНОЛОГИЯ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Подход к проблеме Рост социальных противоречий в современном капиталистическом мире обусловил, по мнению западных социологов, небывалые размеры преступности. В США, например, ежегодно регистрируется около 12 млн. тяжких преступлений, в том числе свыше 6 млн. краж со взломом, 600 тыс. бандитских нападений, около 500 тыс. ограблений. При этом раскрывается лишь 20% преступлений, фигурирующих в «Индексе по важнейшим преступлениям». Во Франции ежегодно в полицию поступает до 500 тыс.

заявлений об ограблениях и кражах. Аналогичное положение отмечается в ФРГ, Италии и других странах.

Массовый характер преступности сопровождается превращением многих видов преступной деятельности в источник наживы и бизнеса. Растет рецидивная преступность как один из показателей тенденции к профессионализации преступности.

В последнее десятилетие в преступности капиталистических стран достаточно ярко определилось самостоятельное направление противоправного бизнеса. Второй по величине проблемой после контрабанды и торговли наркотиками стали преступления, связанные с похищением культурных ценностей.

Буржуазные социологи и криминологи пытаются объяснить причины безудержного роста преступности и найти эффективные меры борьбы с ней. Именно поэтому профессиональная преступность все чаще становится предметом их научных исследований.

В криминологии социалистических стран проблема профессиональной преступности затрагивается, как правило, фрагментарно, хотя полностью не отрицается. Например, в работе чехословацких авторов «Криминология» (1982 г.) говорится, что «существуют в социалистических странах и преступники по профессии, но они отличаются по своим признакам от профессиональных преступников капиталистических стран». Правда, авторы не раскрывают этих признаков, а лишь указывают на то, что такие преступники специализируются на карманных кражах, мошенничестве, разбое и других преступлениях, не имея общественно полезного занятия.

Нельзя не отметить, что и в буржуазной криминологии профессиональная преступность не явилась специальным объектом монографических исследований. Как правило, она рассматривалась при анализе общей преступности или отдельных ее видов. Несколько иное положение наблюдается в исследовании проблем организованной преступности, что видимо, связано с большей ее опасностью и распространенностью. Вместе с тем социологическая и криминологическая литература, другие источники информации позволяют в достаточной мере проанализировать состояние теоретических и практических аспектов преступности в ряде развитых капиталистических стран. Буржуазные криминологи относят профессиональную преступность в основном к области имущественных преступлений. «Профессиональ-

ные преступники, — пишет В. Фокс, — обычно совершают преступления против собственности, добывая себе таким образом средства к жизни». По мнению другого американского ученого П. Леткемана, к профессиональным преступникам относятся лица, не причастные к организованной преступности, но посвятившие себя совершению таких преступлений, как взлом сейфов, ограбление банков, грабежи, кражи из отелей и мошенничество. С профессиональной преступностью в значительной мере связывается и преступность рецидивистов. Таким образом, взгляды современных буржуазных криминологов на проблему профессиональной преступности мало чем отличаются от оценок этого явления криминалистами прошлого века. Но в отличие от них современные специалисты больше внимания уделяют механизму образования профессионально-преступного поведения, признакам этого явления и личности преступника. Они, например, полагают, что преступники учатся своему ремеслу, как и все другие специалисты, и человек становится профессиональным вором либо в результате обучения его определенными лицами в определенной микросреде, либо в результате того, что обучается сам с помощью так называемого метода проб и ошибок.

Американский криминалист Э. Сатерленд, выпустивший в 1937 году книгу «Профессиональный вор», отдавал своего рода «предпочтение» классическому, первому способу вхождения в роль профессионального преступника. Очевидно, это объясняется распространенностью приемов обучения в преступном мире того времени. Профессионализация такого преступника, по его мнению, начинается с отбора способного новичка для последующего обучения его квалифицированными ворами. Причем во время «стажировки» новичок усваивает общие стандарты противоправной морали, правила поведения, необходимые для профессионального вора. Он учится также и тому, как сбывать краденое, завязывает личные знакомства с другими ворами, а нередко и с юристами, полицией, судебными служащими. В итоге «ученик» приобретает воровскую технику, связи с преступной средой и становится преступником-профессионалом. (Современные криминологи относят связь с полицией и другими должностными лицами к признакам организованной преступности.)

Правда, здесь нужно учитывать, что книга Э. Сатерленда была, во-первых, написана в 30-е годы со слов

профессионального преступника и, во-вторых, имела целью показ преступных связей и их роли в «обучении». Поэтому современные ученые, соглашаясь в принципе с положением, выдвинутым Сатерлендом, все же отстаивают мысль о развитии профессионального преступника посредством метода «проб и ошибок», иными словами — без воздействия посторонних лиц. Эдвин Пфул писал, что человек, вставший на путь преступлений, со временем сам доходит до известной степени мастерства в избранной им преступной деятельности. Такого же мнения придерживается и социолог Эдвин М. Шур, который отметил, что обучение преступному поведению включает «не только прямое наставление, но и длительное, подчас совсем незаметное влияние различных социальных процессов. Такому влиянию подвержен в значительной мере любой человек, поэтому нет никаких причин полагать, будто преступник является в этом отношении каким-то исключением». Он особо подчеркивал, что в теории о преступности следует учитывать процесс обучения преступлениям, поскольку им учатся так же, как и иным формам поведения; различия сводятся лишь к содержанию усваиваемых моделей и не характеризуют сами процессы.

Как видим, при исследовании механизма образования профессионально-преступного поведения буржуазные криминологи больше внимания уделяют его внешней стороне, избегая, как правило, объяснения причин его возникновения.

Классификация «преступной карьеры»

До сих пор мы рассматривали лишь общие положения преступного профессионализма, связанные с его сферой и развитием. Теперь проанализируем позиции буржуазных криминологов относительно признаков, характеризующих саму профессионально-преступную деятельность.

К таким признакам американский криминолог Р. Колдуэлл отнес следующие: 1) занятие преступлениями как бизнесом, специализация на каком-либо одном типе посягательств; 2) умение четко действовать, тщательно планировать преступления, технически их оснащать и выполнять с мастерством; 3) совершенствование в процессе преступной деятельности своих знаний и опыта; 4) отношение к преступлению как к своей карьере, подчинение этой деятельности своего мировоз-

зрення; 5) отождествление себя с преступиым миром[1]. К профессиоиальным преступникам, у которых иаиболее ярко проявляются указанные признакн, Р. Колдуэлл отиосил в первую очередь мошеннников, фальшивомонетчиков и кармаииых воров. Нетрудно убеднться: хотя перечисленные нм признаки и систематизнрованы, оии мало чем отличаются от прнзнаков, изученных крнмииалнстами прошлого века, что ие может ие свидетельствовать об определеииых закономерностях в развитин преступио-профессиоиальиого поведення.

Другой амернкаиский крнминолог В. Реклесс, выделяя три внда преступной карьеры — обычную, оргаиизованную н профессноиальную, характеризует их следующим образом. К обычным прекступнинкам он относнт лиц, которые попадают в места лнщения свободы за берглэри, хнщення нмущества, нзиасилования, убийства н ряд других тяжких преступленнй (этн лица постояино нарушают закои, но не являются профессноналамн). Организованная преступиость — это преступность мафнн. Профессиональные преступникн — это те, кто совершаемые нмн преступлення против собственности (хищення имущества, берглэри, азартные нгры, взяточничество) делают источником средств существоваиия. И хотя В. Реклесс смешивал внды преступности с тнпамн лнчности и их протнвоправной деятельиостью, он довольно четко, судя по тексту, определял основной критерий профессиональиого преступннка.

Наиболее удачная классифнкацня преступнинков была дана И. Маккнннн. В ней учнтывались такне оценочные факторы, как преступная карьера, поддержка преступного поведения со стороны группы, соотиошение преступных и законопослушных моделей поведення, реакцня со стороны общества, а также внды протнвоправной деятельностн. Аналогичиой классификацни придерживались М. Клайиард и Р. Куннни. Онн выделяли следующие восемь типов преступннков: 1) лнца, совершающне насильственные преступлення против лнчностн; 2) лнца, эпнзодически совершающне преступления протнв собственности; 3) лнца, совершающне должностные преступлення; 4) лица, совершающне полнтнческие преступления; 5) лнца, совершающие преступления, иарушающне публичный порядок; 6) лица, совершаю-

[1] Цнт. по: Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 226.

щие «обычные» преступления; 7) лица, участвующие в организованной преступности; 8) профессиональные преступники.

Из данной ими типологии систем преступного поведения и их критериев особый для нас интерес представляют три вида: «обычные» преступления, организованная и профессиональная преступность. По мнению указанных авторов, профессиональная преступность отличается от организованной не только видами преступлений, но и противоправными связями с государственным аппаратом (коррупции), принадлежностью лица к группе. Где-то близко к профессиональной примыкает «обычная» преступность, приносящая преступнику лишь дополнительный доход. Однако в целом отграничить обычного преступника от профессионального достаточно сложно, так как последний, например, может тоже совершать «обычные» преступления. Дифференцировать их по степени преступного дохода также трудно. Вместе с тем авторы достаточно убедительно показывают отличительные признаки профессионального преступника на общем фоне антиобщественной деятельности тех или иных категорий правонарушителей: 1) совершение преступлений как источник средств существования; 2) осознание себя преступником; 3) определенное положение в преступном мире и принадлежность к среде профессиональных преступников. Причем положение в этой среде достигается совершением преступлений, а преступное поведение предписывается групповыми неформальными нормами.

Следует отметить, что, как и ученые XIX — начала XX века, современные буржуазные криминологи не дают определения профессиональной преступности. Они лишь констатируют, что профессиональная преступность включает мошенничество, кражи из магазинов, карманные кражи, фальшивомонетничество, подделку документов. Однако это слишком ограниченный, на наш взгляд, перечень профессионализированных видов преступлений, если принять во внимание, что к центральному признаку профессионального преступника относится существование его за счет преступной деятельности.

Нельзя не обратить внимания и на другое обстоятельство. Хотя в целом профессиональная преступность и связанные с ней вопросы получили известную разработку в буржуазной криминологии, вместе с тем некоторые признаки и критерии этого явления остаются неоп-

ределенными и достаточно подвижными. Одни, например, повторяют, другие взаимоисключают друг друга. Так, второй и третий признаки по схеме Р. Колдуэлла составляют по существу одно целое и относятся к степени криминальной подготовки лица. Пятый признак может вообще не проявляться в отдельных видах преступлений, связанных с хищением государственного имущества. Аналогичные неточности допускают и другие авторы. Кроме того, настораживает противоречивость их суждений относительно отдельных видов преступлений, характерных для преступников профессионального типа. Причем в некоторых исследованиях обнаруживается аморфность самого понятия «профессиональный преступник». Не случайно в статье «Концепция профессионального преступника: ее применимость в тюремном управлении» подчеркивалось, что понятие «профессиональный преступник» не поддается универсальному определению. Между тем описывается процесс выполнения специально разработанной «Программы судебного преследования профессиональных преступников», которая в порядке эксперимента осуществлялась в США. Автор этой статьи утверждал, и не без оснований, что профессиональные преступники совершают большое количество преступлений, однако в силу своего опыта «пробивают систему» юстиции и «выторговывают себе оправдательные или по большей части мягкие приговоры». В этой связи, по его мнению, названная программа должна усилить пенитенциарное воздействие на преступников, а ее полное осуществление даст возможность ежегодно изолировать до 5 тыс. преступников-профессионалов. Средний срок осуждения для них в соответствии с этой программой должен быть 5 — 7 лет лишения свободы.

Однако заметим: если речь идет о судьбе правонарушителя, то, очевидно, в первую очередь должны быть определены четкие критерии отграничения профессионального преступника от «обычного» или рецидивиста. В противном случае осуществление любых программ приведет к необоснованным судебным репрессиям. Но в статье, не лишенной различного рода детализаций, говорится лишь о лицах, неоднократно судимых или совершающих многоэпизодные преступления. «Из более молодых заключенных, — писал автор статьи, — профессиональным преступником был только тот, кто ранее подвергался заключению или имел три и более су-

димости». Согласно этому определению, из всей массы обследованных осужденных профессиональные преступники составили: в Калифорнии — 49%, в Мичигане — 43%, в Техасе — 42%. Если быть более точным, то нужно заметить, что автор статьи привел данные, отражающие по существу многократный рецидив. Им также отмечено, что профессиональные преступники больше подвержены наркомании и алкоголизму: соответственно 36 и 30%. Однако по своему поведению в местах лишения свободы они ничем не отличаются от основной массы осужденных.

Таким образом, можно прийти к выводу, что имеющиеся в буржуазной криминологии теоретические разработки проблемы профессиональной преступности не достаточно четки и удобны для использования в практических целях — для изучения личности профессионального преступника, классификации ее видов, разработки мер борьбы и т. п. Кроме того, профессиональную преступность нередко отождествляют с формами организованной преступности. Поскольку эти виды преступности имеют много общего и представляют для нашего общества уже не только теоретический интерес, целесообразно также рассмотреть основные положения, связанные с понятием организованной преступности.

Преступные синдикаты

Определение организованной преступности было дано в США министерством юстиции и ФБР в 1975 году для использования его в специальных программах борьбы с этим явлением. Согласно этому определению, «организованная преступность есть деятельность любой группы лиц, чьи основные занятия связаны с нарушением уголовных законов в целях получения нелегальных доходов, а также возможности заниматься рэкетом и в случаях необходимости сложными финансовыми манипуляциями»[1]. Следует отметить, что организованную преступность во многих штатах США определяют по-разному, но суть сводится к одному — к наличию организации (группы), установленной субкультуры в ней и к занятию преступным бизнесом. При этом дефиниции чаще всего содержат элементы, характеризующие не организованную преступность как соци-

[1] Тюрина Л. А., Тюрин Д. П. Организованная преступность в США и Италии. Актуальные проблемы буржуазной криминологии. М., 1983. Вып. № 3. С. 131.

альное явление, а уголовно-правовые признаки, обусловливающие понятие организованного преступления. В частности, в штате Калифорния под организованным преступлением понимают деяние, совершаемое двумя и более лицами в течение продолжительного времени. Далее следует перечень пяти преступных сфер: 1) рэкет; 2) аморальные действия (запрещенные услуги — проституция, наркотики, азартные игры); 3) сбыт краденого; 4) генгн; 5) террористические группы. Штат Делавар — «группа, действующая вне закона с целью получения для себя материальных выгод». В уголовном законодательстве штата Миссисипи под организованным преступлением понимается сговор двух и более лиц о совместном совершении корыстных преступлений в течение длительного времени[1].

Как видим, организованная преступность оценивается по-разному даже правоприменительными и законодательными органами одного и того же государства, где она достигла значительных размеров, проникнув в сферу экономики и управления. Так, в своем докладе, подготовленном для президентской комиссии «Закон и справедливость», профессор Калифорнийского университета Дональд Кресси отмечал: «Члены этой организации (мафии. — *А. Г.*) контролируют почти все нелегальные игорные дома в Соединенных Штатах. Они главные импортеры и продавцы наркотиков. Они проникли в некоторые профсоюзы... Они фактически монопольно владеют сигаретными автоматами, многими предприятиями розничной торговли, ресторанами, барами, отелями, компаниями по перевозке грузов, пищевыми компаниями, компаниями по уборке мусора... В их распоряжении находятся некоторые члены законодательных органов штатов, члены конгресса США и другие официальные представители законодательной, исполнительной и юридической власти на уровне района, штата и страны. Некоторые правительственные лица (включая судей) считаются и считают себя членами мафии»[2].

В этом пространном определении преступной деятельности мафии отражены все направления преступно-

[1] См.: Тюрина Л. А., Тюрин Д. П. Организованная преступность в США и Италии. Актуальные проблемы буржуазной криминологии. М., 1983. Вып. № 3. С. 131—132.

[2] Боровик Г. Пролог (американская хроника). М., 1985. С. 361 — 362.

го бизнеса, охватываемого организованной преступностью. Но мафия — лишь одна из наиболее опасных и высокоорганизованных форм проявления этой преступности. Кроме мафии к организованной преступности, как это видно из уголовного законодательства США, относятся также устойчивые группы преступников, совершающих преступления с целью обогащения. К тому же в последние годы отмечается тенденция к распространению более мелких, но устойчивых и мобильных групп преступников, что, очевидно, обеспечивает им бо́льшую безопасность. Поэтому более удачное криминологическое определение организованной преступности дано, на наш взгляд, Р. Колдуэллом. Он выделяет восемь основных ее признаков: 1) организация группы в целях занятия преступлениями как профессией в течение более или менее длительного срока; 2) централизация власти в руках одного или нескольких членов группы; 3) создание денежных фондов для нужд организации; 4) специализация группы в целом на определенных преступлениях и распространение внутригрупповых функций; 5) экспансионистские и монополистические тенденции; 6) коррумпирование, которое выражается в создании системы связей с судьями, полицейскими, политическими деятелями, врачами, администрацией; 7) установление жесткой дисциплины, неукоснительное подчинение установленным правилам поведения; 8) тщательное планирование с минимальным риском преступных операций[1]. И хотя отдельные признаки детализируют друг друга (например, 4 и 8), в целом они дают четкое представление о том, из чего складывается организованная преступная деятельность. Эти структурные компоненты, выделенные Р. Колдуэллом, в той или иной интерпретации повторяются в исследованиях современных буржуазных криминологов.

Так, в упоминавшейся ранее классификации видов преступной деятельности организованная преступность характеризуется следующими систематизированными нами элементами: организация преступного бизнеса в форме рэкета, проституции, контрабанды наркотиков, азартных игр; принадлежность к группе, предписывающей совершение преступлений, служащих источником существования; совершенствование преступной де-

[1] См.: Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. С. 225.

ятельности и изолированность от общества; незаконная деятельность, пользующаяся спросом со стороны законопослушного общества; наличие экономически оправданного риска; наличие у членов группы (мафии) больших возможностей в законопослушном обществе; сокрытие преступной деятельности от публики; поддержка организованной преступности со стороны политиканов и полиции[1].

Подобная же организованная преступность наблюдается в Италии и Японии. В других капиталистических странах она выражена не в форме мафии. Например, специалисты ФРГ, отмечая исключительную общественную опасность организованной преступности, понимают под ней и описывают устойчивые организованные группы, занимающиеся различными видами корыстно-насильственных преступлений.

По своей структуре, организации деятельности и обеспечению конспирации мафия представляет собой довольно сложную организационно-управленческую систему, о которой, уместно подчеркнуть, полиция США долгое время располагала лишь отрывочными сведениями. Современная мафия («Коза Ностра») имеет почти 6 тыс. официальных членов. Руководит ею правящий орган — комиссия, которая состоит из 7 — 8 представителей самых многочисленных и могущественных семей. Всего же насчитывается 24 босса, каждый из них возглавляет одну из 24 семей. В мафии около 200 капо-капитанов, находящихся в подчинении главарей преступных кланов (семей). Низы составляют «солдато», среди которых есть бизнесмены и миллионеры. Каждый из них имеет самостоятельную организацию (группу) уголовников, куда, кстати, входят нередко профессиональные преступники-одиночки. В преступном мире «солдато» гораздо выше любого профессионального уголовника-«специалиста»[2].

Характерными чертами современной организованной преступности являются ее мобильность, проникновение в сферы экономики, государственного управления высокоразвитых капиталистических стран, что ведет к изменению ее структуры, преступной ориентации и географии. Организованная преступность в этой связи, как

[1] См.: Фокс В. Введение в криминологию. М., 1980. С. 261—263.

[2] См.: Боровик Г. Указ. работа. С. 357.

отмечалось в докладе директора Иитерпола, приобретает международный характер, когда преступные организации имеют свои филиалы и представителей в других странах, в том числе и некоторых социалистических. А это в свою очередь ведет к измеиению структуры преступности в той или иной страие, где обосновывается мафия. Последнее особенно ярко можно проследить иа диамике посягательств, связанных с похищением культурных ценностей, сбытом наркотиков, проституцией, азартными играми.

Итак, профессионализация преступника, согласно буржуазной криминологии, — закономерный процесс устойчивой противоправной деятельиости, обусловливающей формирование двух взаимосвязанных видов преступности — профессиоиальной и организованной.

ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВЕТСКОЙ КРИМИНОЛОГИИ

Понимание профессиональной преступности в 20-е годы

В нашей страие, как известно, в разное время существовали разные точки зрения на преступность. Длительное время отрицались ее причины, объявлялось о ликвидации профессиональиой и организованной преступиости. Одним словом, до недавнего времени тема эта относилась к числу запретных, что ие могло не повлиять на оценку советской криминологии как науки, не улавливающей своевременно криминальных явлений в обществе, а порой якобы повторяющей известные положения одноименной зарубежной науки, в том числе и по проблеме профессиональной преступности. И хотя есть тому исторические причины, но это далеко не так.

Известно, что сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции молодая Советская республика наряду с решением важиейших политических, экономических и социальных задач много внимания уделяла борьбе с преступностью. В этот период В. И. Ленин неоднократно в своих работах затрагивал проблемы преступности, видя главную задачу в своевременном выявлении, объективной оценке и устраненин причин антисоциальных эксцессов[1].

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 91; Т. 36. С. 195 — 198.

Поэтому советское правительство не могло ограничиться только созданием правоохранительного аппарата нового типа. Рост преступности и интенсивные изменения ее качественной стороны в новых социальных условиях требовали глубокого изучения этого наследия царизма, его причин и условий с тем, чтобы за короткие сроки разработать эффективные формы и методы предупреждения преступности. Необходимость этого диктовалась разработкой нового законодательства и обусловливалась также малым опытом работы советских правоохранительных органов.

Наиболее широкое отражение в криминологической литературе того времени получили проблемы таких преступлений, как убийства, бандитизм, разбой, грабежи, кражи и мошенничество. Работы первых советских криминологов (их тогда называли криминалистами) содержали богатый эмпирический материал, отличались глубоким содержанием и целенаправленными предложениями по усилению мер борьбы с преступностью. В этих условиях не могли остаться без внимания и вопросы профессиональной преступности. При изучении личности профессионального преступника ученые исходили из результатов исследований прошлых лет (до 1918 года) и придерживались уже сложившихся точек зрения относительно ее признаков и понятия, тем более что некоторые из них занимались этими вопросами еще в дореволюционные годы.

Вместе с тем некоторые положения были ими развиты и конкретизированы. В отличие, например, от дореволюционных криминалистов, которые лишь высказывали предположение относительно тесной связи профессионализма с корыстными преступлениями, советские ученые, исходя из основного критерия — преступного дохода, пришли к твердому выводу, что имущественные преступления — это и есть по преимуществу область, порождающая профессионалов-преступников.

Более определенно давалось и само понятие профессионального преступника, принимая во внимание не отдельные признаки, а совокупность объективных и субъективных черт и свойств устойчивой противоправной деятельности. Так, И. Н. Якимов, характеризуя преступников 20-х годов, относил к профессиональному типу «преступника, многократно совершающего преступления, которые обеспечивают ему средства к существованию и дают постоянный более или менее верный до-

ход, причем благодаря своей опытности в совершении избранного им рода преступлений такой преступник с некоторой уверенностью рассчитывает на безнаказанность своих действий».

Аналогичной точки зрения придерживался С. В. Познышев, который отмечал, что «профессиональный преступник — тот, кто несколько раз совершил преступление одного и того же вида по утвердившейся склонности удовлетворять таким образом свою более или менее повторяющуюся потребность».

Как видим, оба автора отдавали предпочтение признаку специализации, причем достаточно узкой, что не могло не отражать специфику преступного поведения профессионалов 20-х годов. Однако С. В. Познышев в отличие от И. Н. Якимова несколько расширил и детализировал понятие профессионального преступника. Он, например, писал, что с подобной деятельностью нередко бывают связаны судимости, но сразу же оговаривался, что «профессионалом может быть и не рецидивист, в то же время рецидивист может не быть профессионалом». Здесь уже был новый подход к пониманию данного типа преступника, поскольку его чаще всего отождествляли (это наблюдается и сейчас) с рецидивистом. Не случайно вопрос о дифференциации общественной опасности рецидивистов и профессиональных преступников довольно часто поднимался в юридической литературе того времени. Так, профессор М. М. Гродзинский, говоря о вредности механической оценки социальной опасности личности преступника по формальным признакам судимости (тем более — когда есть возможность ее изучать), писал: «...так легко может оказаться, что лицо, являющееся формально рецидивистом, не имеет еще прочно укоренившихся преступных наклонностей, и обратно — лицо, которое еще ни разу не отбывало наказания и даже ни разу не было осуждено, может оказаться хроническим и опасным преступником, совершившим несколько преступлений до того, как удалось привлечь его к суду».

К главному критерию определения типа профессионального преступника ученые относили стремление лица к удовлетворению своих материальных потребностей с помощью противоправной деятельности, что и обусловливало, по мнению С. В. Познышева, «установку данной личности на определенное преступление». К профессиональным преступникам, или преступникам

«промысла», относятся, по словам М. М. Гродзинского, «те, кто не только систематически совершает преступления, но обращает последние в источник материальных благ, необходимых для существования, иначе говоря, делает преступления источником доходов». Он также подчеркивал, что для отнесения преступника к этой категории необходимо установить факт более или менее регулярного получения им материальной выгоды от преступлений, «причем совершенно безразлично, является ли преступная деятельность единственным источником существования данного лица или же имеются и другие средства существования у преступника, равно как в последнем случае безразлично, является ли преступная деятельность главным или же второстепенным источником дохода». Это — очень важное, на наш взгляд, положение, поскольку преступная деятельность профессионала уже тогда не рассматривалась как единственный источник средств существования. Обоснованность его в том, что работа для профессионального преступника зачастую была средством маскировки.

Помимо указанных выше признаков учитывались и некоторые факультативные элементы профессионализации — владение техникой совершения преступлений и жаргоном, соблюдение неформальных норм поведения, установленных в среде профессиональных преступников, и т. п.

При изучении воров М. Н. Гернет обратил внимание на одну существенную особенность их психологии, во-первых, объясняющую необходимость, а вернее правильность употребления термина «профессиональный» и, во-вторых, раскрывающую внутренний механизм межличностных отношений в данной среде. «Как скоро воровство становится профессией, — писал он, — с ним происходит то же самое, что происходит со всякой профессией, что происходит во всяком труде... Профессиональное воровство знает и разделение труда, и бесчисленные категории «специалистов», знает своих «рабочих» и своих «предпринимателей эксплуататоров», имеет свою воровскую «профессиональную честь», свою «солидарность». Отсюда следует, что любая постоянная деятельность, в том числе и противоправная, не может быть полностью изолированной от определенной социальной (асоциальной) микросреды, в которой находится тот или иной индивидуум.

Следует отметить, что профессиональные преступни-

ки отличались от других изощренными способами совершения преступлений. Некоторая аналогия, правда, отмечалась в действиях так называемых привычных преступников. Но здесь следует оговориться. Если в дореволюционной России термин «привычный» отождествлялся с термином «профессиональный», то в 20-е годы он обозначал самостоятельную категорию преступников. Однако различие между привычным и профессиональным типами было незначительно и скорее условно. Оно заключалось лишь в том, что, по словам И. Н. Якимова, «профессиональный преступник работает как мастер, специалист своей профессии, привычный преступник еще недостаточно ловок и смел, пользуется только удобным случаем». По мнению ученых, из числа привычных преступников пополнялась среда профессиональных.

Подобная дифференциация, основанная на объективном признаке — характере действий, была, на наш взгляд, не совсем удачна, поскольку разграничение проводилось по степени «квалификации» (мастерства). Учитывая стойкость антиобщественной установки привычного преступника, более правильно было бы отнести его к определенному типу (разновидности) профессионального. То есть, говоря языком современной криминологии, возникала необходимость в типологии личности профессионального преступника.

Анализируя точки зрения ученых того времени по проблеме профессионализации, необходимо обратить внимание на два важных обстоятельства.

Во-первых, употребляя термин «профессиональная преступность», исследователи не давали понятия этого явления и не изучали его в качестве самостоятельного предмета исследования. Правда, некоторая попытка в этом направлении была предпринята Б. С. Утевским, который писал, что «профессиональная преступность — это та форма преступности, при которой она превращается в источник систематического (временного или постоянного) заработка (основного или подсобного)». Данное им определение вряд ли удачно и скорее лишь поясняет сущность преступно-профессиональной дятельности. Криминологи, очевидно, полагали, что само выделение типа профессионального преступника обусловливает наличие такой разновидности преступности, как профессиональная. Ведь так же по существу определялась и рецидивная преступность.

Во-вторых, изучая поведение профессиоиальных преступников, ученые исходили главным образом из того, что профессионализация лица, вставшего иа путь совершения преступлеиий, происходит не под действием каких-либо особых социальиых факторов (причины преступлений общие), а является закоиомерным совершенствованием любой осуществляемой длительное время деятельности с целью оптимального достижения конечных целей. В данном случае — извлечения нетрудовых доходов с наимеиьшим риском для себя. Не случайно в переходный от капитализма к социализму период к профессиональным преступиикам относились как к классовым врагам.

От теории к практике

Исследование профессионализации противоправного поведения преследовало цель совершенствоваиия работы правоохранительных органов, поскольку в профессиональной преступности усматривался своеобразный катализатор осложнения оперативной обстановки в стране. По мнению Б. С. Утевского (его поддерживали М. Н. Гернет, И. Н. Якимов и др.), профессиональные преступники, составляя ядро преступников, совершали «огромное число открываемых преступлений, еще большее число не открываемых и, вероятно, во много раз большее число преступлений, которые даже не доходят до сведения органов розыска и дознания». Он также подчеркивал, что если бы удалось ликвидировать преступников-профессионалов, то общая картина преступности резко бы изменилась в лучшую сторону.

В этой связи вызывают интерес предложения ученых о мерах предупреждения профессиональной преступиости. Во-первых, ими высказывалась мысль об отмене кратких сроков заключеиия, которые, как известио, были минимальными в первые годы Советской власти. Во-вторых, не без оснований предлагалось ввести в общую часть уголовного кодекса статью, устанавливающую призиаки профессиоиального преступиика, с тем чтобы уголовная ответственность этой категории лиц нашла четкую правовую регламентацию. В-третьих, предлагалось по отбытии основной меры наказания применять к профессиональным преступникам ссылку.

Часть этих предложеиий нашла свое отражение в законодательных актах того времени. Например, профессионализм в преступном поведеиии рассматривался

уголовным законодательством первых лет Советского государства как отягчающее вину обстоятельство. В Руководящих началах по уголовному праву РСФСР, утвержденных постановлением НКЮ РСФСР от 12 декабря 1919 г., обращалось внимание судов на необходимость усилить наказание преступников-профессионалов. По существу такое же положение содержалось в первом УК РСФСР 1922 года: в ст. 25 п. «е» судам предписывалось учитывать как отягчающее вину обстоятельство отнесение лица к профессиональному преступнику. Вместе с тем Уголовный кодекс РСФСР не содержал понятия и признаков профессионального преступника и, более того, специальных мер по отношению к данной категории правонарушителей (кроме мер социальной защиты, применяемых к опасным преступникам вообще). Это значительно затрудняло уголовно-правовую борьбу с профессиональной преступностью.

Не совсем удачной оказалась и терминология УК РСФСР, касающаяся профессионализации преступников. Так, в ст. 180 п. «б» говорилось о краже, обращенной в профессию, а во всех других случаях (свыше десяти статей УК) употреблялся термин «промысел», который означал квалифицирующий признак или отягчающее вину обстоятельство. Установить какое-либо различие между этими терминами («промысел» и «преступная деятельность как профессия»), по мнению М. М. Гродзинского, не представлялось возможным, поскольку они в Уголовном кодексе, как впрочем, и повсюду, должны считаться совершенно равнозначащими.

В УК РСФСР 1926 г. термин «профессиональный» не применялся. Однако целый ряд статей предусматривал уголовную ответственность за занятие преступлениями в виде промысла.

Но уже через два года после принятия УК РСФСР в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г. «О карательной политике и состоянии мест заключения» давалось разъяснение, что всякий, совершивший повторное правонарушение, в силу этого должен быть отнесен к категории общественно опасных рецидивистов-профессионалов. Здесь, как видим, обнаруживается несколько упрощенный подход к определению преступника-профессионала. Очевидно, сложные социальные условия того периода диктовали необходимость принятия более жестких мер к лицам, упорно не желающим встать на путь исправления. Правда, постанов-

ление предостерегало от возможности ошибочного признания лиц профессиональными преступниками и указывало на необходимость отличать воров-рецидивистов от лиц, обративших кражи в профессию.

Следует отметить, что результаты первых криминологических исследований способствовали качественно новому подходу к организации борьбы с профессиональной преступностью. Наряду с совершенствованием уголовного законодательства осуществлялась перестройка работы правоприменительных органов, особенно органов внутренних дел. В частности, в подразделениях уголовного розыска и следствия была введена специализация в раскрытии и расследовании отдельных видов преступлений. По предложению ученых-криминалистов создавались специальные отделения (группы) по борьбе с карманными кражами, большинство которых в то время оставалось нераскрытыми, поскольку никто раскрытием их не занимался. Небезынтересно отметить, что эти отделения (группы) долгое время не могли эффективно выявлять и задерживать с поличным карманных воров и мошенников из-за отсутствия специальных навыков и опыта, в то время как борьба с другими преступлениями (разбой, грабеж) приносила успех с первых же дней создания уголовного розыска. Подобная специализация сотрудников уголовного розыска была ответной реакцией на проявления профессиональной преступности. Дифференцированный подход к профессиональным преступникам осуществлен в местах лишения свободы.

Последствия тезиса о ликвидации профессиональной преступности

В дальнейшем (1931 — 1932 гг.) под воздействием ряда субъективных и объективных причин криминологическое изучение преступности в СССР было практически прекращено. Вместе с тем было бы ошибочно считать, что борьба с преступностью велась вслепую, без каких-либо исходных обобщенных данных о ней. На местах, в ведомственной печати, как показывает изучение документов, поднимались достаточно серьезные проблемы, касающиеся перевоспитания осужденных, усиления борьбы с отдельными категориями преступников, в том числе и профессиональных, изменения стиля, форм и методов работы органов внутренних дел. В целом же, безусловно, отсутствие целенаправленного учения о причинах

преступности, происходящих в ней изменениях и процессах отрицательно сказались на их объективном понимании и разработке мер предупреждения преступлений.

Период игнорирования криминологии как науки совпал как раз с периодом изменений в состоянии преступности, особенно корыстной, возникновением уголовных группировок рецидивистов. Лишь в начале 60-х годов криминология снова возрождается и, претерпевая определенные трудности научно-организационного становления, начинает изучать преступность и ее причины, но уже не затрагивая вопросов профессиональной преступности. Это обусловливалось, с одной стороны, отсутствием первоначальной научной и эмпирической базы, не позволявшим сделать быстрый переход от общего к частному, с другой — сложившимся к тому моменту субъективными стереотипами мышления в области оценок борьбы с преступностью, преодоление которых требовало времени. О силе инерции такого мышления говорит содержание ряда документов органов внутренних дел, где предписывалось, например, ликвидировать в ближайшие 10 лет, а в некоторых областях и раньше, преступления, совершаемые опасными рецидивистами. Подобные решения базировались на определенных установках: ведь тезис о ликвидации профессиональной преступности появился уже в середине 30-х годов. Под впечатлением неоспоримых успехов в борьбе с бандитизмом, контрреволюционными и иными преступлениями не совсем обоснованно, а главное преждевременно, проводилась мысль об отживании преступности и ее депрофессионализации. Например, с пафосом писалось: «В воровском мире царит тревога. В последних «шалманах» и «малинах» с недоумением поговаривают о том, что профессии вора приходит конец». В подтверждение приводились заказные письма преступников вроде этого: «Убедительно прошу оповестить через газету всех бывших воров, что на воле везде и всюду идет такое движение: правонарушители отрекаются от преступности и идут работать. Преступный мир пустеет. Наступает конец всему тому, чем когда-то жили воры». Безусловно, такой оптимизм не соответствовал действительности, поскольку при этом не учитывались объективные социальные факторы.

Таким образом, начиная с 30-х годов феномен профессиональной преступности не изучался. В советской

литературе понятия «профессиональный преступник» и «профессиональная преступность», как справедливо отмечал в одной из своих работ Г. Г. Зуйков, специально не разрабатывались. Этими терминами часто пользовались произвольно, применяя их для обозначения различных явлений.

Между тем, если исходить из обозначенных ранее критериев профессионального преступного поведения, то можно сказать, не боясь ошибиться, что они будут приемлемы для значительной доли осужденных за корыстные и корыстно-насильственные преступления. К тому же признаки рассматриваемого явления, отмеченные учеными 20-х годов, достаточно подвижны, а в преступности и самой личности преступника произошли с течением времени существенные изменения, чего нельзя не учитывать. Поэтому закономерно возникают вопросы: можно ли провести четкую границу между обычным, но злостным преступником, и профессиональным; между рецидивистом, в том числе и особо опасным, и преступником-профессионалом? Есть ли у нас профессиональные преступники и что их отличает от профессионалов 20-х годов? Наконец, что такое профессиональная преступность, которая якобы ликвидирована у нас в стране вообще, и характерно ли данное явление для современной преступности в частности?

Ответов на эти вопросы в криминологической науке по существу нет, хотя, например, авторы учебника «Криминология» категорически и не утверждают, что профессиональная преступность *полностью* ликвидирована. «*Практически* ликвидирована профессиональная преступность», — повторялось из одного издания этого учебника в другое и, таким образом, допускалась возможность ее остаточных проявлений. Лишь в учебнике выпуска 1987 года, хотя и не обошедшего стороной констатацию «факта» ликвидации профессиональной преступности, делается попытка заострить внимание на проблеме криминальной профессионализации корыстных преступников. Однако это порождает другие, не менее актуальные вопросы, требующие научно обоснованных ответов: что, например, имелось в виду под профессиональной преступностью, которая «практически ликвидирована»; в какое время это произошло, что, наконец, от нее осталось? Научно обоснованных ответов пока что, к сожалению, нет даже в таком фундаментальном труде, как «Курс советской криминологии». В нем

лишь констатируется факт уменьшения профессиональной и рецидивной преступности в период 1926 — 1936 гг.

Возрождение теории «профессиональной» преступности

Вместе с тем было бы неправильно утверждать, что криминологи совсем не видели и не касались вопросов, связанных с преступно-профессиональной деятельностью. Во многих работах в той или иной мере без употребления термина «профессиональный» исследователи выделяли и даже раскрывали признаки, характерные именно для рассматриваемого нами явления. В частности, достаточно полно изучался специальный рецидив, показывающий не что иное, как устойчивость определенного вида преступной деятельности у определенных групп преступников, удельный вес паразитирующих правонарушителей. Обращалось внимание на наличие в деятельности воров и особенно рецидивистов элементов, характерных для профессиональной преступности, — «специализации» и «квалификации». Исследовались жаргоны преступников и татуировки, клички, преступные доходы, воровские инструментарии и «техника» совершения преступлений, традиции и «законы» уголовной среды.

В последние годы интерес к этой проблеме среди криминологов и практических работников заметно возрос, в связи с чем появились попытки найти и обосновать признаки профессиональной преступной деятельности, подойти к вопросу анализа самой профессиональной преступности. Так, Ю. В. Бышевский отметил, что к настораживающей тенденции в развитии преступности необходимо отнести встречающиеся признаки профессионализма в преступной деятельности. При этом он исходил из ее устойчивости, опыта преступника и полагал, что к группе преступников-профессионалов следует отнести часть рецидивистов и полностью — карманных воров. Определенную часть расхитителей государственного имущества Ю. В. Бышевский отнес к совершенно иному типу профессиональных преступников; у них специальный инструментарий гораздо «тоньше», чем у традиционных воров.

Анализируя степень реализации преступного умысла воров на различных стадиях преступной деятельности в зависимости от объекта посягательства, В. И. Холостов, например, отмечал, что более высокой воровской квалификацией характеризуются похитители личного имущества. По его данным, наибольший удельный

вес оконченных краж приходится именно на преступников, совершающих хищения личного имущества граждан, в чем усматриваются признаки профессионализма, свойственные лицам, посягающим на личную собственность.

Можно назвать еще ряд авторов, которые так или иначе затрагивают профессионально-преступную деятельность отдельных категорий правонарушителей. В целом же проблема профессиональной преступности относится к одной из сложных, острых и дискуссионных проблем советской криминологии, несомненно нуждающейся в дальнейшем изучении. Одни ученые в своих работах полностью отрицали существование этого явления в преступности, не приводя серьезных научных аргументов, другие (И. И. Карпец) доказывали наличие атавизма профессиональной преступности, третьи (В. Н. Кудрявцев) прямо говорили о существовании профессиональной преступности в неизвестных пока что масштабах, четвертые (Ю. В. Солопанов, Ю. М. Антоиян) отмечали недопустимость игнорирования профессионализации преступников, пятые (Н. Ф. Кузнецова) указывали на то, что в имущественных преступлениях помимо профессионализации наблюдаются элементы организованной преступности.

Подтверждая актуальность разработки проблемы профессиональной преступности, приведенные выше и другие точки зрения не раскрывают составных элементов (признаков) этой преступности и не содержат какой-либо дефиниции данного феномена. Правда, авторы «Курса советской криминологии» предприняли попытку дать определение преступника-профессионала. «Например, вор-рецидивист, — говорится в этой работе, — судимый за одинаковые по характеру преступления три и более раза, не занимающийся после освобождения из мест лишения свободы общественно полезным трудом, является профессионалом, так как совершение преступлений стало способом его существования. Аналогично мы должны подойти и к характеристике таких видов преступности, как карманные кражи, мошенничество, распространение наркомании и др.»[1]. Отметим, что авторами учтены лишь некоторые признаки — три и более судимостей, отсутствие полезной деятельности,

[1] Курс советской криминологии. М., 1985. С. 159 — 160.

однородиость преступлений н способ существования. Еслн исходить нз этого, то к какой тогда категории можно отнести шулера, на протяженнн длительного времеин жнвущего иа средства, добываемые мошенническим обыгрываинем граждан, но работающего и ие имеющего суднмости? Очевидио, что определеине профессионального преступника должно быть более совершенным.

Отсутствне четкнх понятнй профессноиального преступиика, особениостей его деятельиостн ие отвечает совремеиным задачам борьбы с негативными явлеииями в обществе, когда в числе острых проблем стоят нетрудовые доходы, иаркомаиия, простнтуцня, и не может удовлетворять потребностн практики в условнях перестройки работы правоохранительных оргаиов. Не случайно подавляющее большинство из опрошенных работников правоохраннтельиых органов констатнровали, что неразрешениость этой проблемы не позволяет иметь реальное представленне о преступностн, ее качественных нзмененнях и пронсходящих в ней процессах.

Что же касается **организованной** преступиостн, которая самым тесным образом связана с крнмннальной профессновализацией личности, то ее существоваиие полностью отрицалось. И лишь теперь, в условиях обновлеиня общества, прнннмаются первые попытки к изучению этого опасного явлення.

ПОНЯТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Профессия и криминальное поведение

Итак, иесмотря на актуальность проблемы профессноналнзацин в преступностн, отмеченной учеными разиых страи в разные нсторнческне периоды, она до снх пор ие получнла своего научно-теоретнческого определення н ие стала самостоятельиым объектом исследования в крнмииологии. Причнна, иа иаш взгляд, обусловлена ие вполне верным методологическнм подходом к изучению данного феномеиа. Выделяя значнтельное число признаков, порой взаимонсключающнх лнбо детализнрующнх друг друга, ученые создавалн иекий абстрактный образ преступннка, прн этом нередко отождествляли его с конкретно проявляемой противоправной деятельностью, вндамн преступлеиий н даже самой преступиостью. Отсутствне обще-

теоретических положений в учении о профессиональном преступнике и профессиональной преступности, чего, например, нельзя сказать о рецидивной преступности или преступности несовершеннолетних, приводило к тому, что каждый исследователь на основе каких-то эмпирических данных (а порой и без них) выводил «свой» тип профессионального преступника, добавляя к уже имеющимся в литературе признакам новые. В конечном итоге это затрудняло определение понятия преступно-профессиональной деятельности, обособление только ей присущих свойств, через которые она могла бы быть отличима от других видов противоправного поведения.

Представляется также, что на объективность понятий «профессиональный преступник», «преступно-профессиональная деятельность», «профессиональная преступность», а также связанных с ними категорий, признаков и факторов повлияло не совсем удачное терминологическое обозначение специфического криминального поведения. В социальном аспекте «профессия» предполагает полезное и официально разрешенное занятие. Поэтому термин «преступная профессия» внешне действительно воспринимается с трудом, особенно если к этому примешивается определенный стереотип мышления во взглядах на преступность. Однако совершенно очевидно, что никто и никогда не имел в виду «профессию» преступника в социальном ее понимании. Термин, как и многие другие в криминологии, введен в оборот условно, в чисто операционных целях, поскольку признаки устойчивой преступной деятельности внешне сходны с атрибутами той или иной профессии.

Учитывая, что данная терминология в криминологической лексике сложилась исторически и имеет под собой определенную научную основу, полагаем возможным ее употребление и в наши дни. Это позволит сохранить известную преемственность в науке, избежать излишней путаницы и без того в малоразработанной области знания, дать возможность проведения сравнительного анализа преступности на разных этапах ее развития. Одновременно, исходя из указанных соображений, представляется целесообразным ввести понятие «криминальный профессионализм» для обозначения особого вида преступной деятельности, признаки которого позволят лучше уяснить сущность и понятие профессиональной преступности. В данном случае имеется в виду не совершение конкретного преступления, а занятие, де-

ятельность в более широком зиачении, поскольку в ее осиове лежат устойчивость и продолжнтельиость. В то же время термин «кримииальный профессионализм» преследует цель обозначения лишь той устойчивой преступной деятельиости, которая нмеет признаки, присущие профессии.

«Профессиоиализм» озиачает «заиятие чем-либо как профессией»[1], в связи с чем больше подходит для понимаиия преследуемой законом деятельиости, ибо речь ндет не о профессии преступника как таковой, а о проявлении ее объективиых свойств в его действиях. Именно поэтому определение криминальиого профессионализма методическн правильнее давать через призиаки, характерные для профессии вообще. Такой подход позволяет сохраиить ие только все обозиаченные ранее элемеиты профессиональной преступной деятельиости, ио и сгруппировать их на осиове более жестких критериев, совокупность которых даст возможность определить тип профессиональиого преступннка.

Для лучшего понимания и уясиения выдвинутой коицепцин иебходимо, кроме того, в методологическом аспекте решить вопрос о правомериости переиоса признаков профессиональиого преступника прошлых формаций в новые социальиые условия. Подобиые суждения возиикали и, очевидно, явились причииой попытки введения в научный оборот термина «неопрофессионализм».

Безусловио, преступность не статична, оиа связана с появлеинем иовых способов и видов преступлений, модификацней старых, изменеинем психологии преступника и т. п. Но сущность ее остается прежией.

Не является исключеннем и профессиональиая преступиость, поскольку она есть не что иное, как разновидность преступности. Если же мы обнаружим в ней совершеино иовые свойства, проявляющиеся через какие-то другие признаки, не характерные для раиее обозначеиных, то, очевидио, следует говорить о какой-то другой форме (другом виде) преступности, иапример о «неопреступности», раиее иеизвестной и порожденной новыми соцнально-экоиомическими условиямн. Но такой преступности иет. Попытки, манипулируя термнологией, обойти острые углы в развитин нашего обще-

---

[1] Словарь русского языка. М., 1983. Т. 3. С. 540.

ства, вряд ли кому-либо принесут пользу, и здесь следует проявлять предельную осторожность.

Преступность зародилась в недрах эксплуататорских формаций, и мы должны относиться к этому явлению как к наследию прошлого. Но главное в другом — недопустимо смешивать объективные признаки преступно-профессиональной деятельности и даже профессиональной преступности с их причинами. Эти признаки в своей основе неизменны, но вызываются разными факторами.

По этим основаниям представляется методологически необоснованным рассматривать криминальный профессионализм и связанные с ним проблемы через новое понятие «непрофессионализм».

Под профессией, как известно, понимается род трудовой деятельности (занятий), требующей определенной подготовки и являющейся источником существования (в других определениях — «обычно источником существования»). Из этого понятия усматриваются три признака профессии: род занятий, определенная подготовка и получение материального дохода. Однако профессия как деятельность человека не может находиться вне социальной сферы, поскольку в ней аккумулируется производственный опыт и содержится его преемственность. Поэтому она имеет также социальное содержание, носителем которого выступают конкретные люди. Они формируют микросреду, отношения в ней, поддерживают и развивают престижность своей профессии и коллектива, вырабатывают профессиональную лексику и этику поведения. Отсюда следует четвертый признак профессии — связь индивида с социально-профессиональной средой.

В рамках понятия профессии существуют и формируются такие категории, как «специальность» и «квалификация». Первая содержит комплекс теоретических знаний и практических навыков, создающих возможность заниматься какой-либо работой. Вторая определяет качество подготовки специалиста в целом. Это очень важно учитывать, поскольку указанные понятия необходимы при анализе признаков криминального профессионализма. К тому же их нередко отождествляют с понятием «профессия».

Определив компоненты профессии, следует констатировать, что если они внешне проявляются в противоправной деятельности, то ее можно отнести к преступ-

но-профессиональной, иными словами, к криминальному профессионализму. Под ним, на наш взгляд, понимается **разновидность преступного занятия, являющегося для субъекта источником средств существования, требующего необходимых знаний и навыков для достижения конечной цели и обусловливающего определенные контакты с антиобщественной средой.** Таким образом, данное определение содержит четыре признака профессионализма: 1) устойчивый вид преступного занятия (специализация); 2) определенные познания и навыки (квалификация); 3) преступления как источник средств существования; 4) связь с асоциальной средой. Каждый из них содержит присущие ему элементы, через которые он проявляется в противоправной деятельности. Поскольку эти признаки связаны с практическими вопросами борьбы с преступностью, они нуждаются в теоретическом обосновании.

1. **Вид устойчивого противоправного занятия (специализации)** обусловливается систематическим совершением однородных преступлений, направленных на удовлетворение тех или иных потребностей лица, что вырабатывает у него определенную привычку, переходящую затем в норму поведения с четкой установкой на избранную им деятельность. В условиях существования преступности как относительно стойкого социального явления, с которым ведется борьба, такое противоправное поведение закономерно, поскольку оно связано с определенными мотивами, интересами и свойствами личности преступника. Об устойчивости избираемого вида преступной деятельности может, например, свидетельствовать показатель специального рецидива, а в нем — многократного, наиболее рельефно отражающего специализацию уголовной среды. В данном случае устойчивость преступной деятельности, даже несмотря на осознание неотвратимости наказания и связанные с ним последствия, свидетельствует о твердом убеждении лица в необходимости и приемлемости именно этого занятия.

Криминальный «стаж»

Однако неотвратимость наказания, как известно, зависит от многих обстоятельств и обеспечивается не всегда полно, особенно в преступлениях против собственности, о чем свидетельствует низкий уровень их раскрываемости в настоящее время. В этой связи показатель специального рецидива не может быть единственным крите-

рнем аналнзируемого прнзнака. Здесь следует учитывать, что преступннкамн высокой квалнфнкацнн нередко являются лнца, ранее не судимые и даже не состоящне на кримнналнстическнх учетах. Напрнмер, прн нзучении карточных мошеннников нам не встретилнсь шулера, имеющне повторную суднмость за аналогнчное преступление, так как судебная практнка по делам такого рода существует не более 18 лет[1]. То же относнтся и к похитителям предметов релнгнозного культа из церквей. До недавнего временн в большннстве случаев по заявлениям о таких кражах мнлиция отказывала в возбужденин уголовных дел, поскольку определить стонмость похищенного не представлялось возможным (не было оценочных опнсей). Зная о сложившемся положеннн, служителн культа о ннх, как правнло, и не заявляли.

Наконец, нельзя не учитывать, что некоторые преступлення, особенно в сфере экономикн, долгое время остаются нераскрытымн или вообще не раскрываются, в связн с чем преступникн продолжают заннматься ими безнаказанно.

Речь, следовательно, может ндтн о стабильном внде протнвоправного занятия, когда лнцо, не попадая в поле зрения правоохраннтельных органов, длнтельное время совершает однородные преступления. Важным показателем такого занятня выступает множественность совершаемых преступленнй, иными словамн — «крнмнальный стаж».

Анализируя показатели, обозначенные как спецнальный рецидив, н снстематнчность совершаемых преступлений, нельзя не обратнть внимание на роль общего рецндива, удельный вес которого достаточно высок. Он рассматрнвается в крнмннологии как показатель участия в том или ином внде преступлений лиц, ранее судимых за различные уголовные проявлення. Общественная опасность преступления н личностн преступника в значительной мере зависит от состояния общего рецидива. Вместе с тем общий рецидив, по нашему мнению, можно также рассматрнвать в аспекте формирования антисоциальной установкн и, такнм образом, крн-

[1] До 1970 года существовало ошибочное мнение об отсутствии состава преступления в жульническом обыгрывании в карты на деньги. См.: Басов А. Казино в такси // Сельская жизнь, 1969. 12 авг.

минальной готовности субъекта к совершению какого-то вида преступления. А если так, то мы вправе считать, что общий рецидив корыстных преступлений — не проявление случайности, а показатель, нередко свидетельствующий о возможном поиске лицом оптимального варианта противоправной деятельности, который определяется и усваивается им порой не сразу, а лишь с течением времени, под воздействием различных обстоятельств. Данный вывод подтверждают результаты исследования, показавшего, что подавляющая часть квартирных воров из числа рецидивистов и каждый второй карманный вор первые судимости получили за совершение различного рода преступлений, чаще корыстно-насильственного характера.

Работа — прикрытие профессионала

На научно-исследовательских семинарах в институте Прокуратуры Союза ССР и ВНИИ МВД СССР высказывалось мнение о том, что профессиональным преступником может быть тот, кто совершает преступления и не занимается общественно полезным трудом. Подобная точка зрения в корне неверна. Во-первых, преступная деятельность запрещена, а потому преступник вынужден скрывать ее от общества, прибегая к различным ухищрениям, в том числе к созданию видимости трудовой активности. Во-вторых, отдельные виды преступлений нельзя совершить, не занимая определенной должности (например, хозяйственные преступления). В-третьих, и это самое главное, нельзя забывать, что преступник может и работать, и одновременно систематически совершать преступления в виде промысла. Вспомним в этой связи, что слово «профессиональный» означает не только присущий какой-то профессии, но и занимающийся чем-нибудь как профессией[1]. Следует, безусловно, учитывать, что при совмещении различного рода занятий одному из них, как правило, всегда отдается предпочтение. О наличии профессионализма в преступности можно судить, в частности, по степени предпочтения, отдаваемого противоправным занятиям. В качестве показателя выступает здесь удельный вес работающих номинально (с целью маскировки), а также неработающих либо бродяг среди лиц, систематически занимающихся совершением пре-

[1] См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1973. С. 576.

ступлений. По существу там, где наблюдается профессионализм, работа выступает в качестве его официального прикрытия.

2. Необходимые познания и практические навыки (квалификация). Выбор профессии не делает человека специалистом. Для этого требуются определенные познания и навыки, иными словами, соответствующая подготовка, которая позволяет выполнять ту или иную работу. Отмеченная особенность характерна и для устойчивой преступной деятельности, на что, как уже отмечалось, обращали внимание многие ученые при рассмотрении вопросов профессиональной преступности. Повышение уровня знаний в обществе, технической оснащенности производства также влияет на содержание криминального профессионализма. Во-первых, потому, что преступник, являясь членом данного общества, не изолирован от происходящих в нем процессов. Во-вторых, при совершении преступлений ему неизбежно приходится сталкиваться с реалиями технического прогресса, например преодолевать различные системы технической защиты, пользоваться современными видами транспорта и т. п.

Специальные приемы

Отдельные виды преступлений, такие, как карманные кражи, карточное мошенничество, мошенничество с помощью денежной или вещевой «куклы», размена денег, и некоторые другие вообще не могут быть совершены без использования специальных приемов, требующих не только «теоретических» знаний, но и практических навыков, причем отработанных до автоматизма. Помимо этого преступникам приходится также усваивать систему условных сигналов («маяков»), которые подаются жестами, движением головы, мимикой. С их помощью они опознают друг друга (если незнакомы), указывают места хранения денег, сообщают об удобном для совершения кражи моменте, подмене карты или «куклы», подают сигналы опасности и т. п. Поэтому совершенно прав И. И. Карпец, утверждая, в частности, что «без тренировки и специального обучения не может быть карманного вора». Нами установлено, что на приобретение необходимых навыков начинающий карманный вор затрачивает около 6 месяцев. В воровской среде имеются даже лица (на жаргоне — «шлифовщики»), занимающиеся обучением новичков.

Аргументируя необходимость второго признака про-

фессионально-преступной деятельности, отметим, что, например, карточное мошенничество требует еще большей затраты времени на обучение, в течение которого лицо с соответствующим интеллектуальным развитием должно освоить правила различных видов карточной игры и добиться виртуозного исполнения шулерских приемов.

Подготовка преступника, с одной стороны, опирается на уже имеющийся криминальный опыт данной категории уголовных элементов, с другой — совершенствуется методом «проб и ошибок» применительно к современным социальным условиям, формам борьбы правоохранительных органов с данным видом преступления. Следовательно, преступные знания и навыки под воздействием ряда факторов (например, усиление, новые формы борьбы с преступностью, внедрение сигнализации), сохраняя свою основу, изменяются, дополняются и совершенствуются. Это один из способов выживания злостного типа преступника в условиях усиления социального контроля. На данную особенность указывал еще И. Н. Якимов. Анализируя изменения в преступности в связи с развитием научно-технического прогресса, он отмечал, что «даже карманные воры и магазинные «городушники» и те не довольствуются более старыми способами и прибегают к «трюкам».

Разделение «труда»

В преступной деятельности, так же, как и в любой иной, наблюдается профессиональное разделение труда, или специализация. Она возникает в силу двух причин. Во-первых, в групповой деятельности людей, а в данном случае — преступных групп, уровень которых в имущественных преступлениях всегда высок, разделение труда создает условия для оптимального достижения конечных целей. Во-вторых, приобретение специальных технических навыков и знаний, частое их применение на практике гарантируют преступнику больший успех и снижают степень риска.

Стабильность и четкость криминальных навыков зависят от времени, в течение которого действует тот или иной профессиональный преступник. Как отмечал П. П. Михайленко, «при повторном, особенно многократном совершении одинаковых или однородных преступлений, у виновного формируются, развиваются и укрепляются преступные навыки, создается своеобразная «квалификация», а по мере увеличения числа су-

димостей за кражи все более отчетливо проявляется, по словам А. И. Волкова, своего рода «специализация».

Раскрывая содержание понятия преступной специализации, мы касались преимущественно традиционных видов профессиональных преступлений с тем, чтобы ярче отразить ее сущность. Однако специализация имеется и у других категорий преступников, что нередко обусловливает модификацию отдельных видов преступлений, в частности вымогательств, разбойных нападений, грабежей. При подготовке и совершении этих преступлений, сокрытии их следов также обнаруживается достаточно четкое разделение функций преступников.

Иногда высказывается мнение, будто криминальный профессионализм со специализацией преступников не совсем характерен для других видов преступлений, кроме карманных краж и мошенничества. На наш взгляд, подобное суждение ведет к недооценке степени общественной опасности иных видов устойчивой преступной деятельности. В каждом случае следует исходить из особенностей того или иного уголовного посягательства. Одни из них требуют большей физической подготовленности преступника, другие — особых технических знаний. Характерно, что группа, специализирующаяся на кражах автомашин, не сможет совершить карманную кражу (если, конечно, в ней нет карманных воров), и наоборот, карманные воры — квалифицированно похитить и сбыть автомашину.

Криминальная специализация присуща всем корыстным и корыстно-насильственным преступлениям, однако в силу более простых, а вернее «грубых» способов совершения отдельных из них, внешне она выражена менее рельефно. Вместе с тем последнее компенсируется относительно высоким уровнем подготовки и технической оснащенности преступников. Ими предварительно изучается объект посягательства, подыскиваются различные технические приспособления, разрабатываются планы совместных действий (нередко письменные) и т. д. Немаловажная роль здесь, как уже отмечалось, отводится влиянию на преступную деятельность достижений научно-технического прогресса. Воры, например, вместо традиционных отмычек, ломиков, сверл (что не исключается и теперь) применяют специально изготовленные усиленные домкраты для отжима дверей, раздвижения стен и решеток, портативные ме-

таллорежущие аппараты, используют автотранспорт и средства связи.

3. Преступления как источник существования. В отношении криминального профессионализма этот признак, на наш взгляд, следует считать основным.

Источником средств существования признается определенная деятельность, приносящая доход в виде денег или материальных ценностей, на которые человек живет. Доход может быть как основным, так и дополнительным, и зависит, очевидно, от потребностей индивида.

Доход преступника имеет то же содержание и назначение. Разница состоит лишь в способе его получения. Поэтому допустимо говорить о преступном промысле и рассматривать его в качестве основного либо дополнительного источника средств существования. Вместе с тем преступная деятельность может являться и источником обогащения, накопительства. Поэтому в методологическом плане нельзя не обратить внимания на одно очень важное обстоятельство. Поскольку в обществе остро стоит проблема борьбы с нетрудовыми доходами, вряд ли уже можно отрицать тот факт, что многие лица живут на средства, добываемые противоправным путем.

В диспозиции ряда статей УК РСФСР (ст. ст. 87, 208 и др.) и соответствующих статей УК других союзных республик прямо указывается на преступную деятельность в виде промысла, т. е. на систематическое совершение определенных преступлений с целью получения средств существования.

Основным источником средств существования следует признавать такую преступную деятельность, которая полностью обеспечивает жизненные потребности лица. Дополнительным — когда лишь часть дохода поступает от совершаемых преступлений и дает возможность улучшить материальное положение преступника. Исследование показало, что как основной, так и дополнительный противоправный доход лиц, специализирующихся на преступлениях, бывает весьма значительным, что заметно отличает их уровень жизни от материальной обеспеченности людей, живущих исключительно за счет общественно полезной работы.

4. Связи индивидуума с асоциальной средой. Человек, вставший на путь совершения преступлений, отказывается тем самым от общепринятых, установленных

в обществе социальных норм поведения и приобретает, усваивает совершенно новые модели, характерные для определенной антиобщественной группы (микросреды). При этом систематическое ведение антиобщественного образа жизни со всеми вытекающими отсюда последствиями вызывает у человека вполне естественную психологическую потребность в общении с той средой, которая близка к его собственным ориентациям и установкам. В то же время само существование этой среды нередко определяет его дальнейшее поведение. В ней он находит моральные стимулы, опыт и с ее помощью стремится обеспечить себе относительную безопасность.

Формы общения

В отличие от правопослушного поведения антиобщественное поведение всячески скрывается и поэтому внешне чаще проявляется на уровне микрогруппы. Таким образом, связь преступника с асоциальной средой ярче просматривается в формах его общения, соблюдения определенных неформальных норм. Он может состоять в преступной группе или принадлежать к уголовной группировке, посещать места сборищ антиобщественных элементов, поддерживать связь с отдельными рецидивистами, вносить средства в общую воровскую кассу и т. п. Причем организационно структурные элементы связей подвижны и зависят от многих факторов. Кроме того, даже при отсутствии указанных выше форм поддержания контактов может наблюдаться взаимосвязь отдельных видов устойчивой преступной деятельности. Например, для того, чтобы сбыть краденое через ломбарды или комиссионные магазины, необходимы удостоверения личности, которые за деньги добываются у карманных воров либо подделываются имеющимися в среде преступников специалистами. В свою очередь, последние могут иметь связь с лицами, занимающимися валютными операциями, распространением наркотических веществ и т. д.

Криминальные нормы отношений

Большую роль в установлении криминальных связей играют традиции, «законы» и иные неформальные нормы поведения профессиональных преступников, которые выступают своеобразными регуляторами применительно к отдельным микрогруппам и даже категориям преступников. Действие многих из таких «норм» может распространяться не только на ограниченные районы, но и на территорию всей страны

(например, штрафные санкции за те или иные нарушения). Существование неформальных правил поведения в уголовной среде обеспечивается особенностями противоправного образа жизни, требующего обязательной регуляции некоторых его сторон, особенно взаимоотношений отдельных лиц и микрогрупп. По существу они выполняют ту же роль, что и нормы поведения в правопослушных группах и коллективах, с той лишь разницей, что в силу своей антиобщественной направленности не могут широко афишироваться, иметь официальный характер. Их можно классифицировать на общие нормы, характерные для всех устойчивых преступников, независимо от криминальной направленности субъекта (вор, мошенник, вымогатель), нормы, характерные для определенной категории таких лиц, и внутригрупповые, типичные, например, для любой организованной группы. Существенное различие наблюдается по месту действия неформальных правил: одни, например, имеют силу только в местах лишения свободы, другие вне их. Некоторое различие норм обусловлено также национальными традициями и местными пережитками.

Иногда в научной литературе все неформальные нормы именуются преступными традициями и обычаями. Думается это не совсем верно. Традиции и обычаи (за небольшим исключением) сами по себе не могут быть преступными и причинять вред общественным отношениям. Это относится и к тем из них, что бытуют в преступной среде. Например, уважение «вора в законе» другими осужденными или сбор средств для общей кассы сами по себе не являются чем-то противоправным. Некоторые неформальные правила поведения вообще ничего общего не имеют с антиобщественным поведением — забота о родственниках осужденного соучастника, обязанность молчать, когда на сборище воров выступают лица, пользующиеся авторитетом уголовной среды. С другой стороны, так или иначе многие неформальные нормы имеют негативное значение и противоречат общественной нравственности. Поэтому более правильно называть их традициями, правилами определенной антиобщественной среды — субкультурой[1].

---

[1] См.: Коган В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М., 1983. С. 133 — 134.

Блатная атрибутика Важными дополнительными элементами анализируемого признака являются: а) знание преступниками специального жаргона; б) уголовные клички; в) уголовные татуировки. Эти атрибуты в какой-то мере связаны с традициями, укоренившимися среди устойчивых преступников, и есть не что иное, как внешнее отражение внутренне обусловленной принадлежности человека к категории правонарушителей. Они проявляются по-разному, но в целом достаточно четко характеризуют отношение лица к определенным социальным ценностям, иными словами, отражают его субкультуру, одновременно являясь ее продуктом. Следует учитывать, что эти элементы, вырабатываемые в преступной среде веками, — не просто внешний атрибут или своего рода «визитная карточка». Они имеют вполне определенное назначение, обусловленное особенностями противоправного поведения, и играют немаловажную роль в деятельности профессиональных преступников. Не случайно интерес к ним со стороны криминологов и практических работников возрастает.

О проявлении этих атрибутов преступной деятельности будет сказано при анализе современного состояния криминального профессионализма. Здесь же отметим, что жаргон и татуировки имеют неодинаковое значение для тех или иных групп преступников, в связи с чем жаргон, например, дифференцируется на три разновидности, каждой из которых присущи свои лексические и коммуникативные особенности: 1) общеуголовный жаргон, которым пользуются как обычные правонарушители, так и профессиональные преступники; 2) «тюремный» жаргон, типичный для мест лишения свободы; 3) специально-профессиональный жаргон, характерный только для преступников-профессионалов. Последний вид жаргона можно подразделить на несколько направлений в зависимости от категорий пользующихся им преступников (жаргон шулеров, карманных воров, распространителей наркотиков, спекулянтов и т. п.).

Уголовные татуировки, так же, как и жаргон, характеризуют внутренний мир преступника. Они свидетельствуют либо о принадлежности его к определенной категории правонарушителей, либо о тяготении к ней. Рисунки на теле преступника можно разделить на три основные группы: татуировки общего плана; татуиров-

ки-символы и татуировки криптографической направленности. Поэтому они представляют не только криминологический интерес в аспекте познания субкультуры преступников, но и интерес в криминалистическом, профилактическом и следственном аспектах.

Клички уголовников предназначены для сокрытия имен с целью обеспечения конспирации. Как правило, воровские клички являются производными от фамилий, физических или психических особенностей лица. Кличка — это своего рода краткая, но очень меткая характеристика личности преступника. Она остается за ним даже в случае, если он изменил фамилию и перешел на нелегальное положение.

Заканчивая описание признаков преступно-профессиональной деятельности, отметим, что они позволяют не только более четко определять тип профессионального преступника, но и отграничивать его от других категорий правонарушителей, совершающих аналогичным способом преступления, в том числе однородные. Нельзя, например, признать профессиональными преступниками лиц, систематически совершающих изнасилования, тяжкие телесные повреждения, хулиганство, поскольку их преступная деятельность не является источником средств существования. Отсюда следует, что ведущим признаком преступно-профессионального занятия выступает противоправный доход. Если данный признак налицо, но слабо выражен какой-либо другой, то действия субъекта, очевидно, можно расценивать как криминально-профессиональные по степени и интенсивности их проявления.

Профессиональная преступность — вид преступности

Криминальный профессионализм обусловлен систематическим ведением антиобщественного образа жизни, совершением преступлений в виде промысла и в этой связи объективно образует какой-то массив уголовных деяний. Этот массив нельзя отнести в целом ни к одному виду преступности — рецидивной, групповой, одиночной, несовершеннолетних. Совокупность этих признаков может охватывать лишь часть преступников и преступлений, относящихся к той или иной разновидности. Таким образом, объективно возникает вопрос о том, как называть массив преступлений, совершенных преступниками-профессионалами. Если исходить из аналогии с общепринятыми, устоявшимися названиями и понятиями (реци-

дивная, групповая преступность, преступность несовершеннолетних), то совокупность преступлений, совершенных профессиональными преступниками, следует именовать профессиональной преступностью. Оговоримся, однако, что такой чисто механический подход к обозначению достаточно сложного явления вряд ли отражает все его правовые и криминологические особенности. В связи с этим неизбежно возникают и сложности в определении этого понятия. По существу в литературе четкого и общепринятого определения не было до настоящего времени (так же, как нет и определений рецидивной преступности и преступности несовершеннолетних). Правда, Н. Ф. Кузнецова одна из первых среди современных криминологов предприняла попытку его сформулировать. «Профессиональная преступность, — писала она, слагается из преступлений, совершаемых в виде преступного промысла как основного либо дополнительного, но значительного источника существования»[1]. Однако, на наш взгляд, ее определение не бесспорно и прежде всего потому, что преступным промыслом могут заниматься лица, не имеющие ничего общего с антиобщественной средой (например, браконьер).

Несколько ближе к сущности профессиональной преступности и ее определению, как уже отмечалось, подходил Б. С. Утевский. Но и он, называя профессиональную преступность формой преступности, относил это явление к источнику средств существования преступника. Между тем форма, как известно, имеет свое содержание, а источником средств существования может быть конкретное преступление (преступная деятельность). Поэтому определение Б. С. Утевского также не совсем удачно.

Представляется, что в теоретическом аспекте профессиональную преступность следует отнести к виду преступности. Она имеет свои признаки, органически связана с существованием преступности как социального явления. С одной стороны, она воспроизводится посредством существования преступности вообще, с другой — развивается, оказывает негативное влияние на ее количественные и качественные стороны. Причем, если совокупность преступлений, совершенных профессиональными преступниками, рассматривать диалек-

[1] Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. С. 180.

тически, то она явится особенным по отношению к общему — преступности. Одновременно профессиональная преступность может быть общей по отношению к видам преступлений, ее признакам и элементам, в связи с чем можно говорить о структуре этого вида преступности. Таким образом, **профессиональная преступность есть относительно самостоятельный вид преступности, включающий совокупность преступлений, совершаемых преступниками-профессионалами с целью извлечения основного или дополнительного источника доходов.**

Практические задачи

Теоретическая разработка понятий криминального профессионализма и профессиональной преступности имеет важное практическое назначение.

Во-первых, что весьма существенно, она важна для реализации уголовной политики, как составной части политики в целом. Здесь, очевидно, можно говорить о «направлении главного удара» правоохранительных органов в борьбе с преступностью, в искоренении нетрудового обогащения лиц в условиях нашего общества.

Во-вторых, теоретическая разработка указанных понятий важна для познания и оценки состояния преступности в стране, регионе и повышения эффективности борьбы с ней, а также для прогнозирования отдельных видов преступной деятельности, принятия упреждающих организационно-управленческих и тактических решений.

В-третьих, разработка данной проблемы связана с совершенствованием некоторых положений уголовного права — определением дифференцированной ответственности преступника профессионального типа, оценкой общественной опасности личности по соответствующим признакам объективного и субъективного характера, детализацией отягчающих обстоятельств, конструированием отдельных уголовно-правовых норм, направленных на усиление борьбы с преступной деятельностью в виде промысла.

В-четвертых, она имеет непосредственную связь с разработкой новых и конкретизацией уже используемых форм и методов предупреждения, раскрытия и расследования преступлений применительно к особенностям преступно-профессиональной деятельности тех или иных категорий преступников.

В-пятых, анализируемая нами проблема может ока-

зать некоторое влияние на изменение пенитенциарной практики в отношении отдельных групп профессиональных преступников, поскольку большой удельный вес специального рецидива, причем многократного, существование в местах лишения свободы различного рода «уголовных авторитетов» свидетельствует о серьезных недоработках в исправлении и перевоспитании осужденных.

Практическая значимость изучения криминального профессионализма не ограничивается, однако, указанным выше. Немало связанных с этим проблем возникает в оперативной работе органов внутренних дел: при решении вопросов, связанных с совершенствованием структуры отдельных служб системы МВД СССР и организацией работы на комплексной основе как внутри нее, так и во взаимодействии с органами прокуратуры и юстиции.

Подводя итог сказанному, в целом можно прийти к следующим основным **выводам:**

1. Возникновение проблемы профессионального преступника и профессиональной преступности обусловлено ростом преступности как социального явления в связи с развитием капитализма в странах Европы во второй половине XIX столетия.

Буржуазные криминалисты прошлого и начала XX вв., выделяя тип уголовника-профессионала, исходили из двух главных признаков его поведения — устойчивости и получения от преступлений средств к существованию. Определения профессиональной преступности не давалось, хотя этот термин довольно часто использовался при описании профессионально-преступной деятельности.

2. В современных буржуазных странах, несмотря на огромный рост преступности, проблема профессиональной преступности не получила достаточной теоретической разработки. Буржуазные социологи выделяют по существу те же признаки профессионального преступника, что и криминалисты прошлого века, дополняя их механизмом образования преступно-профессиональной деятельности, классификацией личности преступника. К центральным элементам они относят преступный доход и «осознание себя преступником». Ученые четко отграничивают профессиональных преступников от преступников организованного типа, действующих в соста-

ве устойчивых групп. Одиако понятня профессиональиой преступиости и ее причин также ие дают.

3. В советской криминологни проблема профессиональной преступности не изучалась с начала 30-х годов, чему способствовал преждевремеииый вывод о ее полиой ликвидации. Теоретические разработки первых советскнх крнмниологов позволяют в целом выделнть в современной преступиости признаки кримииального профессиоиализма, аналогичные тем, что отмечались раиее. Это со всей очевндиостью подчеркивает преемственность даиного феиомена, зародившегося в недрах буржуазного общества.

Современная криминологическая концепция не отрицает существования профессиоиальной преступиостн, но в целом эта проблема не разработана и отиосится к чнслу острых дискуссиониых аспектов борьбы с преступностью.

4. Методологический подход к познанию профессиональиой преступности, отграиичеиию ее от других видов преступиости, особенно рецидивиой, возможеи (на достаточно оптимальном уровне) при нсследоваиин призиаков поиятия профессии вообще, так как профессиоиальная преступная деятельность внешне отражает специализацию н квалификацию лнца, является источником средств существоваиия н вызывает объективную необходимость его коитактов с асоциальной средой. Представляется, что ошибка ученых, изучавшнх профессиональиую преступность, заключалась имеино в бессистемном нспользованнн отдельных элементов профессии, иередко иа абстрактном уровне.

5. Познаиие явлеиня профессиональиой преступиости в современиых условнях особеино важио, так как в страие существенио осложнилась кримииогенная обстановка, в чем не последнюю роль играют те, кто обратил преступлеиия в постоянное заиятие. Поэтому совершенно очевндио, что чрезвычайиые меры, предпнсанные Постановлением Верховиого Совета СССР «О решнтельном усиленин борьбы с преступиостью», должны базнроваться иа дифференцированиом подходе к антнобщественим элемеитам и направляться в первую очередь протнв профессиоиальиых преступников.

2. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

ПРЕСТУПНОСТЬ И ХАРАКТЕР ЕЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ И ПОСЛЕРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОДЫ

Зарождение профессиональной преступности

1. Преступность в России в отличие от преступности в странах Западной Европы складывалась в специфических социально-экономических условиях, наложивших на нее свои национальные особенности.

Во-первых, Россия была преимущественно аграрной страной с прочными патриархальными традициями и преобладающим сельским населением. Это не могло не влиять на структуру и динамику профессиональной преступности, поскольку многие виды имущественных преступлений были типичными именно для городов.

Во-вторых, Россия являлась крепостнической державой и по своему экономическому положению долгое время была одним из отсталых государств в Европе, что способствовало усилению эксплуатации народа и исключительному по своим формам беззаконию со стороны официальных властей. Еще в 30-х годах XVII столетия немецкий путешественник Адам Олеарий в своих воспоминаниях о посещении Московии отмечал безудержный произвол и пьянство на Руси. Известно также, что помещики, творя суд и расправу по своему усмотрению, издавали даже собственные уложения о наказаниях.

Крайне тяжелое экономическое и правовое положение крепостных крестьян неизбежно влекло за собой рост преступности. Причем в народных воззрениях преступник часто отождествлялся с «несчастным человеком», вызывая сочувствие. «Разбойники, гулявшие по юго-восточной Украине, — писал Л. Белогриц-Котляревский, — воплощали в себе идеал свободной жизни русского простолюдина XVII столетия: он тянулся к этому идеалу своим душевным миром, он его олицетворял и в

известных образах, которые и запечатлел в народных песнях».

Поэтому несложно представить, как складывалась структура преступности дореформенной России и какие преступления в ней преобладали. Это прежде всего бродяжничество, самовольное проживание без документов («поручных записей») в городах и имущественные преступления, главным образом кражи.

Тысячи крестьян, бежавших от гнета помещиков, становились бродягами и нередко объединялись в преступные сообщества воров и разбойников. Только с 1719 по 1742 год в розыске числилось более полумиллиона крестьян. В среднем, по подсчетам ученых, от помещиков ежегодно бежало свыше 200 тыс. крепостных. Известно также, что крестьяне бежали в более ранние годы. В 1586 году был даже специально утвержден Тобольский разбойный приказ, который организовывал отправку беглых крестьян и уголовников в Сибирь на каторгу или в ссылку. Многие из них, особенно в зимнее время, оседали в городах, превращая преступления и милостыню в единственный источник существования. Анализируя историю воровства и касаясь причин этого распространенного явления, Белогриц-Котляревский пришел к выводу о том, что при скитальческой жизни вряд ли легко достать пропитание. Ненависть и это обстоятельство наталкивали беглого на разгульную жизнь, постепенно он погрязал в преступлениях и становился преступником. Не случайно в первой половине XVII столетия и в последующие годы Москва, по описанию ряда авторов, была пристанищем воров и разбойников, от которых «негде было деваться ни днем, ни ночью». Причем население всячески содействовало преступникам либо из-за страха перед расправой, либо из солидарности с ними, которая, по словам современников, доходила до того, что в Москве нельзя было положиться на собственных телохранителей. В крупных городах начинали развиваться типичные профессиональные преступления. Например, в указании генерал-полицмейстера Девьера говорилось о том, что «мошенничество и обман получили право гражданства и сделались явлением обычным».

На развитии преступности, в том числе профессиональной, крайне негативно отражалась также и жестокость карательных мер. С одной стороны, на совершение противоправных деяний людей толкали нищета и

произвол правящего класса, а с другой — невозможность возврата к прежней жизни, поскольку добровольная сдача властям (равно как и задержание ими) влекла за собой тяжкие физические наказания. Это, в свою очередь, не могло не способствовать сплоченности преступного мира: кражи и разбои большей частью носили групповой характер. Характерно, что в этот период получили распространение карманные кражи и игорное мошенничество.

Описывая состояние борьбы с преступностью в этот период, Белогриц-Котляревский отмечал, что наравне с кражами и разбоями с «неменьшей силой свирепствовали и убийства: не проходило ночи, чтобы на утро не было найдено мертвых тел: в бытность Голштинского посольства в Москве в течение 11 дней ноября мес. было поднято 15 человек убитых, как оказалось по счету на земском дворе».

Преступления в городах, особенно кражи, чаще всего совершали бродяги («пришлые люди»), которые переодевались в стрельцов и действовали под их видом. По сути это были уже профессиональные преступники, применявшие специальные воровские приемы и получавшие от краж средства к существованию. В больших городах имелись и специальные места концентрации преступников устойчивого типа («лихих людей»). В Москве, например, к таким районам относились Немецкая слобода, деревни за Серпуховской заставой и др. Обычным местом времяпрепровождения преступников являлись кружечные дома (пивные), в которых они отмечали свои успехи и пополняли шайки новыми людьми. Например, в Петербурге в начале XVIII столетия местом сбора воров, разбойников и бродяг были «кабаки, вольные дома, торговые бани, рынки, харчевни и проч., т. е. те же места... неизменные притоны подонков общества».

Состояние преступности было самым тесным образом связано с одним из старейших зол России — пьянством, о чем свидетельствуют любопытные исторические факты. Так, в конце XVII века крестьяне Устюжского уезда приезжали в Москву с челобитной «на бесчинства» разбойников и в своей жалобе рассказали, что многие пропившиеся в кружечных домах крестьяне собирались затем группами по 20 и более человек и занимались разбоями, налагая на целые деревни огромный выкуп. При этом они жгли население и «вымучивали рублей по 100». Распространенность и безнаказанность разбойников при-

вели к быстрому опустению этого уезда. Таким образом, криминальная летопись России засвидетельствовала распространенность вымогательства, сродни современному рэкету.

Говоря о состоянии преступности анализируемого периода, очевидно, несправедливо было бы отождествлять ее только с простым народом. Многие виды преступлений, особенно против личности и имущественные, были распространенным явлением и среди господствующего класса. Так, подделка документов (подлоги) и мошенничество почти полностью относились к преступлениям «владеющих классов». Купцы, например, обращали обман в главное и единственное свое занятие. Что касается помещиков, то, совершая бесчисленные преступления против личности, они охотно занимались кражами, расхищением казенного имущества (казнокрадством), похищением людей с целью продажи и т. д. Уголовные деяния совершали и лица духовного сословия.

Однако в описываемый исторический период преобладали насильственные и корыстно-насильственные преступления с относительно примитивными способами их совершения. Не существовало и так называемого профессионального преступного мира с его «законами» и «моралью», с особым тайным языком, что обусловливалось рядом объективных социальных факторов.

Во-первых, патриархальный строй, примитивные способы производства способствовали примитивизму профессиональных преступников. Подавляющее их большинство были выходцами из крестьянской среды, неграмотными и забитыми, а это не могло не отразиться на характере их преступной деятельности.

Во-вторых, преступники, особенно корыстно-насильственного типа, в большинстве своем действовали открыто, поскольку не существовало специальных органов борьбы с ними. Для борьбы с разбойниками посылались воинские формирования стрельцов, которые могли пресечь их преступную деятельность только в открытых сражениях. В целом для совершения преступлений не требовалось ни большой квалификации, ни особой конспирации. Уголовный розыск в стране как сыскная государственная система был учрежден значительно позднее (с 1866 по 1901 год). Однако это не говорит о том, что в России вообще не существовало органов сыска. Истории, например, известна роль Разбойного приказа с его

системой слежкн и пыток. Правда, он большей частью действовал как аппарат политического сыска.

В царствование Петра I причины преступностн зиачительно усугубнлись в связи с повышеннем иалога для создания регулярной армии, резкнм нарушеннем привычного уклада жнзни крестьян, связаиным с многочисленными реформами н нововведениями, частымн войиамн, серией иеурожаев, мощных пожаров и опустошающнх эпндемий, что в первую очередь отразилось иа увелнченни числа нмущественных преступлений. Небезынтересно отметить, что именно с этого времени в России наблюдается постоянный рост преступностн.

Как известно, середнна XVIII столетия характеризовалась крестьяискнмн волнеинями в Россин. Огромная армня бродяг постояино пополнялась беглыми крестьянами, автоматнческн превращавшимися в потеициальиых преступннков. Если учесть, что средства к существованию эти люди добывалн в основном противоправным способом, то систематическое бродяжничество и совершение краж носнли в себе прнзнаки своеобразного промысла.

С создаиием регулярной государственной полицнн, имевшей широкий круг полномочий и методов нх реалнзацни, характер деятельности воров, грабителей, разбойннков, бродяг и других категорнй устойчивых преступников значительно усложнился и объективно вынуждал более тщательно ее коиспирировать. К этому перноду, относнтся, иапример, запрещение выхода нз преступной шайкн под угрозой смерти: с оргаиизацией сыска внутрн преступного мира стали появляться провокаторы.

Знаменитости преступного мира

Нанболее ярко и достаточно убедительно отражает изменення качественной стороиы преступностн первой половииы XVIII века биография знаменитого по тому времени вора Иваиа Осипова по кличке «Ванька Каии». Оиа ие совсем обычна и позволяет в крнмннологическом аспекте судить о степени сплоченности и профессиоиализма преступннков, их «специальностях», психологии и межлнчных отношениях, блатных «законах», жаргоне и даже воровских песнях.

Судьба Каииа настолько нетипична, что его порой называют в современной лнтературе «русским Видоком», допуская при этом ошибку, так как Фраисуа Эжен Вндок действовал гораздо позднее — конец XVIII — начало

XIX столетий (скорее он французский «Каин»). Преступная деятельность Ваньки Каина приходится на 1731—1749 гг. В криминальную летопись он вошел как знаменитый доноситель сыскного приказа, соединивший в себе как бы два типа —«сыщика-грабителя» и «народного мошенника вора». Причем склонность к воровству у Ваньки наблюдалась с раннего детства. Он ворует у барина и получает за это побои, ворует у матери, у соседей. Однажды барышники, которым он сбывал краденое, познакомили его с настоящими уголовниками. Одному из них — Петру Романову по кличке «Камчатка» он пожаловался на трудную жизнь, на побои, на то, что воровство ему с «рук не сходит». Результаты сказались незамедлительно. В ту же ночь Ванькин барин, а заодно и местный поп были обворованы. Вскоре под сводами Каменного моста в Москве состоялся обряд посвящения Каина в общество воров. Церемония состояла из двух частей: денежного взноса (пая) в шайку и произнесения одним из воров спича на воровском жаргоне.

Основной его специальностью были карманные кражи. Так, в письме на имя начальника сыскного приказа он собственноручно писал: «Будучи на Москве и в прочих городах, мошенничал денно и нощно; будучи в церквах и в различных местах у господ и приказных людей, у купцов и всякого звания людей из карманов деньги, платки, всякие кошельки, часы, ножи и прочее вынимал». Но карманников и тогда, оказывается, ловили. На одной из проходивших ярмарок, после нескольких удачных краж, Ванька был пойман и закован в цепи. Однако тяжесть наказания ему испытать не пришлось благодаря «сотоварищам» по шайке. Тот же Камчатка передал ему в калачах ключи, которыми и были открыты замки оков. Обращает на себя внимание тот факт, что этому предшествовала записка на воровском жаргоне, который полиция не знала. В письме, например, говорилось: «Трношка качела, стромык сверлюк стракторило», что примерно означало: «Тут ключи в калаче для отпирания цепи».

После побега Каин снова ворует, состоя в нескольких шайках под началом разных главарей. В 1741 году по неизвестным причинам он решается изменить ворам и поступает в полицию сыщиком. Так как Ванька «впал в раскаяние», то его охотно приняли и передали в распоряжение воинский отряд для борьбы с преступниками —14 солдат и одного подьячего (писаря). В первую

же ночь ои задержал 32 вора. Затем в течеиие более двух лет в Москве Ваиькой и его командой было поймано 109 мошенников, 37 воров, 50 укрывателей воров («становщиков»), 60 скупщиков краденого и 42 беглых солдата. Сыскиая работа Каина велась в притонах, ночлежках и другнх местах с помощью дозволениых и иедозволенных методов.

Официально Ваиька иазывался доиосителем Сыскного приказа. Одиако за оказанную услугу ему ие дали ни иаград, ни даже тех денег, которые ои затратнл иа поиск преступииков. Тогда Каин впадает в другую крайность. Ои шаитажирует своих бывших товарищей по воровским шайкам и берет с иих взятки, занимается вымогательством. Не довольствуясь подачками воров, Ваиька переносит свои поборы иа купцов и обывателей (горожан), угрожая им для полиой гарантии поджогами. Здесь отвлечемся и заметим, что когда мы сегодия спорим о времени и причинах зарождеиия рэкета, то забываем иашу историю, ведь этот вид деятельиости существовал, оказывается, столетия тому иазад.

В 1748 году в Москве действительио участились пожары, резко возросло число разбоев, грабежей и краж. Положение стало иастолько опасным, что власти вынуждеиы были ввестн в город войска. Всего, иапример, сгорело тогда около двух тыс. дворов, в которых погибло почти 100 человек. Наконец вдвойне преступиая карьера Ваиьки была пресечена новым полицеймейстером Татищевым, арестовавшим его за похищеиие 15-летией девочки для насильствеииого сожительства.

Таким образом, из анализа материалов о преступиой жизни Каииа видио, что уже в первой половиие XVIII века существовали правила приема в шайку, устойчивость воровских сообществ, взаимовыручка преступииков, сформировавшийся жаргои, наличие уголовиых кличек. Ииыми словами, довольно отчетливо просматривались все призиаки, присущие преступиой профессиоиальиой деятельиости. Вместе с тем «закоиы» преступиого мира были еще слабы. Ииаче чем можио объяснить безиаказаииость Каииа за прямое предательство и вред, причиненный своему «собратству»? В более поздний период подобиые действия, как правило, жестоко карались: предателей обычио закалывали иожами.

Почти полстолетия спустя аиалогичиая судьба сложилась у Ф. Э. Видока, ставшего затем иачальииком тайиой полиции Парижа и оставившего мемуары о преступ-

ной и противопреступной своей жизни. Правда, эта личность незаурядна и с Каином ее сравнивать нельзя, но, что любопытно, и Видок не испытал возмездия за «предательство», наоборот, он внушал даже страх и уважение преступникам. В определенной мере это можно, по свидетельству самого Видока и его современников, объяснить тем, что он в отличие от Каина не был связан обязательствами с преступной средой.

Однако для западных стран это был, пожалуй, единственный в своем роде случай. Во Франции, Италии, Англии и Германии, где консолидация преступного мира началась гораздо раньше, чем в России, отмечалось совершенно иное положение. Ярким тому примером служит уголовное дело Картуша, одного из квалифицированнейших и крайне жестоких преступных типов Франции XVIII века. Для сравнительного анализа коротко рассмотрим его биографию, тем более что криминальная деятельность Картуша началась почти одновременно (лишь на 10 лет раньше) с похождениями русского Каина. Картуш также начал с карманных краж, причем этому искусству он обучался в цыганской воровской школе и достиг в нем полнейшего совершенства. Он так же, как и Ванька Каин, бежал из дому с единственным желанием воровать. После службы в армии, куда он попал случайно и где познакомился с помощью воровского языка со многими бывшими преступниками, Картуш возвратился в Париж и организовал там профессиональную воровскую шайку более чем из 300 человек. По структуре она напоминала достаточно крупное армейское подразделение. Методы работы, конспирации были заимствованы у полиции. Небольшие группы возглавляли «сержанты» и «лейтенанты», а общее руководство осуществлял Картуш и его помощники. В шайке были «разведчики», доносители, специалисты по обучению молодого пополнения. Она имела место дислокации и зоны своего влияния, где другие банды действовать не имели права. Сообщество Картуша отличалось жесткой дисциплиной и исключительным внутренним порядком. При любом подозрении в измене Картуш, не дожидаясь подтверждения, убивал человека. Дело Картуша свидетельствует о существовании преступных организаций, имевших свою структуру, дисциплину, сферы влияния со «своей» полицией и даже свою школу по обучению карманных воров. Оно также показывает значительное отличие преступных шаек Франции от аналогичных со-

обществ Росснн, уголовиая хроника которой подобного не зарегистрнровала даже в более поздние периоды.

Русская блатная «музыка»

Формироваие в преступном мире России стабильного ядра профессиональных преступннков сопровождалось установлением специфических атрнбутов их субкультуры, криминальных традиций и обычаев. В криминологическом аспекте наибольшнй интерес представляет воровской жаргон (воровской язык). Русский криминалист В. Лебедев одним из первых указал на то, что жаргон является естественным и необходимым продуктом самой природы н культуры каждой уголовной категории.

Поскольку речь идет о «профессин» преступника, а жаргон является ее неотъемлемым элеменитом, в какой-то мере отражающим также генезнс професснональной преступности, то на нем следует остановиться несколько подробнее, тем более, что систематнзированных данных об этом в криминологии не содержится.

Известно, что условным языком владели уже преступники Древней Грецни, в русском государстве им пользовались первые волжские разбойники. В разных странах тайный язык преступников именовался по-разному (например, арго), хотя отражал одно и то же — особенности криминального образа жизни. Л. М. Моро-Кристоф образно сравннвал язык преступников с гардеробом, где язык, нмея нужду скрыть что-ннбудь дурное, «облачается в слова-маски и рубище метафоры».

На Руси этот язык известен под иазванием «музыка». По словам В. И. Даля, эта «музыка» была разработана столичнымн мошенниками, карманниками и ворами разного промысла, конокрадами и барышннкамн. Однако это высказываиие, по нашему мнению, далеко не полностью отражает характер возннкновення жаргона. Процесс его формнровання достаточно сложен н связан со многими социальными факторами.

Среди ученых нет еднного миения о временн зарождения жаргона русских преступников. Языковед А. Шор относил начало его возникновення к XVIII веку (в странах Западной Европы он появился уже в XIII веке). В. Трахтенберг утверждал, что жаргон и условный шрифт преступников произошли от условных обозначений офеней (торговцы-разносчики мелкого товара), слова которых им найдены в рукопнсях XVII века. Другне

связывают зарождение жаргонизмов с появлением волжских разбойников. Представляется, что указанные точки зрения авторов скорее следует отнести не ко времени зарождения воровского жаргона, а к периоду его окончательного формирования в преступном мире России. Возникновение же тайного языка преступников относится к более раннему периоду, когда на Руси происходило деление общества на классы и, как следствие этого, наблюдалось появление и рост преступности. Выработка жаргона происходила, как отмечал языковед Б. А. Ларин, стихийно и диктовалась своего рода необходимостью, в связи с чем тайная речь воровской организации развивалась вместе с преступниками. Поэтому анализ жаргона позволяет сделать вывод о том, что уголовно-профессиональный язык отдельных категорий преступников, преимущественно воров, окончательно утвердился в России уже в первой половине XVIII века. В то время у карманных воров, например, насчитывалось до 140 специальных жаргонизмов.

При этом отмечается интенсивное распространение воровского языка и пополнение его новыми жаргонизмами. Последнее, очевидно, можно объяснить не только увеличением категории профессиональных преступников, но и их многонациональным составом, что приводило, особенно в условиях каторги, к слиянию жаргонизмов представителей различных народов. Так, из польского языка в русский воровской жаргон перешли слова «капать» — доносить, «коцать» — бить, «мент» — тюремный надзиратель; из украинского: «хавать»— есть, «хомка»— нож, «торбохват»— арестант; из цыганского: «чувиха»— проститутка, «марать»— убивать, «тырить»— воровать; из тюркского: «яманый» — плохой, «кича» — тюрьма.

Ученые прошлого (М. М. Фридман, Г. Н. Брейтман) и современные (М. Н. Грачев) отмечали, что общими для различных категорий жаргонов русского арго явились многие элементы еврейской «блатной музыки». Это обусловливалось двумя причинами. Во-первых, некоторые группы еврейского населения дореволюционной России по роду своей деятельности стояли близко к преступному миру. Таковыми были содержатели игорных домов, питейных заведений («шинков»), домов терпимости, ростовщики, маклеры, торговцы и даже скупщики краденого. Специфика подобного рода занятий требовала нередко общения с уголовными элементами и известной конспирации, для чего использовался жаргон.

Во-вторых, у евреев имелся разговорный язык идиш, благодаря которому они общались между собой. Элементы идиша также нашли значительное распространение в русском жаргоне. В частности, «хавира»—воровской притон, «хевра»— группа карманников, «шайка»— от еврейского (chover) общество, содружество, «мусор» — агент сыскной полиции (от евр. «доносчик»).

Значительное влияние на процесс развития русского арго оказал также более «опытный» преступный мир стран Западной Европы особенно с развитием капитализма в России, расширением ее внешних, культурных и экономических связей.

Причем заимствование шло как из литературного языка, так и из профессионализированных жаргонов преступников. Например, из немецкого языка были заимствованы такие слова-жаргонизмы, как «фрайер»— общее название жертвы, «бур»— сообщник, «гутен морген»— утренняя кража; из французского: «шпана»— мелкий вор, «марьяжить»— завлекать, «алюра»— проститутка; из английского: «шоп» — магазинный вор, «шкет»— подросток; из венгерского: «хаза»— притон, квартира и т. п.

Жаргон, как правило, вырабатывался у каждой категории профессиональных преступников. С одной стороны, он носил универсальный характер, т. е. определенная часть терминов и слов являлась общей для всех правонарушителей, а с другой — был сугубо индивидуален для каждой группы. Наиболее развитым оказался специализированный жаргон карманных воров, карточных шулеров, взломщиков сейфов, бродяг и скупщиков краденого.

Криминальная символика

Другое характерное проявление субкультуры профессиональных преступников — татуировки, являвшиеся своего рода знаками отличия от общей массы правонарушителей. Однако мнение о их распространенности среди представителей преступного мира не нашло своего подтверждения. Ни в первых исследованиях истории татуировок, проведенных Ч. Ломброзо, ни в более поздних работах не встречается высказываний о каком-либо их условном значении. Правда, Ч. Ломброзо установил более выраженное желание татуироваться среди преступников и солдат с целью своего самоутверждения. Причем удельный вес татуированных лиц среды уголовников, по его данным составлял всего лишь

7,3%, в то время как среди солдат он достигал 40%[1]. Однако с увеличением количества судимостей число татуированных рецидивистов значительно возрастало (с двумя и более судимостями —50%). Удельный вес татуированных преступников, по данным других исследователей, достигал лишь 15%. В русских литературных источниках не содержится сведений относительно распространенности татуировок и их криптографического (тайного) значения. Г. Н. Брейтман отмечал лишь, что у преступников чаще всего встречаются татуировки в виде якорей, картин, обозначений имен. Но следует учитывать и другое: уже тогда профессиональные преступники, как отмечали исследователи, отказывались от татуировок и уничтожали имеющиеся татуировки в целях своей безопасности. Особенностью татуировок русских профессиональных преступников, как отмечали некоторые более поздние исследователи, являлась определенная художественность рисунков.

Профессионализация корысти

Конец XVIII и первая половина XIX веков знаменуются разложением крепостнических отношений и как следствие этого резким ростом бродяжничества, увеличением преступлений, хотя ее уровень в расчете на 100 тыс. населения был относительно небольшим (в 1853 году на полмиллиона населения С.-Петербурга приходилось всего 5 убийств, 6 грабежей и 1260 краж и мошенничеств).

В структуре преступности по-прежнему преобладали имущественные преступления, число насильственных деяний было незначительно. Это связано в определенной мере с общим процессом изменения качественной стороны преступности и, как отмечал И. Я. Фойницкий, устойчивой тенденцией перехода от насильственного завладения чужим имуществом к тайному его похищению.

По данным Е. Н. Анучина, в первой половине XIX века из числа лиц, сосланных в Сибирь за 20 лет (1827—1846 гг.), больше половины приходилось на осужденных за кражи и мошенничество (за грабеж и разбой в два раза меньше, чем за убийство). Но этих преступлений на самом деле было значительно больше, и

---

[1] Солдаты итальянской армии 1848 года видели в татуировках символ мужества, однако один военный врач уверял Ч. Ломброзо, что татуированные солдаты считаются «априори» — плохими солдатами.

это нельзя отразить ни в какой статистике, так как не за все виды имущественных преступлений следовало лишение свободы. К тому же в большом ходу были внесудебные телесные наказания. Поэтому сфера профессиональной преступности была достаточно обширной, особенно в городах, где большая часть преступников арестовывалась за корыстные преступления. К концу первой половины XIX века в тюрьмах России среднегодовое число заключенных, по данным М. Н. Гернета, достигало 400 тыс. человек, из которых подавляющая часть содержалась там за совершение краж и мошенничества, просрочку паспортов, бродяжничество и попрошайничество.

История капитала — история грабежа

Рост капитализма в России знаменовал собой изменения во всех сферах социальных, экономических и правовых отношений общества, что обусловило качественно новый этап в развитии преступности, в том числе профессиональной, поскольку «...вся история капитала,— отмечал В. И. Ленин,— есть история насилий и грабежа, крови и грязи»[1].

Пореформенный период в России характеризовался интенсивным развитием промышленного капитализма и, следовательно, дальнейшим обнищанием масс и обострением классовых противоречий. Эти процессы отразились на структуре и динамике преступности. Только в течение 10 лет, прошедших со дня обнародования Указа об освобождении крестьян от крепостной зависимости, лишь в общих судах (имелись также мировые) число уголовных дел составило около 3 млн.[2]. Из них две трети приходилось на имущественные преступления, в основном кражи и незаконную порубку леса.

С отменой крепостного права значительно снизилось (почти вдвое) бродяжничество, в то же время резко увеличилось число имущественных преступлений. Раскрепощение дало крестьянам личную свободу, одновременно ухудшив их материальное положение, поскольку большой выкуп за малый надел земли не давал возможности прокормить семью, а это приводило к разорению многих крестьянских дворов. Реформа 1861 года вызвала интенсивные миграционные процессы в стране, в

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 109.

[2] Отмечалось, что судами оправдывалось значительное число обвиняемых: по кражам — 27,6%, убийствам — 46%.

связи с чем пореформенный период характеризуется также резким увеличением преступности в городах, где оседали разорившиеся крестьяне, прибывающие на заработки. Непривычные условия городской жизни, жестокая эксплуатация, недовольство «дарованной» свободой и нищенство толкали их на путь совершения преступлений. Из отчета о деятельности С.-Петербургской городской полиции за 1868 год видно, что за прошедшие 15 лет резко увеличилось число всех видов преступлений, возрос коэффициент преступности на 100 тыс. населения.

Однако не все виновные совершали преступления из-за голода и нищеты. Например, такие преступления, как подлоги кредитных бумаг, карманные кражи, карточное мошенничество, кражи под предлогом посещения богатых лиц (квартирные кражи), и другие совершались профессиональными преступниками, нередко выходцами из купеческого и дворянского сословий. Аналогичное замечание можно отнести и к проституции. Небезынтересно отметить, что английский ученый Вильям Бутс, проведя исследование преступности, в том числе проституции, обнаружил среди проституток лишь 2% женщин, вставших на этот путь из-за бедности. Основными мотивами оказались: соблазн — 33%, добровольный выбор — 24%, дурное общество (окружение) — 27%.

Не изменилась структура преступности России и в конце XIX столетия — периода наиболее интенсивных темпов развития капитализма.

Так, с 1868 года все виды преступлений почти при стабильном числе населения возросли в несколько раз. Например, убийства — более чем в 10 раз, кражи в 5 раз и т. п. Преступность в России в целом до конца столетия постоянно возрастала, опережая темпы роста населения. Ее увеличение происходило исключительно за счет имущественных преступлений, дела о которых составляли две трети от общего числа всех уголовных дел.

Профессионализация преступника

Характеризуя структуру преступности пореформенного периода, необходимо остановиться на личности преступника и степени ее профессионализации. По данным, приведенным Е. Н. Тарновским, преступления совершали в основном мужчины (это же мы видим и из отчетов полиции). Удельный вес женщин в целом не превышал 12% и по видам преступлений распределялся следующим образом: в кражах их принимало

участие 8,7%; убийствах супруга или родственников — 39,3%; детоубийстве —98,3%. Таким образом, корыстные преступления не были характерны для женской преступности в России. Что касается последних двух видов из числа указанных посягательств, то они объясняются особо бесправным положением русской женщины в семье и обществе.

Криминогенный возраст преступников, по данным Е. Н. Тарновского, от 22 до 30 лет составил 30,1%; от 30 до 40 лет — 26,4%. Основная их масса была неграмотна (63,5%), причем у женщин показатель неграмотности достигал 90%. Большой удельный вес неграмотных среди осужденных вполне понятен, если учесть общий низкий уровень грамотности населения царской России, где 48 народов не имели даже собственной письменности[1].

Анализируя рецидив в преступности, Е. Н. Тарновский отмечал его высокий удельный вес, который в течение 1874—1883 гг. возрос среди осужденных в общих судах на 30%, а в мировых — на 20% и составил в целом соответственно 23,8% и 17,7%. По данным Б. Утевского, изучавшего рецидивную преступность дореволюционного периода, в 1912 году на 100 осужденных в общих судах приходилось 23% ранее судимых, в мировых судах — 19,9%. Причем на 100 осужденных общими судами рецидивистов процент судимых во второй раз составлял 75%, в третий раз — 14,1%, в четвертый, пятый и т. д. — 10,4%. Заметим, что показатель многократного рецидива есть яркое отражение профессионализации уголовного мира.

Однако приведенные выше данные не могут отражать истинного положения рецидивной преступности. «В связи с обстоятельствами чисто процессуального характера,— отмечал С. С. Остроумов,— показатели рецидива в русской уголовной статистике были значительно преуменьшены. Дело в том, что согласно ст. 131 Уложения о наказаниях и ст. 14 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, под рецидивом предлагалось понимать, а следовательно, и учитывать только повторение такого же или однородного преступления», т. е. то, что теперь называется специальным рецидивом. С другой

---

[1] См.: Мелентьев Ю. Духовное единение // Коммунист. 1986. № 1. С. 53.

стороны, например, полиция учитывала и общий рецидив и по ее данным из 27 664 лиц, задержанных для выяснения судимости, в 1901 году было выявлено чуть более 800 ранее судимых. Судимые женщины составляли лишь десятую часть. Поскольку показателя состояния общего рецидива в русской уголовной статистике не было, то фиксация специального рецидива является для нас крайне важным обстоятельством, которое довольно полно отражает уровень профессиональной преступности, особенно удельный вес отдельных категорий профессиональных преступников. По данным Е. Н. Тарновского, на 100 осужденных, совершивших повторно аналогичные или однородные преступления, приходилось: осужденных за мошенничество и подлоги — 14%; за кражи — 51%. Таким образом, больше половины из числа судимых воров специализировались на совершении однородных преступлений.

Сколько было профессиональных преступников?

Вызывает криминологический интерес также хотя бы примерное количество профессиональных преступников в дореволюционной России. Определить это очень сложно, поскольку раскрываемость преступлений в конце XIX — начале XX веков была низкой. Однако некоторое представление можно получить из ежегодных отчетов и обзоров полиции. В среднем за год полиция С.-Петербурга задерживала профессиональных бродяг до 200—300 человек; лиц без определенного места жительства и работы — до 20 тыс.; воров — свыше 1000 (из них четвертая часть ранее подвергалась судимости); нищих — до 19—20 тыс. человек. Если среди них и не было профессионалов высокой квалификации, то все же бесспорен был тот факт, что они существовали за счет противоправного занятия (бродяжничество и нищенство являлись преступлениями).

Кроме того, в антропометрическом отделении С.-Петербургской полиции на начало XX века хранилось учетных карточек на столичных преступников — 47 437 единиц и на провинциальных — 10 453. Если принять во внимание, что на учет ставились чаще преступники устойчивого типа, то значительная часть состоявших на учете, очевидно, могла быть отнесена к категории профессионалов. Вместе с тем «попытка установить число этих привычных или профессиональных преступников, специалистов и аристократов в преступном мире, — писал М. Гернет,— дают поражающе малые цифры». Отмеча-

лось, что в Англии, Германии к 1907 году их насчитывалось не более 2—4 тыс. Не была, очевидно, исключением и Россия, если подходить к оценке профессионального преступника с позиций его квалификации и «аристократичности», в чем нас убеждает анализ контингента сахалинских каторжан, проведенный известным журналистом В. Дорошевичем. Если же исходить из признака существования за счет преступной деятельности, то показатели будут значительно выше.

Университеты преступности

На распространение профессиональной преступности существенное влияние оказывала сама пенитенциарная система России. По свидетельству многих зарубежных и отечественных авторов, места лишения свободы играли большую роль в повышении преступного «ремесла», а стало быть, профессионализации. В дореволюционной России длительное время не существовало разделения осужденных по режиму содержания, возрастным особенностям, а до начала XIX века во многих губернских тюрьмах вместе с мужчинами содержались также женщины и дети. Поэтому места лишения свободы превращались в своеобразные школы по обмену преступным опытом.

В большинстве учреждений не был организован даже труд заключенных. Оценивая систему исправления преступников, министр юстиции Н. Муравьев еще в 1878 году писал, что русская тюрьма не является и не может быть тем, чем ей быть следует, то есть институтом внутренней политики для борьбы с преступностью. Она, напротив, поддерживает и вновь зарождает преступления, ибо арестант выходит из тюрьмы испорченный и беспомощный, деваться ему некуда, строгая и трезвая дисциплинированная жизнь ему не знакома, работать он не привык, не умеет или не хочет. За отсутствием в остроге честной и законной работы, в нем неустанно кипит работа преступная, точная, неуловимая, но достаточно всем хорошо известная. Не случайно П. А. Кропоткин в своих «Записках революционера» рассматривал тюрьмы как «университеты преступности, содержимые государством».

Дальнейший рост преступности

Переход российского капитализма к своей завершающей фазе развития — империализму, как известно, сопровождался дальнейшим усилением эксплуатации трудящихся масс, ухудшением их материального

положения и физического состояния. Следствием этого, как и раньше, явился рост уголовной преступности.

Нельзя не отметить одну весьма важную особенность: такие преступления, как грабежи, разбои и кражи, в этот период нередко являлись своеобразным протестом рабочего класса против угнетения и несправедливости со стороны правящего сословия. На подобное явление в условиях эксплуатации обращал внимание еще Ф. Энгельс, говоря, что преступления — это первая, наиболее грубая и самая бесплодная форма социального протеста («возмущения») рабочего класса[1].

Однако преступность в России с 1889 по 1908 год в целом выросла незначительно, что можно объяснить следующими причинами. Во-первых, органы правопорядка были заняты преимущественно политическими делами в годы первой русской революции. Это подтверждается статистическими данными, свидетельствующими о значительном сокращении уголовных дел в мировых судах. Во-вторых, замедление темпов роста преступности произошло также в результате отвлечения мужского населения на службу в армии в связи с русско-японской войной. Но этот процесс длился недолго. Уже в 1906 году с подавлением русской буржуазной революции преступность снова растет. Наиболее интенсивно росло количество краж, грабежей и разбоев. Их постоянный рост отмечался вплоть до первой мировой войны. Так, с 1909 по 1913 год число краж увеличилось на 34% (с 125201 до 167755), грабежей и разбоев — на 3,4% (с 41895 до 43323).

Рост преступности обусловливался также крайне негативным моральным состоянием общества перед первой мировой войной. В этот период, отмечали многие ученые, регистрировалось самое большое количество уголовных посягательств, связанных с мошенничеством, подделкой документов и преступлениями против нравственности, распространением наркомании, преимущественно кокаинизма.

В целом ежегодно количество возбужденных уголовных дел составляло около 4 млн., из которых от 20 до 30% дел прекращалось по оправдательным мотивам. Однако перед самым началом войны преступность заметно снизилась.

---

[1] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2, С. 438 — 439.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРЕСТУПНИКИ И ИХ ПОЛОЖЕНИЕ В УГОЛОВНОМ МИРЕ РОССИИ

«Записки из мертвого дома»

Характеристика структуры и динамики преступности в России дореформенного и пореформенного периодов отражает лишь общее ее состояние. Однако не меньший интерес представляют вопросы, связанные с непосредственной деятельностью преступников, их внутренним миром, особенностями криминальной профессии. Ответы на них позволяют проследить преемственность многих сторон профессиональной преступности. Поэтому криминологическую характеристику категорий профессиональных преступников целесообразно начать с конца XIX века. И не только из-за ограниченности источников информации, а главным образом из-за того, что в более ранний период профессионального преступного мира в том понимании, в каком мы его представляем теперь, не существовало.

В период централизации и укрепления русского государства преступность в своей массе характеризовалась множественностью различных деяний с выраженным примитивизмом их совершения. В то время не было, как известно, даже общеуголовных тюрем. А именно в местах лишения свободы возникают традиции профессиональных преступников, различные касты, формируется уголовно-воровская психология.

В этой связи нельзя не сослаться на «Записки из мертвого дома» Ф. М. Достоевского — единственное в своем роде произведение, посвященное жизни общеуголовной тюрьмы (каторги) России первой половины XIX столетия. Известно, например, что полицейские чиновники в «профилактических» целях принудили писателя после прочтения ими первого варианта его произведения сгустить краски в характеристике осужденных и их взаимоотношениях, дабы каторга не показалась обывателю местом проведения досуга. Но даже несмотря на умышленное и довольно серьезное преувеличение преступлений каторжан, среди них нет ни одного типа, которого можно было бы отнести к категории опытных профессионалов. Не имеется также, несмотря на подробное описание жизни и быта каторги, упоминания о каких-либо кастах, тюремном «законе» и других явлениях, свидетельствующих о сплоченности и организованности уголовной среды. Хотя, безусловно, какие-то отдельные эле-

менты внутригрупповой дисциплины просматриваются, что типично для коллективного поведения людей, находящихся в условиях ограниченной свободы. Причем в местах изоляции от общества эти процессы должны протекать наиболее интенсивно, создавая так называемую вторую жизнь тюрьмы.

Однако предположить, что Ф. М. Достоевский, будучи наблюдательным и профессиональным писателем, находясь четыре года на каторге, не заметил их, очевидно, нет оснований. Дело в другом. Каторга в целом была населена забитыми, неграмотными крестьянами и бывшими солдатами, не имевшими связи между собой в условиях свободы, которые даже не смогли высказать «претензию» плац-майору и разошлись при первом же его окрике. Такое может произойти только при отсутствии лидера из числа профессиональных уголовников. Характерно, что спустя почти 40 лет совершенно иная картина предстает в записках А. П. Чехова о сахалинской каторге (Чехов провел там большое социологическое исследование). Несколько позже о быте и нравах каторжан подробно написал В. Дорошевич, проживший на Сахалине больше года и специально изучавший уголовную среду.

Вторая жизнь каторги

В России конца XIX столетия с организацией стабильной тюремной системы и уголовного розыска при интенсивном росте преступности начинается формирование иного мира преступников, деятельность которых в новых условиях нуждалась в определенной консолидации с целью обеспечения собственной безопасности. Наиболее активно этот процесс проходил в среде рецидивистов. Отмечалось, что все мошенники и воры делились на группы и классы, каждый со своей специальностью.

Преступный мир России, как и других капиталистических стран, был разнообразен не только по социальному составу лиц, их положению в криминогенной среде, но и по роду противоправной ориентации (воры, мошенники, грабители). К началу XX века в местах лишения свободы, преимущественно на каторге, сформировалась определенная иерархия осужденных. Ее составляли четыре касты преступников, объединенных по убеждению, криминальной квалификации, положению в уголовной среде и физическим особенностям. Эти, выражаясь современным языком, неформальные группы,

по словам С. В. Максимова, распоряжались жизнями осужденных, были их судьями и законодателями, приводили в исполнение «приговоры».

Они подразделялись на «иванов», «храпов», «игроков» и «шпанку».

К «иванам» причисляли себя заключенные, которые занимались грабежами, терроризированием каторжан, стараясь утвердить свое влияние.

«Храпы» стремились делать все чужими руками. Их еще называли «глотами», так как они способствовали возникновению ссор между каторжанами, во время которых принимали сторону сильных в расчете получить какую-то выгоду.

«Игроки» — это каста, состоящая из профессиональных игроков в азартные игры, нередко карточных мошенников (шулеров).

«Шпанка» представлялась низшим сословием каторжан, всеми эксплуатируемыми, забитыми и, как говорили о них, «от сохи на время».

Ознакомившись с бытом и нравами каст, В. Дорошевич писал, что они, кроме «шпанки» — «аристократы каторги и ее правящие классы». Однако это несколько преувеличенная оценка роли уголовных каст на каторге. Из данных самого же Дорошевича видно, что их члены не были связаны между собой уголовно-воровскими обязательствами, не имели каких-либо более или менее стабильных правил поведения, «законов» и т. п. Элементы дисциплины и власти наблюдались лишь у «игроков». Будучи, очевидно, образованнее и более развитыми по сравнению с другими заключенными, располагая определенными суммами денег, имея свое окружение и даже телохранителей, «игроки» действительно навязывали свою волю всей каторге, в том числе и администрации. Они имели даже своих «рабов» — каторжан, проигравших жизнь в азартной игре (под названием «три косточки»).

На сахалинской каторге среди заключенных были и другие категории. Например, «сухарники», которые за вознаграждение выполняли чужую работу или брали на себя преступления других лиц. Кстати, эта специфическая группа существовала и в других местах лишения свободы. Обычно ее составляли лица, осужденные к длительным срокам наказания. Чтобы выжить, они продавали себя.

Наиболее малочислеииая иеформальиая группа включала тюремных ростовщиков или барышников (на жаргоие «асмадеи»). Большей частью этим занимались профессиоиальиые бродяги, называемые в преступном мире (и полиции) «иваиами, не помиящими родства».

Уголовное «братство»

В условиях свободы такой диффереицнации ие существовало, за исключением делеиия воров на «урок» и «оребурок» (крупиых и мелких преступииков). Вместе с тем рецидивисты, иапример, объединялись в преступиые сообщества («малины»), в каждом из которых коисолидировалась определеииая разиовидиость («масть») профессиоиальиых преступииков — кармаииые воры («ерши»), магазинные воры («городушиики»), взломщики сейфов («медвежатиики»), мошеиники, использующие фальшивые украшеиия («фармазоищики»), карточные шулера и т. п. Такие объедииеиия имели главаря («пахаиа»), делились иа мелкие группы («братства») по два — пять человек для непосредственного совершеиия преступлеиий.

В «малииах» устанавливались определеииые неформальиые иормы поведеиия, одиако оии ие выходили за рамки даииой микрогруппы. Нами ие обнаружено случаев, когда бы блатиые «закоиы» действовали иа территории всей страиы и были бы обязательиы для какойлибо группировки преступииков. Но бесспорно устаиовлеио пять профессионализироваииых категорий преступииков, отличавшихся друг от друга противоправной направлеииостью. Рассмотрим их иесколько подробиее.

1. **Грабители** — иаиболее опасиая, хотя и малочислеиная группа преступников, специализирующихся иа иасильственном завладеиии имуществом (в уголовной среде оии иазывались «громилами»). Убийства ими чаще совершались при разбоях в помещеииях (квартиры, лавки). Орудия преступлеиия были самыми разиообразными (кистеиь, топор, веревка), однако в иачале XX века, по свидетельству В. Лебедева, среди «громил» (ие только) получили распростраиеиие финские ножи.

Уголовиые традиции этой категории преступииков соизмеряются веками. Жестокость способов совершеиия преступлеиий, вызывающая большой резоиаис в обществе, тяжесть правовых последствий в случае разоблачеиия, специфика сбыта похищеииого имущества обусловливали необходимость объедииеиия грабителей в хорошо замаскироваииые сообщества, порой числеииостью до 100

и более человек. Например, в начале XX века Московским уголовно-розыскным отделением в результате длительной и очень хитроумно проведенной операции была обезврежена шайка «грабителей-убийц», в состав которой входило больше ста участников. Эта группа действовала на протяжении многих лет в районе Большой Грузинской дороги и имела разветвленные преступные связи среди местного населения. Жертв своих преступники, как правило, убивали и сбрасывали в пропасть, поэтому никаких следов преступления не оставалось.

По указанию центральных властей полиция направила в район действия грабителей опытного московского сыщика, который «после долгого путешествия по разным духанам, ресторанам и вертепам воровских пристанищ» напал на след шайки и внедрился в ее состав.

Философия «по Дарвину»

Длительное занятие насильственным промыслом вырабатывало не только профессиональную привычку, но и нравственное кредо преступников в отношении самого занятия и даже своей жертвы. Известный в начале нынешнего столетия грабитель Полуляхов оправдывал, например, корыстные убийства «философией по Дарвину». Совершив с целью ограбления убийство пристава, его жены, кухарки, а затем из-за «жалости» ребенка (как же он будет жить после увиденного!), Полуляхов говорил: «Человек ест птицу, птица ест мошку, мошка еще кого-нибудь ест. И человек ест птицу не потому, что он на нее зол, а потому, что ему есть хочется. А как птице от этого — он не думает: есть хочется, он и ест. И птица не думает, каково мошке, а думает только, что ей нужно. Так и все. Один ловит человека, который ему ничего не сделал. Другой судит и в тюрьму сажает человека, который ничего дурного ему не сделал. Третий жизни лишает. Никто ни на кого не зол, а просто всякому есть хочется. Всякий себе как может добывает. Это и называется борьбой за существование». Комментарии здесь излишни. В такой «философии» проявилась сущность жизненной позиции профессионального убийцы, который, кстати, был здоров и имел возможность работать.

Душитель-виртуоз

Профессиональные «громилы», несмотря на достаточно простой способ завладения имуществом, предпочитали все же совершенствоваться на определенных приемах, которые выполнялись ими с большим мастерством. Одного такого

«виртуоза», который душил свои жертвы руками, описывает В. Дорошевич. Наблюдая за ним на каторге, писатель заметил, что, когда речь заходила о его преступлениях, Балдоха (так звали преступника) «удивительно воодушевлялся». А однажды показал ему, как это делается. Впечатление В. Дорошевича, испытавшего на себе мастерство профессионального душителя, было, по его словам, незабываемо: грабитель, писал В. Дорошевич, «как-то молниеносно подставил мне сзади ногу, одной рукой обхватил за талию, а другую поднес к горлу. Я не успел действительно мигнуть, как очутился совершенно беспомощным у него на руках».

Несмотря на то что в России корыстных убийств было достаточно много, все же профессиональные убийцы составляли исключительное меньшинство, о чем свидетельствуют не только данные официальных полицейских отчетов, но и анализ «блатной музыки»: количество слов, относящихся к этой «специальности», в уголовной лексике очень незначительно и относится преимущественно к общеуголовному жаргону.

Следует отметить, что подобные феномены типов преступников существовали в различные времена, и не только в России. Например, поэт-убийца Лессенер или клан Корию, члены которого воспитывали своих детей в духе насилия и преданности профессии убийцы.

25 криминальных «профессий»

2. **Профессиональные воры** — самая многочисленная категория преступников, которая дифференцировалась на множество различных «специалистов» в зависимости от объекта, предметов и способов противоправного посягательства. Официально их насчитывалось 25 разновидностей, но на практике было гораздо больше, так как многие в это число почему-то не вошли.

Кражи по существу определяли профессиональную преступность в дореволюционной России, они сохраняли устойчивую преемственность на протяжении веков, поэтому проанализируем основные виды профессиональных воров по их значимости в уголовной среде и степени общественной опасности.

Похитители денег из сейфов. В преступном мире России они стояли на первом месте по воровской квалификации, особому положению и независимости от иных категорий уголовников, что создавало им известный авторитет среди других преступников и даже полиции, где все они были на учете.

В зависимости от способа совершения преступлений они разделялись на **«медвежатников»** и **«шнифферов»**. Первые «работали» без взлома, открывали сейфы с помощью ключей, особых отверток и другого воровского инструмента (они имели специальный набор всевозможных приспособлений, который размещался в кожаном поясе). Вторые проникали в сейфы путем взлома замков, дверей[1].

В начале XX века взломщики сейфов впервые применили при совершении преступлений газосварочный аппарат, что вызвало много споров среди криминалистов России и стран Западной Европы и лишний раз подтвердило мысль о том, что научно-технический прогресс никогда не был безразличен преступному миру.

«Медвежатники», как правило, не поддерживали связей с иными категориями преступников и не совершали иных преступлений, находясь даже в крайней нужде. Некий Павлопуло по кличке «Пан», незаконно обвиненный в убийстве, искренне, как отмечал В. Дорошевич, возмущаясь, говорил: «Неужели я на такую глупость способен? Зачем мне это? У меня, слава богу, есть своя специальность». По словам В. Лебедева, некоторые похитители денежных средств из сейфов были связаны со служащими банков и других государственных или частных учреждений, которые помогали им совершать преступления, главным образом путем передачи информации о конструкции замков, наличии в сейфах денег и т. п.

Железнодорожные воры

Они специализировались на кражах грузов из почтовых и багажных вагонов. У них была четкая, отработанная до деталей технология и инструментарий для совершения преступлений. По оценке полиции России и западных стран, железнодорожные воры составляли одну из опаснейших категорий преступников. Нередко они причиняли миллионные ущербы.

Магазинные воры. В уголовном мире России они назывались «городушниками» или «шоттенфеллерами». Предметами их посягательств были одежда, ювелирные изделия и другие вещи. Магазинные воры имели несколько разновидностей. Одни занимались хищением денег из касс, для чего оставались в помещении после закрытия магазина. Другие пользовались специальным

---

[1] «Шнифферами» называли и других воров-взломщиков.

инструментом (пластины, вымазанные клеем) для извлечения бумажных денег из-за прилавков. Третьи занимались похищением денег при размене крупных купюр у кассы — «менялы», или «вздержчики». (В отдельных случаях этот вид преступления квалифицировался как мошенничество.) Четвертые специализировались на похищении вещей с витрин («витринные воры»).

Похитители грузов специализировались на кражах с ручных и гужевых тележек, на которых обычно развозились товары по магазинам и лавкам. Особенность их преступной деятельности заключалась в совершении краж группой соучастников.

Воры, кравшие с экипажей,—«поездушники».

Воры, занимавшиеся кражами из гостиниц. У них также имелось несколько более узких специальностей, обусловливаемых временем (день, ночь, утро) и способами совершения краж.

Квартирные воры («домушники»). По способу совершения преступлений они разделялись на квалифицированных и обычных. В обоих видах имелось по несколько самостоятельных воровских направлений. В качестве орудия преступления преступники использовали различный воровской инструмент — «фомки», «гусиные лапки», «вертуны» и т. п. Наиболее опытные рецидивисты имели «международный» воровской инструмент, получивший название «унстнтн». Менее опытные воры совершали кражи через форточку («форточники», «скокари»), либо с помощью прислуги, под видом должностных лиц или знакомых (кража по «тихой»). Всего насчитывалось 7—8 категорий квартирных воров. Однако профессиональными среди них, по мнению Г. Н. Брейтмана, были только взломщики. К остальным относилась «серая масса», которая жила по ночлежкам и была лишена своей общественной организации.

Конокрады — «скамеечники» (учитывались в одной графе со скотокрадами) — в то время одна из наиболее значимых категорий воров с вековыми уголовными традициями, специальным жаргоном, межгубернскими преступными связями, хорошо отработанными приемами конспирации. Организованность и сплоченность конокрадов вызывались спецификой совершения краж и сбыта похищенных лошадей. В их среде было много цыган, связанных со скупщиками («лошадными барышниками»). Кражи лошадей раскрывались редко, чему способствовали способы сокрытия следов преступлений.

Лошадей, например, перекрашивали, изменяли у них форму копыт, подтачивали зубы и т. д. Данные преступления чаще всего совершались группами, которые с полным основанием можно отнести к преступным организациям, имевшим место дислокации, связь с полицией, свою «агентурную сеть» и жесткие неформальные правила поведения. Не случайно Г. Н. Брейтман писал, что первое место среди преступных обществ следует отдать обществу конокрадов, представляющему в некотором роде государство в государстве. Оно самое многочисленное и самое грозное. Иногда такое общество насчитывало несколько сот членов, и их, очевидно, можно отнести к проявлению организованной преступности в России.

Карманные воры. Они относились к высококвалифицированным уголовникам, однако по сравнению с другими категориями считались мелкими ворами и не пользовались большим авторитетом в преступном мире, особенно среди осужденных (исключение составляли международные карманники — «марвихеры»).

Карманные воры как криминологическая группа вызывают особый интерес, поскольку отличаются от многих преступников значительным числом узких специальностей, исключительной стойкостью преступного поведения, стабильным жаргоном и традициями.

Карманные кражи в анализируемый период, как отмечали многие исследователи, были весьма распространенным явлением. Они совершались в местах большого скопления людей — в театрах, церквах, поездах, на рынках и т. п. Русские криминалисты отмечали высокий удельный вес групповых карманных краж.

Наиболее распространенными были квалифицированные кражи, совершаемые под прикрытием («ширмой»), для чего служили плащи, наброшенные на руку, газеты, букеты цветов, портфели и другие предметы. К орудиям преступления относились пинцеты, крючки, щипцы для среза цепочек и часов, крошечные лезвия, вставленные в кольца или браслеты, и т. п. Приемы совершения краж были разнообразными. Воры действовали даже с помощью дрессированных собак.

В ряде источников отмечены исключительное мастерство и ловкость русских карманных воров, отличавшихся этим от карманников стран Западной Европы. Но дело здесь не во врожденных или национальных свойствах личности, как предполагал Ч. Ломброзо, а в ус-

ловиях ведения преступного образа жизни и уголовно-воровских традициях. В Англии, Франции, например, существовали специальные школы, между тем в России карманники воспроизводились практикой поколений профессиональных преступников. И если небезызвестный Картуш пользовался только манекенами в обучении карманных воров, которых бил палкой по голове за каждую неудачную попытку, то, по словам Белогриц-Котляревского, на Руси «они (учителя. — *А. Г.*) показывали ученикам своим тут же на площади, с какой ловкостью надо это сделать: вынимали у проходящих из карманов табакерку, нюхали табак и клали ее снова в карман проходящему, а тот шел, ничего не замечая». Отмечалось, что карманные воры очень боялись попасть в места лишения свободы (очевидно, это связывалось с возможной потерей там воровских навыков) и игнорировали любые отношения с грабителями.

Иные категории воров. К ним относились более мелкие, но не менее опасные преступники, которые действовали в одиночку или небольшими группами. Воровским «авторитетом» они не пользовались в связи с низкой криминальной квалификацией. В основном эти воры действовали с помощью опаивания потерпевших снотворным («малинщики») и при участии профессиональных проституток («хипесники»). Сюда же можно отнести воров, кравших собак дорогой породы («собачники»), белье с чердака («голубятники»), шапки в прихожих («капорщики»), мешки у крестьян («торбовщики»), похищавших вещи во время пожара («пожарники»), похорон («морушники») и других. В уголовной среде эту категорию презрительно именовали «портяночниками».

К последней группе относились преступники, стоящие на самой низкой ступени воровского профессионализма, — это обиратели пьяных, крадущие белье с веревок, продукты из сумок и корзин и т. п. Однако в отличие от воров стран Западной Европы у профессиональных воров России, по мнению начальника уголовного сыска г. Москвы В. Лебедева, не наблюдалось большой дробности в специализации. Например, в Германии воры подразделялись на похитителей конских покрывал, птиц, зонтиков, костылей и т. д.

Характеристика уголовно-воровской среды не будет завершенной, если не показать другие категории преступников, без которых существование первых было бы значительно затруднено. К ним относились скупщики

краденого («барыги»), укрыватели преступников («становщики»), содержатели воровских притонов («малин»).

Скупщики краденого представляли собой финансовую элиту преступного мира. Как правило, они имели стабильных поставщиков похищенного товара, а нередко и сами являлись организаторами преступлений. Некоторые скупщики становились купцами и открывали легальное дело. Аналогичное положение отмечалось в странах Западной Европы. Воровские притоны играли существенную роль в жизни профессиональных преступников. Там они укрывались от полиции, потребляли наркотики, знакомились с новыми членами воровских шаек, обсуждали многие вопросы своей деятельности. Содержателем притона чаще являлась женщина («воровская мама»).

Уголовная элита

3. Мошенники относились к третьей достаточно распространенной категории профессиональных преступников и составляли элиту уголовного мира, его высшую «аристократию».

По объекту посягательства они дифференцировались на две группы. Первая занималась преступлениями против государственной собственности — подлогами, подделкой векселей и других финансовых документов. Вторая, более многочисленная группа совершала преступления против частной собственности. Несмотря на множество специализаций и постоянную их модификацию, можно выделить следующие основные «профессии» мошенников: обман с помощью денежной и вещевой «куклы» («басманщики»), с использованием фальшивых драгоценностей («фармазонщики»), размена крупных купюр («вздержчики», «менялы»), под видом женитьбы («женихи»), сбора пожертвований («сборщики»), игорного обмана («золоторотцы»), под видом юридических чиновников («стряпчие»).

Среди всех способов уголовно наказуемого обмана особенно выделялось в России карточное мошенничество. Его так же, как и карманные кражи, следует отнести к «классическому» типу профессионального преступления, требующего специальной подготовки преступника.

Карточные шулера по своему образу жизни, кастовости и материальному положению выделялись не только из общей массы профессиональных преступников,

но и из среды мошенников. В начале XX века это была одна из устойчивых разновидностей профессиональных преступников, имевших вековые традиции, межгубернские преступные связи и могущих планировать целевые операции по обыгрыванию миллионеров.

Распространение карточного мошенничества связывалось с увеличением в обществе паразитирующего сословия, времяпрепровождение которого сводилось чаще всего к пьянству и азартным играм. По образному выражению В. Д. Дорошевича, вся Русь с 8 вечера до 8 утра играла в карты, а от 8 утра до 8 вечера думала о картах.

Другой фактор, способствовавший развитию этого вида профессионального обмана, заключался в относительной правовой безопасности игроков ввиду сложности доказывания их преступных действий.

Специфика шулерского обмана определяла групповой характер этого преступления. Состав группы не превышал трех — пяти человек. Типичными мошенническими способами при игре были метка карт, подрезание их краев, крапление, наколка с помощью иглы.

В зависимости от способа совершения преступлений и квалификации шулера делились на игроков высшего класса («червонные валеты», или «мастаки»), лиц, играющих подтасовкой, в заранее подготовленную колоду («складчики»), подглядывающих в чужие карты («сигнальщики») и др.

4. Фальшивомонетчики — относительно немногочисленная, но устойчивая, организованная и технически оснащенная категория профессиональных преступников. Фальшивомонетничеством занимались в специальных нелегально созданных на паях мастерских. Шайки обязательно имели главаря и жесткую дисциплину.

Фальшивомонетничество в России в отличие от стран Западной Европы было явлением достаточно распространенным, чему в значительной мере способствовала система многочисленных обособленных монастырей и раскольнических скитов, где обосновывались и укрывались фальшивомонетчики.

5. Не помнящие родства. Профессиональные нищие, как правило, — бродяги, добывавшие себе средства к существованию попрошайничеством. Это была самая многочисленная, наиболее социально деградированная категория правонарушителей, мощный резерв уголовного мира дореволюционной России. Бродяги-нищие

прибегали ко всякого рода психологическим уловкам, чтобы получить подаяние: имитировали болезни, вызывавшие сострадание у окружающих; выдавали себя за пострадавших на войне или пожаре (на каторге они были более обеспечены, чем другие заключенные).

Мир бродяг имел свой жаргон, свой «этикет», свои маршруты и даже свой «фольклор». Следует отметить, что данная категория лиц была относительно безопасна для населения, за счет которого она существовала. Однако в западных странах отмечалась исключительная агрессивность бродячих элементов, они буквально терроризировали население, занимаясь грабежами, воровством и убийствами.

Государство упорно вело борьбу с нищенством, прибегая к различным средствам, начиная от организации домов призрения и кончая превентивно-репрессивными мерами. Однако число бродяг постоянно возрастало, что лишний раз подчеркивало бесполезность всяких административно-правовых мер в условиях нищеты и эксплуатации народных масс. Аналогичное явление отмечалось исследователями бродяжничества в других странах.

Следует отметить, что в крупных городах России профессиональные преступники собирались не только в притонах, но и имели свои районы концентрации. Одним из таких уродливо-классических мест был, например, Хитров рынок в Москве, куда, по словам В. Г. Гиляровского, доступ не только обывателям, но и полиции был фактически закрыт.

Специалисты против специалистов

Полицейским органам европейских государств и России профессиональная преступность причиняла существенное беспокойство, посягая прежде всего на собственность имущих сословий. Поэтому борьба с профессиональными преступниками преследовала цель своевременного выявления и пресечения их преступной деятельности, для чего использовались специальные меры поискового характера. Такие меры, например, разработал и реализовал начальник тайной парижской полиции Ф. Э. Видок, что позволило за сравнительно короткий срок (18 лет) навести относительный правопорядок если не во всей Франции, то по крайней мере в самом Париже. К ним относились осведомительство, негласное наблюдение, организация притонов — «ловушек» и другие специальные меры.

Насколько они были эффективны, можно судить по следующим данным. Ф. Э. Видок, имея в своем подчинении около 30 завербованных им агентов (так он называл уголовников-осведомителей), в течение 7 лет арестовал около 4 тысяч особо квалифицированных профессиональных преступников, которых обычная полиция разоблачить не могла.

В это же время Бертильон разработал и ввел новую систему регистрации преступников, что также положительно сказалось на результативности борьбы с профессиональной преступностью. По свидетельству современников, регистрация с целью опознания сильно подействовала на профессионалов, заставив их искать более изощренные способы защиты от полиции.

Аналогичные методы борьбы с профессиональными преступниками использовались в Германии и Англии.

Многие новшества в борьбе с преступностью нередко приписывают криминалистам из стран Западной Европы, что не совсем правильно. Еще задолго до Видока в Петербурге применялись достаточно эффективные способы уголовного сыска и предупреждения преступлений. Например, в 60-х годах XIX века в Петербурге была создана фотографическая картотека воров, систематически занимавшихся кражами. В течение года на учет ставилось до 5 тысяч устойчивых преступников.

Рост краж в Петербурге вызвал, например, необходимость специализации в III охранном отделении, в связи с чем 25 февраля 1843 года была принята Инструкция следственной комиссии, утвержденная для разбора пойманных особыми средствами воров и мошенников. Это явилось самостоятельным направлением в борьбе с одним из самых распространенных в России преступлений («особые средства» практически не отличались от методов Видока). Розыск и задержание бродяг, мошенников, воров, а также беглых каторжников осуществлялись с помощью узко специализированной деятельности нижних чинов полиции, которые маскировались под соответствующие категории преступников и вели розыскную работу в местах их возможного появления.

Особые трудности для полиции России и стран Западной Европы вызывало разоблачение международных преступников-профессионалов, преимущественно из

числа карманных воров. В России их именовали «марвихерами», что означало — воры высшего класса, в Англии — «пикпокетами» (дословно — «буравящие карманы»). Многие из международных воров знали два-три языка, имели фальшивые документы, поэтому полиция разных стран координировала свои усилия в борьбе с ними, создавая специальные дактилоскопические картотеки. Самое грозное учреждение для этой категории опаснейших рецидивистов в настоящее время, писал В. Лебедев, — это регистрационное бюро сыскных отделений, и только при помощи правильного их фотографирования, дактилоскопирования, описания особых примет, а также тщательных отметок в регистрационных картах о всех их сообщниках, особенно же задержанных вместе по одному делу, и возможно пресечение дальнейшей преступной деятельности воровских шаек.

Наряду с разработкой специальных полицейских мер в борьбе с профессиональной преступностью совершенствовалось также и уголовное законодательство, что особенно показательно на примере борьбы с карточным мошенничеством. Шулера высокой квалификации («червонные валеты») так же, как и карманные воры — «марвихеры», относились к категории международных профессиональных преступников. Поэтому уже во второй половине XIX века законодатели многих стран для повышения эффективности борьбы с карточным мошенничеством стали дифференцировать участников азартных игр на простых игроков и игроков, обративших обман в своеобразный промысел, что позволило правоохранительным органам избирательно подходить к определению меры наказания виновным. В Норвегии, Австрии, Германии, например, стали воздерживаться от распространения уголовной репрессии на всякого игрока, как это было раньше, а переносили всю тяжесть на профессиональных мошенников.

В борьбе с профессиональным игорным обманом наиболее рельефно просматривается совершенствование уголовного закона в России, где со времени Уложения о наказаниях 1648 года и до середины второй половины XIX века был принят ряд правовых норм, направленных против шулерства, но не давших положительных результатов, поскольку в них не учитывались особенности действий мошенников. Только с введением в Уложение о наказаниях 1866 года статьи 1670, давшей наконец четкое определение этого вида преступления, у

полиции и судов появилась возможность пресекать преступные действия профессиональных шулеров.

Из содержания данного раздела книги вытекают следующие основные **выводы:**

1. Преступность в царской России возрастала по мере экономического развития общества и установления капиталистических отношений. В дореформенный период степень профессионализации преступности была относительно низкой. В ней преобладали насильственные преступления, кражи и порубка леса, бродяжничество и др. Но уже в середине XVIII века четко обозначились категории профессиональных преступников, сформировались воровской жаргон и многие неформальные нормы поведения, игравшие роль криминальных традиций и обычаев.

2. В послереформенный период преступность постоянно росла, опережая темпы роста населения. В ее структуре обозначилась тенденция перехода уголовного мира от насильственных преступлений к корыстным — тайному завладению чужим имуществом, мошенничеству, подлогам.

К концу XIX века с окончанием формирования полицейского аппарата и прежде всего уголовного сыска, созданием пенитенциарной системы, возрастанием эксплуатации масс степень профессионализации корыстной преступности и ее общественной опасности значительно увеличилась. Уголовная среда как на каторге, так и вне ее дифференцируется на определенные категории профессиональных преступников, среди которых устанавливались жесткие неформальные нормы межличностных отношений. К этому времени относится распространение уголовно-воровских традиций, обычаев и превращение отдельных из них в форму криминального «закона», что объективно приводило к организованному проявлению профессиональной преступности, особенно таких ее видов, как карточное мошенничество, карманные кражи, конокрадство и фальшивомонетничество.

3. Вместе с тем, несмотря на существование и активную деятельность многих категорий профессиональных преступников, в уголовном мире дореволюционной России не обнаружено уголовно-воровских «законов», которые действовали бы на всей территории страны. Не было также и организованной преступности типа мафии, элементы которой уже тогда проявлялись в

странах Западной Европы. Это связано с социальными условиями развития профессиональной преступности в России, возникшей значительно позднее, чем в других буржуазных государствах. В России конца XIX — начала XX веков одновременно с быстрыми темпами роста капитализма сохранялись еще феодальные отношения и в целом для общества была типична слабая его коммуникабельность.

4. Профессиональная преступность в дореволюционной России, ее количественные и качественные характеристики обусловливались в целом состоянием общей преступности как социального явления, причем, с одной стороны, они полностью зависели от нее, а с другой — оказывали негативное влияние на ее структуру и динамику.

Однако, несмотря на резкие оценки дореволюционных криминалистов относительно общественной опасности профессиональной преступности того периода, мы должны учитывать, что она соответствовала тем социальным условиям, в которых родилась и существовала. То, что было опасно в прошлом веке, может не вызывать опасений сегодня, и наоборот.

Вместе с тем история борьбы с преступностью не может быть отделена от истории развития государства вообще. Без ее знания вряд ли можно изучать и оценивать современные изменения и процессы, происходящие в преступности.

Как и в любом другом социальном явлении, здесь четко просматривается историческая связь. Поэтому в изучении преступности также необходимо «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»[1].

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 67.

3. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В СССР

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ПЕРИОД 1917—1960 гг.[1]

Преступный мир в действии

Великая Октябрьская социалистическая революция, поставив цель ликвидировать навсегда в нашей стране эксплуататорское общество, резко обнажила все его социальные пороки и изъяны, для преодоления которых нужно время и нужна железная рука[2].

Особенно ярко в форме различного рода антиобщественных посягательств проявились они на первом этапе развития нашего государства. Сравнивая преступность начала 20-х годов с ее уровнем в последний период существования царской России, М. Н. Гернет отмечал, что «как ни велики приведенные цифры преступности в Москве перед первой мировой войной, они очень незначительны в сравнении с последующими». Если в предвоенные годы в Москве, по данным сыскной полиции, ежегодно совершалось приблизительно 2600—2700 краж, то лишь в первом квартале 1923 года их было зарегистрировано 5209. Аналогичное положение отмечалось и в группе корыстно-насильственных преступлений.

Рост преступности в переходный период от капитализма к социализму не являлся чем-то неожиданным и рассматривался большевиками как закономерное, вполне объяснимое явление. В. И. Ленин писал тогда, что разложившиеся элементы буржуазного общества не могут не показать себя «иначе, как увеличением преступлений, хулиганства, подкупа, спекуляций, безобразий всякого рода»[3].

Классовая ненависть буржуазии и ее союзников находила выход даже в малейшем причинении вреда но-

---

[1] До изменения уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

[2] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 195.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 195.

вым общественным отношениям. Не удовлетворяясь активной антисоветской деятельностью многочисленных контрреволюционных организаций, они зачастую прибегали к услугам профессиональных преступников, стараясь создать в стране атмосферу хаоса и паники. Только в 1918 году было арестовано 31 489 человек, занимавшихся контрреволюционной деятельностью, и связанных с ними рецидивистов-уголовников[1].

Одним из факторов роста преступности и особенно профессиональной явилось влияние идей анархизма, которые впоследствии трансформировались в чисто блатные нормы поведения. В сообществах этого так называемого политического течения чаще всего находили приют уголовные элементы, прикрывая преступную деятельность лозунгами борьбы за «идею». Под крышей вооруженных анархистов они чувствовали себя в безопасности. «Анархические отряды являлись скопищем всякого рода антисоветских элементов, пристанищем хулиганов и уголовных элементов»[2]. Не случайно после того, как под руководством и при непосредственном участии Ф. Э. Дзержинского в ночь на 12 апреля 1918 г. в Москве было арестовано 400 вооруженных анархистов, уголовная преступность в столице сократилась на 80%.

Основными же причинами уголовных проявлений выступали голод, нищета и безработица. Обнищание народных масс усугублялось разграблением государства армиями интервентов, причинивших материальный ущерб на сумму 77 млрд. золотых рублей. Однако эти коренные причины в большей мере были общими для всей преступности.

Основу профессиональной преступности составляла тогда детская беспризорность — результат гражданской войны и интервенции. Это явление достигало колоссальных размеров.

«У нас, — писала Н. К. Крупская, — зарегистрировано 7 млн. беспризорных (а сколько не зарегистрировано!), а в детские дома, самое большее, помещено 800 тыс. Куда же девать остальных?»[3].

---

[1] См.: Лацис М. Я. Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920. С. 81.

[2] Бычков Л. ВЧК в годы гражданской войны. М. 1940. С. 25.

[3] Крупская Н. К. Борьба с беспризорностью. Собр. соч. М., 1978. Т. 3. С. 165.

Основная масса беспризорных на протяжении многих лет добывала средства к существованию как придется, чаще всего кражами, которые, по словам М. Н. Гернета, были типичным преступлением, совершенным ребенком и подростком.

В последующие годы многие виды корыстных преступлений были связаны с нэпом. С одной стороны — преступления нередко совершали сами нэпманы, а с другой — они становились потенциальными жертвами, криминализирующими специфическую категорию уголовников, которые их обворовывали, грабили, вымогали у них деньги и ценности. При этом многие опасные преступники объясняли свои действия «идейными» соображениями, выдавая себя за борцов с буржуазией. Один из них — Мишка «Культяпый», участник 78 убийств, даже посвятил себе стихотворение, в котором поэтически воспевал идеал свободы и борьбы с «игом нэпмачей».

Совокупность указанных выше и других причин, а также отвлечение значительных сил молодой Советской республики на подавление контрреволюции, отсутствие опыта борьбы с криминальным профессионализмом — все это способствовало активизации преступного мира и росту преступности. Особенно увеличилось в эти годы число насильственных и корыстных преступлений.

По профессии — убийца

К наиболее распространенным преступлениям насильственной группы относились умышленные убийства. Однако удельный вес убийств по корыстным мотивам был не высок. По данным В. Меньшагина, они составляли в 1924 году 18,6%. К убийцам этой категории он относил: 1) преступников-профессионалов из числа воров, для которых убийства являлись как бы переходной границей от воровства к бандитизму; 2) лиц, совершавших убийства из-за голода и безработицы; 3) нэпманов, совершавших убийства из алчности и стяжательства.

Подобная дифференциация была, на наш взгляд, не совсем удачна ввиду неопределенности критерия.

Если говорить о профессиональных убийцах, то их число в 20-е и 30-е годы вопреки сложившемуся мнению было не столь велико. Суждение о распространенности такого рода убийств возникло по двум причинам. Во-первых, — в связи со значительным общим количеством убийств, в чем немалую роль сыграли последствия

классовой борьбы и активное сопротивление контрреволюционных элементов.

Во-вторых, этому способствовало упрощенное толкование понятия личности профессионального преступника вообще и убийцы в частности. Достаточно было усмотреть жестокость или изощренность в способе совершения преступления, как виновного считали профессионалом. Так, С. Укше, исследуя личность корыстных убийц из числа женщин, не нашел ни одного случая совершенного ими профессионального убийства, однако отметил такие признаки профессионализма, как отсутствие раскаяния, спокойное, детальное описание картины убийства, несоответствие между мотивом и тяжестью преступления, хладнокровие при его совершении. Относить эти признаки к профессиональным, тем более в одноэпизодных убийствах, вряд ли правильно. Они скорее характеризуют нравственно-психологические черты личности преступниц.

К профессиональным убийцам 20-х годов можно в полной мере отнести таких преступников, как Петров-Комаров, ленинградские Ленька Пантелеев и Карл Юргенсон, члены банд Котова-Смирнова и Мишки Культяпого. Петров-Комаров, например, совершил более 30 убийств (признался в 29). В его действиях обращает на себя внимание детально отработанная техника совершения преступлений, знание психологии своих жертв, которых он зазывал к себе домой и там за разговором убивал молотком.

Котовым-Смирновым (дореволюционный рецидивист) было совершено 116 убийств с целью ограбления. Все они отличались крайней жестокостью. В качестве орудий преступления использовались топор и молоток.

Другие же убийцы (всего 250), которых, например, обследовал С. В. Познышев, характеризовались криминальным дилетантизмом, и их можно отнести к случайно-ситуационному типу преступника.

Уголовный бандитизм

К распространенным и опасным имущественным преступлениям первых лет становления Советской республики относились бандитизм, разбойные нападения и грабежи. При анализе уровня бандитизма следует иметь в виду, что уголовное законодательство, а вслед за ним и юридическая литература тех лет считали групповой разбой бандитизмом (ч. 2 ст. 184 УК

РСФСР 1922 г.). Если учесть, что разбойные нападения практически во всех случаях совершались группой лиц, то нетрудно понять, почему статистический показатель бандитизма был так велик.

Тем не менее бандитизм в нашем сегодняшнем его понимании был тогда явлением распространенным. От бандитских проявлений уголовного характера, имевших все признаки криминального профессионализма, необходимо отличать так называемый политический бандитизм, который преследовал цель ослабления и даже свержения Советской власти (например, банды Антонова на Тамбовщине, Махно на Украине и иные формирования подобного типа).

Ликвидацией политического бандитизма занималась большей частью Красная Армия. Не случайно М. Н. Тухачевский, М. В. Фрунзе, организовывавшие ликвидацию таких бандсоединений, полагали, что политический бандитизм является составной частью гражданской войны.

Однако уголовный бандитизм также характеризовался устойчивостью больших вооруженных групп, налетчиков, во главе которых нередко стояли профессиональные преступники с дореволюционным стажем. Во второй половине 1917 года только в Москве действовало около 30 таких банд. Аналогичное положение наблюдалось и в других крупных городах республики. В Петрограде, например, наводила страх на людей банда, возглавлявшаяся профессиональным убийцей Александровым по кличке «Мишка Паныч», на Псковщине в течение пяти лет действовала банда, насчитывавшая 165 человек, под командой Воробья. В Хабаровске орудовала шайка налетчиков под руководством Седлицкого, в Херсонском уезде — банда Абрамчика Лехера и т. п. Организованные банды, как правило, имели для большего устрашения таинственные названия. Например, «Черная маска», «Девятка смерти», «Бим-бом», «Руки на стенку», «Деньги ваши, будут наши», «Банда лесного дьявола» и др. Наибольшего роста уголовный бандитизм достиг в 1921 — 1922 гг., что совпало с начавшимся в стране голодом. Бандитизм того периода отличался не только совокупностью политических и уголовных мотивов, но и крайне жестокими формами насилия.

По мере того как в стране налаживалась нормальная жизнь, количество бандитских проявлений сокраща-

лось. Если в 1922 году в Российской Федерации было возбуждено 2097 уголовных дел о бандитизме, то в первом полугодии 1927 года лишь 573.

Вспышка бандитизма отмечалась затем в период коллективизации. Причем мотивы политического характера кулаков весьма быстро приобретали типичную уголовную окраску, а банды превращались в профессионально организованные сообщества разбойников.

Профессиональные налетчики

О распространенности в тот период разбоев и грабежей говорят следующие данные. Согласно сведениям Центророзыска, в 38 губерниях РСФСР в 1919 году было совершено 2816 грабежей и разбоев, а в 1920 году — 7319, что в массе всех преступлений составляло 5%. Около 95% всех разбойных нападений были вооруженными; каждое второе из них совершалось на улице.

Характерен способ совершения большинства этих преступлений. Преступники устраняли всякую возможность противодействия со стороны жертвы и обычно использовали психологическое воздействие. Удельный вес разбоев с причинением телесных повреждений и лишением потерпевших жизни составлял лишь 11%.

Данное обстоятельство, если учесть, что почти все грабители и разбойники были вооружены, на первый взгляд кажется странным. Однако незначительную степень физического насилия можно объяснить двумя причинами: во-первых, уверенностью преступников в исходе дела, обусловленной четкостью подготовки и совершения преступлений; во-вторых, малым риском задержания милицией. Последнее подтверждается нередкими фактами позерства, наигранности действий преступников во время нападения. Вспомним, например, галантные извинения Леньки Пантелеева при грабежах.

Если говорить о грабежах, то они в криминологическом аспекте мало чем отличались от разбойных нападений, совершались также группами, из которых лишь 15% относилось к устойчивым шайкам, возглавлявшимся профессиональными преступниками.

В литературе распространено мнение, что подавляющую часть преступников в 20-е годы составляли безработные или лица без определенных занятий. Причем это даже аргументировалось А. Учеватовым обобщенными данными о личности бандитов и грабителей в следующей таблице.

Социальная категория	Осужденные за корыстные насильственные преступления	
	чел.	%
Рабочие	14	5,1
Земледельцы	1	0,3
Служащие и интеллигенция	2	0,8
Торговцы и предприниматели	4	1,5
Безработные	148	54,6
Преступники и рецидивисты	—	—
Другие занятия	15	5,5
Без определенных занятий	87	32,1
Всего	271	100,0

Данные таблицы настораживают даже не специалиста: полнейшее отсутствие профессиональных преступников и рецидивистов. Это объясняется тем, что лица, задержанные за совершение преступлений, сами заполняли карточки и чаще всего объявляли себя безработными. В результате более 80% преступников оказались в графах «безработные» и «без определенных занятий», хотя можно с уверенностью утверждать, что многие из них были профессионалами. Под видом безработных скрывались опытные рецидивисты и профессиональные преступники, поскольку указанное ими социальное положение являлось смягчающим вину обстоятельством при определении меры наказания и, наоборот, отнесение к профессиональному типу — отягчающим.

Об ошибке в проведенном анализе свидетельствуют, например, ранее опубликованные в печати данные изучения личности осужденных за совершение одного из «18 важнейших преступлений», где из числа бандитов и разбойников около 32% оказались рецидивистами, а безработных и лиц без определенных занятий — только 6—8%. Поэтому совершенно справедливо было утверждение о том, что «учитывая классовую линию, строго проводимую в судебных органах, весь рецидив, всеми доступными для его способами старается скрыть свое прошлое и в большинстве выдает себя «за крестьян» и «рабочих».

Мир воров

Особое место в структуре преступности 20-х годов занимали кражи, удельный вес которых среди всех преступлений составлял 23%, а среди имущественных — 73%. В пер-

вый месяц после мартовской амнистии 1917 года только в Москве было совершено 6884 кражн. В последующне годы ежемесячно совершалось свыше тысячи краж.

Эти преступления, как и в дореволюционной России, являлись основной специальностью профессиональных преступников. Так, московскнй уголовный розыск (и не только он) дифференцировал воров на следующие основные категорнн: 1) взломщикн; 2) «домушнннкн»; 3) «монтеры», «прислуга» и т. п.; 4) «наннматели квартир», «посетителн врачей, адвокатов» и пр.; 5) карманщики городские; 6) карманщики крупные, «марвихеры» высшей маркн, 7) воры-отравители; 8) железнодорожные воры, крадущие на вокзалах; 9) похнтнтели железнодорожных грузов; 10) воры велосипедов; 11) конокрады; 12) «церковннки»; 13) «городушннкн» — похнтнтели нз магазннов; 14) «вздерщнкн», крадущне прн размене денег; 15) «хипесники», обкрадывающне посетнтелей любовннцы-проститутки; 16) скупщнки краденого; 17) грабители; 18) «подкладчнки»; 19) содержатели воровских прнтонов.

Однако эта установленная уголовным розыском классифнкация воровского преступного мира далеко не нсчерпывающа. Как писал М. Н. Гернет, «самн воры-профессионалы днфференцнруют себя значнтельно подробнее и, кроме перечисленных групп, знают еще н много другнх». Достаточно сказать, что карманные воры имели до десятн разновидностей, каждая из которых делнлась на более мелкие в завнснмости от спецналнзацни преступннка.

Нанболее полное представление о профессиональном воровстве тех лет дает классифнкация воров, приведенная И. Н. Якнмовым н содержащая 28 осиовных категорий, к которым автор отиосил «халтурщнков» (ворующнх на похоронах), «бандщнков» (похнщающнх ручную кладь на вокзалах), «голубятннков» (кравших белье с чердаков) и т. п. По существу кражн мало чем отлнчалнсь от аналогичных преступлений в царской Россин, а лица, нх совершавшие, учитывались по жаргонным названиям.

В структуре краж нанболее распространенными оказалнсь кражи нз жнлищ, карманные кражи н конокрадство. Последнее в равной мере было характерно как для городов, так и для деревень. В Псковской областн, например, ежегодно похищалось до 1000 лошадей. Од-

нако в концу 20-х годов конокрадство резко сократилось и перестало влиять на криминологическую обстановку. Это, очевидно, было связано с последствиями коллективизации, в результате которой лошади были обобществлены.

Все виды краж характеризовались значительным удельным весом рецидива и групповыми способами нх совершения. Специальный рецидив составлял у воров-мужчин 41%, у женщнн — 32,5%; общнй — соответственно 43,4 и 43,3%. В соучастии совершалось почти каждое второе преступление. Воровские сообщества (шайки) нередко были устойчивы и многочисленны, имели хорошую техническую оснащенность, своих постоянных скупщиков н места сбыта в других городах.

Определенный криминологический интерес вызывает личность вора 20-х годов. Среди воров удельный вес безработных составлял 16,5%, а лиц без определенных занятий — 16%, деклассированных — всего лишь 0,8%. Каждый второй преступник был ранее судим, в том числе: один раз — 23,6%, два раза и более — 10,5%.

Среди лиц, осужденных за кражу, почти одну треть составляли несовершеннолетние в возрасте от 16 до 17 лет. Однако это не может свидетельствовать о депрофессионалнзацни общей массы воров. Наоборот, по данным Э. П. Родина, изучавшего несовершеннолетних воров, лица, вставшие на путь преступлений в раннем возрасте, быстрее осваивали воровскую специальность н «этику» и становились опытными профессноналами.

От другнх категорнй правонарушнтелей воры отлнчались большей степенью социальной деградации. Например, средн карманнников каждый второй вор-рецидивист был алкоголиком илн наркоманом. В 13 — 14 лет преступникн, по данным И. Н. Якнмова, былн уже знакомы со всемн негативными сторонамн жизнн, причем 25% из них — с развратом. Отсюда не случайна малограмотность лнц этой категории. Среди ннх каждый пятый не умел чнтать и писать.

Растратчики и продавцы воздуха

Говоря в целом о кражах 20-х годов, следует подчеркнуть, что воры специализировались преимущественно на тайном похищении частного имущества. Похнщения государственного и общественного имущества тогда осуществлялись, как правнло, в форме растрат и мошенничества. Однако с профессиональной преступностью былн связаны не только растраты,

но и спекуляция, которая превращалась в источник средств существования и наживы. Что касается растрат, то они возникали главным образом в кооперации. В 1925 году на 1 августа только по 52 губерниям РСФСР было привлечено за это, по данным И. С. Кондрушкина, свыше 13 тыс. работников кооперации.

Мошенничество характеризовали те же количественные и качественные изменения. Огромных размеров достигло тогда «нэпманское» (торговое) мошенничество. Оно заключалось в организации всевозможных фиктивных торговых ведомств, «продаже» несуществующих товаров («воздуха») и т. п.

Значительно возросло и число мошенничеств, совершаемых с целью завладения личным имуществом граждан. Несмотря на тяжелые экономические условия, появлялись не только новые виды краж, но и новые виды обмана. Особенно распространенными были «кукольное» и игорное мошенничество, а также продажа фальшивых драгоценностей под видом настоящих. Мошенничество тех лет создало классические формы обмана и типы различных дельцов, обративших его в источник своего существования.

Мошенники, как и воры, различались по специальностям и в середине 20-х годов представлялись 13-ю основными категориями преступников. В этот период значительно активизировалось профессиональное мошенничество под видом продажи кладов, антиквариата, с помощью поддельных дубликатов накладных на несуществующие грузы («продавцы воздуха»).

В действительности мошеннических специализаций было больше, ибо, как отмечал И. Н. Якимов, мошенники совершенно не поддаются какой-либо классификации, поскольку обман так же разнообразен, как и человеческая изобретательность.

«Сколько у нас преступников-профессионалов..!»

Таковы основные количественные и качественные характеристики преступности в переходный от капитализма к социализму период и степени ее профессионализации, которая зависела от состояния имущественных преступлений. «Всевозможные шниффера, кукольники, медвежатники, марвихеры — это имущественные преступники. Это они — создатели блатной музыки, они же тюремные «Иваны», завсегдатаи и почетные гости мест заключения», —

отмечал Б. Утевский. Следует подчеркнуть, что исследователи этого периода насчитывали 90 криминальных специальностей у профессиональных преступников. По мере утверждения социалистических отношений, возрастания экономики и культуры в стране уже с середины 20-х годов обнаружилась тенденция к сокращению преступлений. Только за период с 1922 по 1926 год число осужденных в Российской Федерации сократилось более чем втрое, имущественные преступления снизились на 30%, а удельный вес хозяйственных преступлений уменьшился в 6 раз (по данным А. А. Герцензона).

При изучении профессиональной преступности 20-х годов вполне закономерно возникает вопрос об ее уровне и объеме, поскольку в современной криминологической литературе таких данных нет, но не единичны высказывания о значительности ее размеров, связанных с особыми условиями того периода.

По данным Б. Утевского, опубликованным в статье «Сколько у нас преступников-профессионалов и что с ними делать?», число профессиональных преступников, содержавшихся в местах лишения свободы, составило во второй половине 1928 года лишь 4,2% от общего числа осужденных, или 5 тыс. человек. Допускалось предположение, что такое же количество их оставалось на свободе, т. е. что общее число профессиональных преступников составляло 10 тыс. человек. Правда, при этом Б. Утевский исходил главным образом из такого критерия, как многократность судимостей, что, на наш взгляд, не совсем верно и реальное количество профессионалов было, очевидно, гораздо большим.

Вместе с тем указанные данные говорят о том, что профессиональная преступность тех лет необоснованно преувеличена в литературе последующих десятилетий. Но, может быть, специалист в области профессиональной преступности Б. Утевский допустил ошибку? Оказывается, нет. По сведениям С. Н. Кренева, в общем числе лиц, задержанных ленинградским уголовным розыском в период с 1917 по 1924 гг., рецидивисты-профессионалы составили лишь 13%. Все эти данные лишний раз убеждают в правильности мнения ученых о том, что категория профессиональных преступников — это самая малочисленная группа, совершающая самое многочисленное число преступлений.

Депрофессионализация преступности

В последующее десятилетие (1926 — 1936 гг.) индустриализации и коллективизации также отмечалось последовательиое позитивиое измеиеиие динамики и структуры преступности. Еслн в 1927 году число осуждеиных иа 100 тыс. иаселения составляло 1010 человек, то в 1928 году — 980.

Рассматрнвая степеиь профессиоиализма преступнников, иельзя ие учитывать общую оцеику преступиости второй половины 20-х годов. «В частиостн, — говорилось, — заслужнвает быть отмеченным то обстоятельство, что основная масса преступлеинй за 1928 год, падая в подавляющей своей частн иа мелкие преступления, иа «дела частиого обвииеиия», ие может быть отнесена ин к категорни особо опасиых, ии к категории просто социально опасиых преступлеиий». Одиако, иесмотря на благоприятные процессы в структуре преступности, количество уголовиых посягательств было по-прежиему велико. Только в РСФСР в 1928 году в суды поступнло более 1,5 млн. уголовиых дел, по которым осуждено около 1 млн. человек, что составило иа 100 тыс. населеиня 1607 дел н 952 осуждеииых. Это было значительио больше, чем коэффициеит преступиости в дореволюциоииой Россин. При этом 22,1% лнц осуждались за нмущественные преступления, в том чнсле больше половииы — за кражн. Одиако через семь лет в постаиовлеиин Плеиума Верховиого Суда СССР от 20 декабря 1936 г. было отмечеио, что преступиость по различным республикам снизилась вдвое и втрое.

Сиижеиие преступиостн закоиомерио приводило к измеиеиию ее структуры. Перестали домининровать коитрреволюционные преступлеиня, баидитизм, зиачительио сократилось количество убийств и разбоев. И хотя корыстные преступлеиия во многом определяли степеиь кримииальиого профессиоиалнзма, иельзя ие учесть, что 66,3% преступиости приходнлось иа сельскую местиость. Между тем профессиональиая преступиость — явлеиие в большей мере городское. Поэтому в иачале 30-х годов в стране ие случайно стаиовнтся заметной тенденция снижения профессиоиалнзацни преступииков в целом, отход от преступной деятельиостн воров-рецидивистов с дореволюциоииым стажем. К этому времени произошлн значительиые сдвиги в борьбе с детской беспризориостью. Под воздействием социально-экономических н правовых факторов стали

распадаться наиболее устойчивые, особенно бандитско-разбойные, сообщества преступников, притоны и «блат-хаты». Утратили значение центров преступного мира также традиционно подвластные влиянию уголовных элементов места, как московские Хитров и Сенной рынки, Дерибасовская в Одессе и др. К середине 30-х годов исчезли некоторые разновидности профессиональных способов совершения карманных краж. Практически прекратило существование карточное мошенничество. Шулера в основном играли в притонах с крупными дельцами и иными преступниками.

Годы войны и послевоенный период охарактеризовались наличием многих социальных лишений, трудностей, тяжелыми условиями восстановительного периода и «конечно, так или иначе сказались на состоянии и структуре преступности в стране, но не «отменили» наличия тенденции сокращения преступности, хотя и замедлили ее проявление, что вполне естественно»[1]. Эта тенденция, по мнению авторов «Курса советской криминологии», ярко прослеживается на показателях судимостей. Если общее число осужденных в 1940 предвоенном году принять за 100%, то следует прийти к выводу, что через пять лет (в 1945 г.) этот показатель снизился до 63%; в 1950 году он составил 52,5%; в 1955 году — 33%, а в 1962 году — 24,6%. Таким образом, количество осужденных за эти годы сократилось более чем на 75%. В 1963—1965 гг. судимость оказалась самой низкой за последние 30 лет.

Приведенные данные подтверждаются также показателями динамики отдельных видов преступлений, относящихся к числу наиболее распространенных уголовных посягательств. В частности, по данным И. И. Карпеца, с 1935 года по 1964 год кражи личного имущества сократились на 25%. Исключение составляли карманные кражи, удельный вес которых в эти годы значительно вырос. В 1945 году, по оценке УНКВД Москвы и Московской области, в столице было задержано почти 1000 карманных воров, преимущественно в возрасте до 25 лет. Следует отметить, что по отношению к 20-м годам преступность в стране с некоторыми колебаниями имела тенденцию снижения вплоть до середины 60-х годов. Однако к этому времени стало обнаруживаться заметное увеличение корыстных преступлений,

[1] Курс советской криминологии. М., 1985. С. 194.

стирание границ между сельской и городской преступностью, появление организованности преступников и негативных изменений в хозяйственной преступности.

Профессионализм. По архивным материалам

Анализ преступности и степени ее профессионализации с 1935 по 1960 гг. затруднен из-за отсутствия за тот период у нас данных научных исследований.

Вместе с тем, согласно статистике органов внутренних дел, при общей тенденции сокращения преступности ее структура к концу 50-х годов характеризовалась следующим образом. Две трети преступлений, регистрируемых по линии уголовного розыска, составили имущественные. При этом самыми распространенными оказались кражи. Их удельный вес превышал 40%. В числе краж доминирующее положение занимали кражи личного имущества (выше 65%), среди которых более 30% — кражи из квартир. Для восполнения характеристики этих преступлений, продуцирующих профессиональных преступников, нами было проведено изучение уголовных дел о кражах государственного, общественного и личного имущества, рассмотренных по первой инстанции в Московском городском суде за период с 1946 по 1959 гг. (до изменения уголовного законодательства)[1].

Так как в Мосгорсуде рассматривались дела о квалифицированных преступлениях, то предполагалось получать данные о высокой профессионализации воров. Но это не нашло подтверждения, даже несмотря на существование в указанный период группировок профессиональных преступников.

В основе движущего мотива корыстных преступлений, особенно краж, чаще лежала нужда, что не могло не влиять на избираемость предметов посягательства. В половине краж ими являлись носильные вещи и продукты питания, причем в 30% случаев похищенное ворами «присваивалось» для личных хозяйственных нужд.

К числу распространенных краж государственного имущества относились: кражи из магазинов (31%); с промышленных предприятий (25%); со складов и баз

[1] Изучение проводилось с помощью студентов социологической группы кафедры уголовного права юридического факультета МГУ в 1982—1983 гг. Уголовные дела до 1946 года оказались уничтоженными.

(33%); другие (11%). При этом многие преступники являлись работниками указанных мест. Что касается личного имущества, то здесь превалировали карманные и квартирные кражи.

К способам преступлений относились: взлом дверей; кража через форточку; с помощью подбора ключей; «свободным доступом» (через оставленные открытыми двери, окна). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что воровской инструмент применялся лишь в 10% от общего числа случаев проникновения в помещение.

Поскольку квалифицирующим обстоятельством являлось совершение преступлений в соучастии, то большинство изученных дел относилось к групповым. Но несмотря на многочисленный состав групп (от 3 до 17 человек) отмечалось отсутствие четко выраженой специализации, которая бы зависела от объекта, предметов и способов посягательства. Причем состав групп постоянно обновлялся. Важно отметить и другую особенность: после кражи имущество, как правило, делилось между соучастниками, и они сами занимались его сбытом. В результате каждый третий вор задерживался работниками постовой службы в местах реализации похищенного имущества. Преступно-профессиональная деятельность подобные действия, как правило, исключает: сбыт при ней осуществляется чаще централизованно.

Остановимся также на некоторых особенностях личности преступников. Среди воров подавляющее большинство (92%) составляли лица в возрасте до 30 лет, неженатые (70%). Основная масса осужденных была малограмотна (72%). Каждый третий преступник на момент задержания не работал и не учился, в то время как в предвоенные годы этот показатель достигал 50%[1]. При этом половина из числа неработавших преступников добывали средства к существованию кражами. Что касается общего рецидива, то у воров он был относительно невысок: по кражам государственного имущества — 40%; личного имущества граждан —34,7% (карманные кражи не учитывались). Столь небольшой рецидив, оставшийся на уровне 20-х годов, можно объяснить тем, что, во-первых, эти преступления в целом сократились; во-вторых, сроки наказания за кражи были

[1] См.: Личность преступника. М., 1971. С. 101.

значительными; в-третьих, существенно омолодился контингент преступников в военные и послевоенные годы. Даже среди карманных воров наблюдался относительно небольшой удельный вес рецидивистов. Вместе с тем специальный рецидив (однородный) среди ранее судимых воров достигал 70%, что не могло не свидетельствовать об определенном уровне профессионализма преступников и наличии профессиональной преступности в 50-х годах. Последнее подтверждается материалами теоретической конференции по вопросам советского исправительно-трудового права в 1957 году, на которой отмечалось, что профессиональная преступность и рецидив в стране есть и с этим необходимо вести самую решительную борьбу.

ГРУППИРОВКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ И МЕРЫ БОРЬБЫ С НИМИ

Борьба в уголовном мире

Снижение динамики преступности начиная с середины 20-х и вплоть до середины 60-х годов явилось диалектически закономерным процессом для общества, устранившего коренные причины криминальных эксцессов. Но преступность развивается скачкообразно (это отмечает большинство криминологов) и зависит от многих социально-экономических и правовых факторов. Снижение количества преступлеиий на каком-то историческом отрезке времени развития государства вовсе ие свидетельство иачала отмирания преступности как социального явления. Для этого потребуются совершенно иные условия, при которых высокая нравственность займет доминирующее положение в сознании и поведении людей, чего, как известно, иевозможио достичь в исторически короткий срок.

Преступность к тому же характеризуется и качественными показателями, определяющими ее общее состояние. Поэтому даже в условиях сокращения количества преступлений, снижения степени их общественной опасности, в преступности могут возникать неблагоприятные тенденции и процессы. Поскольку в рассматриваемый период появились и активно действовали группировки профессиональных преступников, то анализ степени и характера профессионализации преступности в отрыве от этого явления был бы методической

ошибкой и не дал бы реального понимания ее состояния в целом.

Следует также учитывать, что вопрос о группировках рецидивистов в теории и практике борьбы с преступностью освещен недостаточно полно. Не случайно правоохранительные органы, столкнувшись в 80-е годы с аналогичным феноменом, оказались слабо подготовленными к эффективной борьбе с ним и поставили перед исследователями ряд серьезных проблем, касающихся механизма, истории возникновения группировок и особенностей их преступной деятельности.

Появление группировок профессиональных преступников обусловлено рядом исторических, социальных факторов. Оно свидетельствует о том, что преступность не осталась и не могла остаться вне классовой борьбы. Активизация уголовных элементов после преждевременной амнистии, проведенной Временным правительством в марте 1917 года, была связана с тем, что большая часть выпущенных на свободу преступников была деклассированной массой, не способной понять и осознать происходящих в стране событий. Хотя в литературе был, например, описан случай, когда около сотни рецидивистов собрались для обсуждения вопросов о поддержке Советской власти и прекращении преступной деятельности, обращение, которое они приняли, как показал дальнейший ход событий, результатов не дало. Кроме того, в первые после революции и последующие годы число уголовников интенсивно росло за счет мелкой буржуазии, анархистов, разорившихся нэпманов, участников банд и бывших белогвардейцев. Преступный мир становился неоднородным, и это приводило к возникновению в нем различных течений, противоречий, особенно в местах лишения свободы. Это объективно способствовало разделению его на две основные категории — профессиональных преступников с дореволюционным стажем и тех, кто встал на путь преступлений после революции. Последние в отличие от профессионалов не имели уголовной квалификации, не знали обычаев преступного мира, не располагали воровским инструментарием, посредниками и скупщиками краденого. Занявшись противоправной деятельностью, они в подавляющем большинстве оказались в положении дилетантов.

Но стремление приспособиться, а для многих еще и навредить новому порядку заставляло их искать и уста-

навливать связи с опытными профессиональными преступниками («блатными»). В значительной мере, как уже отмечалось, этому способствовали места лишения свободы, где все эти лица содержались вместе.

В то же время новая категория преступников имела одно очень значимое преимущество. Многие из них, являясь выходцами из мелкобуржуазной среды, были грамотнее, хитрее и выше по своему интеллектуальному уровню, чем традиционные уголовники. Поэтому с течением времени банды, воровские шайки стали возглавлять лидеры из «новых». Появились так называемые авторитетные преступники, которые, по словам Б. Ф. Водолазского и Ю. А. Вакутина, стали не только быстро перенимать традиции и законы старого преступного мира, но и интенсивно вносить свои порядки, близкие к их политическим убеждениям.

Прежде всего это выражалось в том, что преступная деятельность расценивалась лидерами как форма социального протеста, в которой отчетливо проявлялись идеи анархизма. Не случайно эта первая группировка «авторитетов» называлась «идейной». Вместе с тем ее лидеры не имели достаточно прочных связей между собой, а шайки, как правило, действовали изолированно друг от друга. И лишь в лагерях они составляли одну группировку крайне выраженной антисоциальной направленности.

В конце 20-х — начале 30-х годов под давлением внешних факторов (укрепление могущества Советского государства, изменение законодательства, рост экономики) и внутренних (противоречия в уголовном мире) указанные выше преступные сообщества стали разлагаться. В среде преступников появилась новая лидирующая категория, именуемая «урками»[1], которая также создавала свое окружение, но преимущественно из воров.

Между «жиганами» и «урками» в местах лишения свободы началась борьба за лидерство. Она нередко носила жестокий характер. Победили, как отмечают Б. Ф. Водолазский и Ю. А. Вакутин, «урки». Однако впоследствии сами они растворились в увеличившейся массе воров, которые среди всех заключенных составляли около четверти. Внутри этой массы также шла

[1] В дореволюционной России урками назывались опытные профессиональные воры.

борьба за лидерство. Среди воров выделялись свои «авторитеты». Модифицируя традиции уголовиого мира дореволюциоиной России, оии виешие проводили в лагерях «политику» справедливости, защиты обижеииых. Этому еще способствовало и то, что в коице 20-х и первой половиие 30-х годов охраиа и иекоторая часть адмиинстративиого аппарата иабирались из среды заключеииых. Миогие воры с целью давлеиия иа заключенных проиикали иа эти должиости и получали большую возможиость утверждать свои «закоиы».

Появление «воров в законе»

Следует отметить, что воровская категория полиостью освободилась от политической примеси, считая, что вор должеи только воровать и ие вмешиваться в дела государства. Те, кто стал придерживаться воровских правил поведеиия, иазывались «ворами в закоие».

Определить достоверно, когда (в каком году) возникла группировка и почему оиа стала иазываться «ворами в закоие», достаточио сложно. В жаргоие дореволюциоииого преступиого мира такой термин исследователями ие зафиксироваи. Предположить, что группировкой ие заиитересовались специалисты-исследователи рецидивной и профессиоиальиой преступиости (Б. С. Утевский, С. Н. Креиев и И. Н. Якимов и др.), иельзя; судя по всему, их иитересовали даже иезиачительиые измеиеиия в уголовной среде. Следовательио, можио сделать вывод, что «воры в закоие» утвердились в иачале 30-х годов. Это иазваиие как бы символизировало прииадлежиость к группировке рецидивистов, относя другие категории воров к среде, иаходящейся «вие закоиа».

Сведеиия в литературиых источииках и иорматившых актах МВД СССР о иормах поведеиия («закоиах») и преступиой деятельиости воровского сообщества крайне бедиы и иередко противоречивы. В 50-х годах воровскую группировку посчитали за проявлеиие оргаиизоваииой преступиости в СССР и вуалировали ее иазвание и «закоиы» под различные термииы. В последующие годы эту группировку считали ликвидироваииой и попыток к ее изучеиию также ие предприиималось. Результаты же опросов «воров в закоие», проведеииых иекоторыми учеными и практическими работииками в середиие 80-х годов иуждаются в тщательиой оцеике, хотя и не колеблют общих положеиий о сущиости самой

группировки. В этой связи описание ее «закоиов» дается нами с поправкой иа данные обстоятельства.

«Вор в законе», по словам В. И. Моиахова, — это особая категория преступииков-рецидивистов, характеризующаяся двумя особенностями: 1) устойчивым «принципиальным» паразитизмом; 2) организованностью. Таковым мог считаться лишь преступник, имевший судимости, авторитет в уголовной среде и приинятый в группировку иа специально собраниой сходке. Кандидат в группировку проходил испытаиие, всестороине проверялся ворами, после чего ему давались устиые и письменные рекомендации. Сходка являлась не просто формальным актом утверждения новичка. Главная ее цель состояла в определении иадежности принимаемого лица, пропагаиде воровских «идеалов» среди других категорий правоиарушителей. Поэтому те, кто рекомендовал каидидата, несли перед сходкой ответственность за его дальнейшее поведение. Не случайио лица, попавшие в группировку, были исключительио ей преданы. Например, бывший «вор в законе» Ч.[1] писал, что многие воры предпочитали расстаться с жизиью, чем отступить от воровской «идеи».

Воровская присяга

Кандидатам в группировку внушалась мысль об исключительной роли «закоиников», их особом положеиии, о предназначении устаиавливать справедливость и порядок в преступном мире. Пополнеиие группировки осуществлялось вне зависимости от условий и мест нахождения «воров в законе», а процедура приема ие допускала иикаких отступлеиий от установленых правил.

Вот любопытиый случай, описаиный в литературе 50-х годов. В одиой из траизитио-пересыльиых отделений УИТК Красноярского края, где в 10 камерах содержались «воры в законе», прием осуществлялся следующим образом. Поскольку условия изоляции исключали сходку, вопрос обсуждался с помощью переписки. Рекомеидующие воры иаправили по камерам записку («ксиву»), в которой говорилось, что прииимаемый («малютка») имеет определеиные качества и заслуги. В

[1] Ч. в 1981 году отбывал наказание в одиой из ИТК Воронежской области. Общий срок пребываиия в местах лишения свободы (ие считая ВТК) 25 лет. Семь судимостей. Хорошо зиал «законы». Добровольио иаписал о себе и группировке в 13-ти общих тетрадях.

частности, у него «поведение и стремления только воровские», он «длительное время нарушал дисциплину и почти не выходил из барака усиленного режима, несколько месяцев по поручению воров организовывал в одном из подразделений сбор денег с заключенных («благо воровское»)... Хотя он и молодой, но мысли у него только существенные и воровские, — писали поручители.— Мы рады, что к нам в семью прибывают новые воры».

Первая камера ответила: «Будет вором этот пацан. Бог ему навстречу!» Вторая камера также была не против, «если душа у него чистая». В таком же стиле выразили свое одобрение и другие камеры, после чего прием состоялся.

Прием в сообщество в условиях свободы облачался в рамки торжественности. По данным В. И. Монахова, существовала даже присяга, которую принимали публично «воры в законе». Текст ее был примерно такой: «Я, как пацан, встал на путь воровской жизни, клянусь перед ворами, которые находятся на сходке, быть достойным вором, не идти ни на какие аферы чекистов».

Рецидивисты, принятые в группировку, переходили в качественно новую криминальную категорию и должны были беспрекословно выполнять требования воровского «закона», представляющего собой совокупность выработанных преступным опытом норм поведения. Все постулаты «закона» направлялись исключительно на укрепление и сохранение данной группировки, на ее паразитическое существование не только в обществе, но и внутри антиобщественной среды. Устанавливаемые неформальные нормы поведения были не лишены психологического смысла, учета конкретной социальной и правовой обстановки. Высокая степень их общественной опасности заключалась в организующей роли воровских «законов» и заражении ими других правонарушителей. Не случайно в 50-е годы предлагалось ввести уголовную ответственность за принадлежность к «ворам в законе», которые, по словам А. Дымерского, приспосабливались и сохраняли свое влияние на осужденных с помощью уголовных традиций.

Законов, посредством которых члены группировки осуществляли преступную деятельность, достаточно много, поскольку они регулировали образ жизни членов данного сообщества — отношение к труду, к админи-

страции ИТУ, другим осужденным, к самим себе... Некоторые из них, касающиеся преимущественно внешней стороны антиобщественного поведения, описаны В. И. Монаховым и Ю. А. Вакутиным. Целесообразно дифференцировать их на основные и второстепенные неформальные нормы. Наибольший криминологический интерес представляют первые, регулирующие жизнедеятельность сообщества в целом (второстепенные касались взаимоотношений воров друг с другом).

Блатные «законы»

К основным «законам» сообщества рецидивистов можно отнести семь основных правил:

1. Главной обязанностью члена группировки являлась беззаветная поддержка «воровской идеи». Предательство, совершенное под пытками, в состоянии наркотического опьянения и даже расстройства психики, не могло считаться оправданием. Вору запрещалось также заниматься общественно полезной деятельностью, а на первоначальном этапе — иметь семью, поддерживать связь с родственниками. Например, встречавшаяся у рецидивистов 40 — 50-х годов татуировка «не забуду мать родную» имела в виду воровскую семью, ставшую для них как бы матерью.

2. Второе правило запрещало вору иметь какие-либо контакты с органами правопорядка, кроме случаев, связанных со следствием и судом. Оно было направлено против возможных случаев предательства интересов группировки. У воров существовала даже особая клятва — «легавым буду, если что-то...».

3. Третье требование «закона» предписывало членам сообщества быть честными по отношению друг к другу. Вор, например, не мог оскорбить или ударить соучастника, не имел права на него замахнуться. Что касается отношений к не членам касты, то здесь разрешалось делать все, что содействовало укреплению авторитета группировки. Не случайно «законники» считали себя «князьями» в преступной среде.

4. Четвертое правило обязывало «воров в законе» следить за порядком в зоне лагеря, устанавливать там полную власть воров. В противном случае они отвечали перед воровской сходкой.

5. Пятое положение «закона» требовало от воров вовлечения в свою среду новых членов, поэтому они вели активную работу среди молодежи, особенно несовершеннолетних. Система вовлечения, по словам во-

ров, была достаточно эффективной[1]. Новичков обольщали «воровской романтикой», «красивой жизнью», свободной от обязательств перед обществом, обольщали властью денег и культом насилия. Их приучали к водке, наркотикам, сводили с воровскими проститутками. С другой стороны, их били и шантажировали, заставляли брать на себя вину за преступления, совершенные ворами. Последнее было чуть ли не основным мотивом вовлечения молодежи.

В местах лишения свободы члены группировки использовали кандидатов («пацанов») для различных поручений — сбора средств для общей кассы («общака»), а нередко — в сексуальных целях. Таков был путь в воровское сообщество почти у каждого вора, что, несомненно, способствовало формированию у него цинизма, жестокости и презрения к нравственным социальным ценностям.

6. Шестое правило запрещало преступникам интересоваться вопросами политики, читать газеты, выступать в качестве потерпевших и свидетелей на следствии и в суде.

7. Самым «принципиальным» положением являлось обязательное умение члена группировки играть в азартные игры, что имело существенное значение. Игры помогали общению, установлению власти над другими заключенными, у которых воры выигрывали не только имущество, но и жизнь, создавая тем самым окружение смертников для выполнения особых поручений. Игры, в которых ставкой была жизнь, именовались «три звездочки» или «три косточки». Эта традиция сохранилась со времен царской сахалинской каторги.

Принадлежность к воровской группировке обозначалась татуировкой, изображавшей сердце, пронзенное кинжалом (в последующем это стали масти тузов внутри креста). Татуировки были не только средством самоутверждения, но и выполняли коммуникативную роль, так как с помощью их рецидивисты распознавали друг друга. Причем другие преступники знак «вора в законе» не могли носить под страхом смерти.

Многие нормы воровского «закона» касались поведения рецидивистов в ИТУ. Как и в условиях свободы, им запрещалось трудиться. Они были обязаны помо-

[1] Эти вопросы нашли отражение в публицистике того времени.

гать друг другу, в том числе материально. Этому способствовала специальная воровская касса, которая пополнялась с помощью систематнческих поборов с осужденных. В условиях свободы таких касс не было, каждый обязан был жить на добытые воровством средства.

Находясь в местах лишения свободы, «воры в законе» организовывали протнводействие адмннистрацин, принуждая ее нередко идти на компромиссы. Отмечались случаи, когда администрация лагерей обращалась к помощи воров для наведения общего порядка, выполнения плана и т. п.

Таковы основные положення и роль неформального «закона» группировкн. Однако в жизни их было гораздо больше. Например, устанавливался ритуал проведения сходки, на которой воры должны были присутствовать без оружия, регламентнровался процесс суда над виновными. Причем «закон» не был чем-то неизменным, раз и навсегда установленным правилом, как это стараются подчеркнуть самн рецидивисты. Напротив, он модифнцировался и совершенствовался в зависимости от тех илн иных социальных и правовых условий в обществе. Данное обстоятельство отмечалось еще специалистами 50-х годов.

Блатные санкции

Исследователи и сами «воры в законе» 50-х годов указывали на стабильность группнровки рецидивнстов, в связи с чем представляет научный интерес прнчина данного явлення, тем более, что к фактору постоянства часто относили «воровскую идею». Мы не станем затрагивать роль укоренившейся антнобщественной установки преступника — это понятно. Изучение показало, что в основе сплоченностн профессиональных преступннков лежали их организованность и безальтернативные санкции за нарушенне неформального «закона» (в середине 50-х годов выход из группировки, например, был разрешен лишь при наличии серьезных оснований — болезнн, женнтьбы). У воров существовало три вида наказания. Первое заключалось в публичной пощечине. Оно назначалось за мелкие провинности, чаще оскорбления. Второе — исключение из группировкн («бить по ушам») или перевод в низшую категорию — так называемых мужиков. Третье, наиболее распространенное, — это смерть. Как отмечали очевидцы и ученые (В. И. Монахов, Ю. А. Вакутин), в случае нарушения

основных требований «закона» вор не мог рассчитывать ни на какое снисхождение. Изменившего воровской «идее» рецидивиста группировка преследовала до тех пор, пока не приводила в исполнение решение сходки. Сходка определяла процедуру и орудия мести.

Воровской суд

Приведем в этой связи случай расправы воровской сходки, описанный рецидивистом Ч.:

«После того как сведения об обмане подтвердились, воры назначили сходку (сходка проходила в Подмосковье в Малаховском лесу в начале 50-х годов. — *А. Г.)*, на которую под благовидным предлогом был приглашен «подсудимый».

...На станции нас встретил Шанхай и указал, куда идти. Мы пошли в лесочек, где уже собралось более 30 воров... Привели Седого и предъявили ему обвинение. Он начал отказываться (далее рассказывается, как он был уличен. — *А. Г.*) ... Седой очень просил, молил, чтобы его не резали, оставили жить, пусть даже «босяком». Но никто не имел права отпустить его, так как потом с воров могли потребовать «ответа»...

Решили единогласно — смерть. Дядя Ваня (старший) вынул сигарету и дал Седому. Седой закурил и попросил выпить.

— Пей, сколько хочешь, — сказал Дядя Ваня.

После небольшого спора Дядя Ваня предложил не убивать ножом: много будет «шухера» (шума). Так как на сходке все были без оружия, то он послал одного вора за пистолетом.

Когда тот пришел с немецким парабеллумом, Седой стал как сумасшедший. Он выпил четыре стакана водки, но был совершенно трезв. Седой обратился к самому авторитетному вору:

— Полковник, братуха, а может все-таки простите?

— Нет, не имеем права, ты же сам знаешь,— ответил тот и подал ему пистолет, заряженный одним патроном. — На, Седой, умри, как мужчина.

Седой быстро взял его, приставил к виску, посмотрел кругом и почему-то на небо... Раздался выстрел...»

Из этого вполне типичного для тех лет факта видны и жестокость самих «законов», жестокость, с которой они выполнялись. Ведь Седой был обвинен в присвоении части денег при совершении карманной кражи.

Организация и управление группировкой

Криминологический интерес вызывают сведения об организационной структуре воровской группировки и руководстве ею. Отмечается, что «воры в законе» не представляли собой какой-то цельной группы, действующей на определенной территории, имевшей руководителей, как это было и есть в мафии ряда капиталистических стран. В этом аспекте сообщество рецидивистов в целом несравнимо с известными нам формами объединений преступников, так как оно базировалось на основе неформального «закона», действовавшего на территории страны, преимущественно РСФСР. К тому же группировка не имела мест дислокации и зон своего влияния.

В местах лишения свободы «воры в законе» объединялись в «семьи», на свободе — в общины, которые были в любом населенном пункте, где имелось хотя бы несколько членов группировки. Общины делились (условно) на небольшие группы по два-три человека, каждая из которых занималась определенным видом преступлений. Например, одна состояла из карманников, другая — из квартирных воров, третья — из транспортных и т. п. Всего в группировке зарегистрировано десять таких специальностей или категорий преступников. Однако эта дифференциация, приведенная В. И. Монаховым со слов нескольких воров, вставших на путь совершения преступлений в 20-е годы, не полностью отражает среду рецидивистов 50-х годов. Например, такие разновидности воров, как лица, кравшие сохнувшее белье («голубятники») или продукты питания с лотков на рынке («воздушники»), могли бы дискредитировать группировку, поскольку во все времена они относились к мелким правонарушителям. По нашим данным, до 80% членов группировки были карманными ворами.

Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что воровская группировка рецидивистов — это наиболее опасная и организованная форма проявления профессиональной преступности. Удельный вес «воров в законе» в числе всех рецидивистов, по данным В. И. Монахова, не превышал 6 — 7%. Относительно небольшое число «законников» объясняется тем, что они не стремились к расширению своих рядов (за исключением окружения) из-за невозможности пользоваться общими воровскими кассами в местах лишения свободы.

В группировке, как уже отмечалось, не было пря-

мых руководителей. Организующим и контролирующим органом была воровская сходка. Собиралась она по требованию любого члена сообщества. Преимуществом на ней пользовались «авторитеты». Сходки подразделялись на местные и региональные. Региональные сходки, касающиеся вопросов сообщества в целом, собирались редко. Кроме прочих важных вопросов на таких сборищах судили «авторитетов», не подсудных общинным сходкам. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что среда «воров в законе» была неоднородна и делилась на две категории, одна из которых, очевидно, вела организационную деятельность. По данным В. И. Монахова, такие сходки проходили в московских «Сокольниках» (1947 г.), в Казани (1955 г.), в Краснодаре (1956 г.). Сходки собирали от 200 до 400 делегатов, при этом в Москве и Краснодаре было осуждено и убито несколько воров.

Возникновение противоречий

Следует особо подчеркнуть, что анализируемая группировка действовала преимущественно на территории Российской Федерации. Лица из Средней Азии, Закавказья, прибалтийских республик были в ней исключением и в основном относились к числу тех, кто проживал или отбывал наказание в РСФСР.

Группировка профессиональных преступников просуществовала до начала 60-х годов. Ее разложение и ликвидацию нередко связывают с изменением уголовного и уголовно-процессуального законодательства в 1958—1960 гг. Это, безусловно, сыграло не последнюю роль, однако правильнее говорить о целом ряде взаимосвязанных между собой факторов.

Возникновение противоречий в среде рецидивистов-«законников» началось в предвоенные и особенно послевоенные годы, когда сообщество интенсивно пополнялось новыми членами из числа беспризорных и осужденных за тяжкие преступления, характерные для военного времени. В этой связи, как отмечал В. И. Монахов, обычная воровская касса перестала удовлетворять потребности «воров в законе», вследствие чего они повысили размер взимаемых с осужденных дани с 1/3 до 2/3 их заработка. Усиление эксплуатации воров стало приводить к возмущению и открытому неповиновению основной массы осужденных («мужиков»), среди которых появились свои лидеры.

Вторая причина противоречий, по мнению Ю. А. Ва-

кутина, была связана с возникновением противоборствующей группировки осужденных. В военные и послевоенные годы в лагерях значительно увеличилось число осужденных за бандитизм, измену Родине и иные тяжкие преступления. Они стали объединяться и заимствовать у «воров в законе» неформальные нормы поведения, облагать осужденных данью. Такая группировка получила, как отмечает ряд авторов, название «отошедших» или «польских воров». Не оспаривая существование в некоторых лагерях такого сообщества, все же заметим, что правильнее относить к «отошедшим» тех, кто изменил воровской группировке в связи с ее расколом во второй половине 50-х годов. По существу это были те же «законники», объединившиеся в другую группировку. В документах МВД СССР того времени отмечалось, например, что в среде воров-рецидивистов, составляющих ядро уголовно-бандитствующих элементов, действительно происходит расслоение: от их основной массы, именующей себя «ворами в законе», постоянно отходят «провинившиеся», оставаясь в сущности своей теми же уголовниками-рецидивистами. Поэтому факт расслоения имеет место, с этим нельзя не считаться.

Между указанными группировками началась жестокая борьба за лидерство среди осужденных, за право обладания общей кассой, нередко она переходила в физическое истребление друг друга. «Отошедшие», по данным В. Ветлугина, отказывались входить в зону, где лидировали «воры в законе», говоря, что «воры их резали, жгли и гнули». Вместе с тем они стали быстро утверждаться, чему способствовала некоторая гибкость их поведения. С одной стороны, они не отказывались работать, вступать в контакт с администрацией ИТЛ и даже быть активистами, а с другой — придерживались выгодных для них воровских «законов». Поэтому администрация некоторых ИТЛ ошибочно посчитала «польских воров» позитивным формированием и оказывала им некоторое содействие в борьбе с «ворами в законе». Но, говоря так, следует учитывать и другое. Вражда между группировками использовалась работниками ИТУ как благоприятное условие для проведения профилактических и оперативных мероприятий по разложению воровского сообщества.

Усилению «отошедших» способствовали также противоречия непосредственно в самой группировке «законников». Они начались после принятия Указов Президиу-

ма Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. об усилении уголовной ответственности за хищения. Более длительный срок наказания, установленный за имущественные преступления, заставил профессиональных преступников серьезно задуматься над смыслом воровской «идеи». Например, рецидивист Ч. писал: «До Указа нам была «лафа»... Когда узнали об Указе, то многие воры были очень недовольны. Они говорили: «Теперь нам крышка, нужно что-то делать». Кто поумнее, начал потихоньку «завязывать», говорить исподтишка о вредности такой жизни».

Указы, как справедливо отмечал В. И. Монахов, с одной стороны, усилили отход преступников от воровских традиций, а с другой — привели к значительной концентрации воров в местах лишения свободы. Оба эти обстоятельства способствовали усилению процесса разложения группировки и вражды между самими ворами, вызванной борьбой за право обирать заключенных. На воровских сходках в местах лишения свободы пересматривалось «правовое» положение членов группировки. Причем изгнанные из нее сразу же переходили к «отошедшим» и включались в борьбу против своих недавних собратьев по воровской «идее».

Надо сказать, что уже в первой половине 50-х годов работники мест лишения свободы стали организовывать работу по разложению группировки.

Распад группировки в середине 50-х годов сопровождался возникновением в местах лишения свободы более мелких сообществ заключенных. Появились неформальные группы под названием «ломом подпоясанный», «красная шапочка», «беспредел», «дерн-бери», «один на льдине» и т. п. (всего свыше 10), которые считали себя независимыми и не примыкали ни к одной из враждующих сторон. В документах органов внутренних дел отмечалось, что совершенно иначе обстоит дело с другими известными (кроме «отошедших» и «воров в законе») группировками, такими, как «польские воры», «махновцы», «беспредельщики», «анархисты», «чугунки», «подводники» и т. п., поскольку они возникали в среде «отошедших» и между ними не было никаких существенных различий. Кроме того, все они в одинаковой степени провинились перед «ворами в законе». Подчеркивалось, что их образование — не что иное, как средство маскировки, позволяющее продолжать тот же паразитический образ жизни.

Указанные выше сведения опровергают мнение о существовании множества самостоятельных группировок типа «воров в законе».

Борьба между двумя противоположными группировками усиливалась еще и потому, что до середины 50-х годов их участники содержались в одних и тех же лагерях. В 1955 году после подведения итогов борьбы с группировками было решено содержать этих лиц независимо от количества судимостей и состава преступления в специальных лагерных пунктах строгого режима. Запрещалось также переводить членов группировок из одного лагеря в другой, как это часто делалось администрацией раньше.

Однако эти и другие меры не приводили к наведению должного порядка. Деятельность «воров в законе», как отмечалось тогда, принимала организованное неповиновение и противодействие советской исправительно-трудовой политике. По словам сотрудников (пенсионеров) ИТЛ тех лет, массовые беспорядки приводили к полной дезорганизации работы администрации некоторых мест лишения свободы.

«Законники» вне закона

Целенаправленная работа по разложению группировки «воров в законе» и производных от нее сообществ началась после выхода в 1956 году постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, направленного на улучшение работы Министерства внутренних дел СССР. Выполняя его требования, органы внутренних дел разработали и осуществили комплекс мер по ликвидации неформальных группировок уголовной направленности.

Главная задача этих мер состояла в развенчании культа уголовно-воровских традиций. В этих целях был создан специальный лагерь, в который переводили «воров в законе» из других мест лишения свободы для проведения с ними индивидуальной работы. Там же создавался небольшой актив из числа «воров в законе», который готовил и рассылал обращения ко всем рецидивистам о необходимости отказа от занятия преступной деятельностью. О трудности этой работы говорит тот факт, что из 300 «законников» «экспериментальной» группы заявить об отказе от сообщества согласилось лишь несколько человек. Поэтому работники ИТЛ, пользуясь данным им правом, переводили наиболее зло-

стных членов группировки на тюремное содержание. В. Ветлугин, описывая противоборство «воров в законе», отмечал, например, что они устраивали голодовки, каждый день собирались на сходки, вызывали работников прокуратуры и МВД СССР.

Но было бы ошибочно полагать, что принимаемые меры преследовали только репрессивные цели, чего, прямо скажем, нельзя было совсем исключать в борьбе с «идейными» рецидивистами. В нее также включились средства массовой информации. Публиковались письма бывших «воров в законе», организовывались собрания осужденных, на которых обсуждались вопросы, связанные с деятельностью группировки, читались лекции на тему «Воры-рецидивисты — паразиты советского общества», велась широкая индивидуально-профилактическая работа. Кроме того, с членов группировки стали брать подписку о прекращении антиобщественного образа жизни. Причем это было предложено самими рецидивистами и, как оказалось, имело эффект: если преступник давал подписку, даже по соображениям конспирации, то он сразу же считался исключенным из группировки без права восстановления.

Важное место в пропагандистской работе отводилось разоблачению культа ложной «честности» и «идейности» рецидивистов. Понимая, что многие осужденные верят группировке, а репрессии порой дают обратный эффект, администрация ИТУ стала предавать гласности факты отступления членов группировки от «закона», обворовывания и обмана ими заключенных. Опасения возможных убийств на этой почве не оправдались.

Использование компрометирующих данных оказывало сильное воздействие не только на «воров в законе», но и на другую часть осужденных. В этих же целях выявлялись факты сокрытия некоторыми ворами своей принадлежности к группировке, что сразу же влекло исключение из нее.

Следует отметить, что организация борьбы с группировками велась на основе их тщательного изучения практическими работниками, позволившего выявить ряд особенностей преступной деятельности, на которые и была затем направлена профилактическая работа. К числу основных таких особенностей, согласно одному из обзоров МВД СССР (1955 г.), относились:

1. Влияние на неустойчивую среду осужденных оказывалось с помощью установленных преступниками пра-

вил поведения, возведенных ими в своеобразную форму «закона» и «традиций».

2. Для избежания ответственности рецидивисты подбирали второстепенных лиц, с помощью угроз и шантажа заставляли их совершать опасные преступления или брать вину «законников» на себя.

3. Боясь разоблачения, рецидивисты вместо прямых убийств соучастников или лиц, их окружающих, применяли к ним самые жестокие, но скрытые от других заключенных меры, заставляя кончать жизнь самоубийством.

4. Рецидивисты проникали в среду работающих заключенных, паразитировали в ней, занимаясь поборами.

5. По халатности администрации уголовникам-рецидивистам удавалось также проникать на должности низового административно-производственного персонала с целью «легального» терроризирования осужденных.

Работа органов внутренних дел по разобщению воровской группировки была упорной и достаточно сложной. Вот как описывает данный период бывший «вор в законе» Ч.: «Не думайте, что это была маленькая и безобидная группировка. Это далеко не так. Это была большая и никем вроде бы не организованная группировка «идейных» преступников. Некоторые из них предпочитали лучше умереть, чем отказаться от своих «идей». А органы взялись за нее, и вся она ломалась и трещала у меня на глазах. Через несколько лет от этой групировки остались одни перья».

Почему возникли группировки?

Действительно, к началу 60-х годов группировка воров-рецидивистов в местах лишения свободы прекратила свою активную деятельность. Тем не менее закономерен вопрос: почему в условиях социалистического общества стали возможны возникновение и активная деятельность профессиональных преступных сообществ организованного типа? Попытаемся коротко на него ответить.

Во-первых, группировки возникли не на пустом месте, а на основе вековых традиций, обычаев и «законов» преступного мира царской России.

Во-вторых, на первоначальном этапе развития нашего государства мотивы корыстной и корыстно-насильственной преступности нередко отражали политические идеи анархизма.

В-третьих, условием, способствующим образованию

каст профессиональных преступников, явилось отсутствие достаточного пенитенциарного опыта. К тому же в период культа личности допускались весьма серьезные нарушения принципов социалистической законности и исправительно-трудовой политики.

В-четвертых, борьба с уголовными группировками затруднялась из-за слабой эффективности уголовного законодательства в части наказания за имущественные преступления и умышленные убийства. Отсутствие смертной казни за умышленные убийства, в то время как с их помощью «воры в законе» укрепляли авторитет своей группировки, придавало «смелость» наемным убийцам.

В-пятых, целенаправленная борьба с воровскими группировками до середины 50-х годов практически не велась в связи с замалчиванием данного явления. Даже после выхода в свет брошюры В. М. Монахова о группировках и ряда публикаций в печати появилась резкая критика этой нужной и интересной работы. Автора упрекали в преувеличении организованной преступности в СССР (хотя он об этом ничего не писал), в излишнем описании организованности воров, будто бы не имевшейся в таких формах, в неправильном взгляде на советскую молодежь и т. п. Жизнь показала, что прав был В. И. Монахов, один из думающих и активных, по словам Г. Медынского, сотрудников МВД СССР.

Выводы:

1. Профессиональная преступность в царской России, трансформировавшись в новые социальные условия, обнаружила на первоначальном этапе тенденцию количественного увеличения и негативных качественных изменений, чему способствовали обстоятельства переходного от капитализма к социализму периода — последствия классовой борьбы, безработица, обнищание масс, беспризорность, отсутствие целенаправленной борьбы с ней, так как силы молодой Советской республики отвлекались на подавление контрреволюционных выступлений. Поэтому в 20-е и 30-е годы сохраняются практически все категории профессиональных преступников, типичные для уголовного мира царской России. Особенностью многих видов профессионализированных преступлений являлась политизация мотивационной сферы их субъектов, повлиявшая в дальнейшем на изменение психологии профессиональных преступников, моди-

фикацию криминальных традиций и законов старого преступного мира.

2. В период с 1935 по 1960 гг. преступность несколько сократилась. Вместе с ней позитивно менялась структура и динамика профессиональной преступности, которая полностью не была ликвидирована, сокращался специальный рецидив. Однако с середины 70-х годов под воздействием негативных социально-экономических факторов в общей преступности обнаружились неблагоприятные тенденции, связанные прежде всего с увеличением числа и размеров хищений государственного и общественного имущества, распространением корыстных посягательств на личную собственность граждан. К началу 80-х годов распространились многие профессионализированные преступления, стали реставрироваться старые и появляться новые их виды.

3. Однако снижение количественных показателей преступности до 60-х годов не может в полной мере свидетельствовать о декриминализации ее качественной стороны. Подтверждением тому является возникновение в начале 30-х годов группировки профессиональных рецидивистов, которая по своему содержанию и направленности относится к опасной форме организованной преступно-профессиональной деятельности.

4. Разложение группировки рецидивистов значительно повлияло на депрофессионализацию преступности в стране и, по нашему мнению, явилось одним из условий сокращения числа имущественных преступлений, особенно краж. Не случайно период с 50-х до начала 70-х годов считается самым позитивным в борьбе с преступностью.

5. Ликвидация уголовных группировок, ослабление роли профессиональных преступников в местах лишения свободы и вне их были достигнуты преимущественно мерами репрессивного характера. Целенаправленной профилактики традиций и обычаев уголовной среды не велось, и они продолжали оставаться неотъемлемой частью ее субкультуры. Работа правоохранительных органов в этом направлении была преждевременно прекращена, чему способствовал тезис о полной ликвидации профессиональной преступности в стране. Это не позволило закрепить достигнутых позиций в борьбе с профессиональной преступностью в целом.

4. СОВРЕМЕННАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ

КРИМИНАЛЬНЫЙ РОД ЗАНЯТИЙ

Сферы криминальной специализации

Анализ преступности со времени изменения уголовного и уголовно-процессуального законодательства в СССР (1958—1960 гг.) свидетельствует об имевших место существенных неблагоприятных тенденциях и изменениях в ее структуре и динамике, что наряду с другими причинами в значительной мере связано с повышением уровня криминального профессионализма как в преступности в целом, так и по отдельным видам преступлений.

Преступность за это время приобрела более выраженное корыстное содержание. В ней преобладают такие преступления, как кражи государственного имущества и личного имущества граждан, характеризующиеся особо негативными количественными и качественными изменениями. Начиная с 1958 года их количество увеличилось более чем в три раза. По существу кража сегодня — это каждое третье совершенное преступление. При этом в числе всех зарегистрированных краж две трети занимают кражи личного имущества, доля которых в структуре имущественных преступлений достигла уже 80%. Отсюда следует, что в этот период, как и в исследованные ранее периоды, сфера преступного профессионализма по-прежнему остается обширной, а по ряду показателей еще более расширяется.

Заметим, что здесь не учитывается латентность имущественных преступлений, которая по отдельным их видам достигает огромных размеров. Только карманные воры, которых ежегодно задерживают с поличным около 8—9 тыс., совершают около 600 тыс. карманных краж, что не находит отражения в статистике. Высокая латентность отмечается во многих видах мошенничества, вымогательства и других уголовных посягательств.

Анализируемый исторический отрезок времени характеризуется не только ростом (в три, пять и даже десять раз) отдельных видов профессионализированных

преступлений — краж, грабежей и разбоев с проникновением в жилище, нападений на водителей автомототранспортных средств, похищений автомашин и т. д., модификацией старых, но и появлением «новых» уголовных посягательств. К ним можно отнести похищение людей с целью получения выкупа, мошеннические операции с внешторговскими чеками, различные виды игорного уголовно наказуемого обмана и др. Кроме того, в преступной деятельности определились самостоятельные направления противоправного обогащения, связанные со скупкой и сбытом культурных ценностей, нагрудных знаков, орденов и медалей, установлением контроля за каналами извлечения нетрудовых доходов определенными категориями лиц, ростовщичеством и сутенерством, наемной охраной и т. п.

Таким образом, преступная деятельность приобрела характерные черты специализации. На это указывает и анализ уголовно-правовых норм, содержащихся в Особенной части УК РСФСР, где около 50 статей предусматривают корыстные деяния, в которых проявляется специализация преступников.

Особенностью современной сферы криминальной специализации является значительное увеличение ее границ в связи с распространением хозяйственных и должностных преступлений. В структуре преступности эти преступления занимают не более 15%, однако подавляющая их часть связана с похищением социалистического имущества и нередко — в особо крупных размерах. Поэтому совершенно обоснованно Ю. Бышевский, например, относит деятельность расхитителей к преступно-профессиональной, а их самих — к «иному» типу профессионального преступника. Правда, здесь наблюдается отличие от традиционного уголовного профессионализма как по характеру обогащения, так и по социальному положению личности преступника. Однако и в данной сфере криминального профессионализма наблюдается многообразие специализаций, о чем со всей очевидностью свидетельствуют сотни способов завладения социалистическим имуществом, каждый из которых включает более мелкую специализацию. Наиболее ярко преступная специализация присуща спекуляции, коммерческому посредничеству, частнопредпринимательской деятельности, хищениям в виде краж, присвоения и растрат, фальшивомонетничеству.

В последние 15—20 лет в структуре хозяйственной

преступности обнаружилась устойчивая тенденция распространения такой формы хищения, как выпуск неучтенной продукции, изготавливаемой в специально созданных нелегальных (а порой и в легальных) цехах.

Частнопредпринимательская деятельность была известна и раньше, однако с годами она постепенно превратилась в источник накопления значительных материальных ценностей, охватив многие регионы страны, о чем свидетельствует даже специально выработанный жаргон и утвердившаяся в уголовной среде категория — «цеховики». Последние, являясь, как правило, материально ответственными лицами, объединяются в уголовные кооперации, имеют разветвленную систему связей, в том числе коррумпированных, создают свое криминальное окружение, централизованно вырабатывают контрмеры, обеспечивающие их безопасность. «Цеховое» хищение получило значительное распространение в южных регионах страны, особенно в Средней Азии и Закавказье, Казахстане, Краснодарском крае, ряде областей Украины и Белоруссии. Оно также обнаружено в Москве и Московской области, Ленинграде, других крупных городах.

Претерпела существенные изменения география распределения специализированной преступной деятельности по ее видам и характеру. В настоящее время их достаточно сложно дифференцировать на городские и сельские.

Особенностью преступности в сельской местности являлся ее рост при одновременном снижении численности сельского населения. По данным последней переписи, это население с 1970 по 1979 гг. сократилось в СССР на 6%, в РСФСР на 14% и в целом по стране составило 37%[1]. Однако количество преступлений за то же время, по данным статистики, увеличилось на селе соответственно на 34,4% и 37,5%. Причем темпы роста сельской преступности оказались в два раза выше, чем в городах (с учетом активного увеличения численности городского населения).

Рост преступности и изменение ее структуры происходят главным образом за счет группы имущественных преступлений. По данным Ю. М. Антоняна, на селе со-

---

[1] На 1986 г. оно составляло 34,4% (см.: Цифры и факты. ЦСУ СССР сообщает // Коммунист. 1987. № 1. С. 124).

вершается 20% грабежей и разбоев, каждая четвертая кража личного имущества граждан, 40—45% краж социалистического имущества.

Структура современной сельской преступности характеризуется повышением степени ее общественной опасности и приближением к структуре преступности городской. Это обусловливается не столько увеличением преступлений против личности, сколько распространением таких нетрадиционных специализированных преступлений, как посягательства, связанные с похищением культурных ценностей, преимущественно предметов религиозного культа, денежных средств из объектов финансовой системы, с разбойными нападениями на граждан, совершаемыми в их жилище, кражами автотранспортных средств, личного имущества из домов, дач, кражами из садовых домиков (последние составляют 25—30% от всех краж, совершаемых с проникновением в жилище). В середине 70-х годов в сельской местности, по данным В. А. Климова, стали совершаться похищения людей с целью получения выкупа.

Современная корыстная преступность обнаружила тенденцию перерастания мотивационной сферы в психологию стяжательства, накопительства и вещизма, что объективно вызвало изменение ее структуры в сторону увеличения степени общественной опасности. Поэтому трудно согласиться с выводом авторов Курса советской криминологии относительно снижения общественной опасности структуры преступности.

Пытаясь обосновать этот вывод, они делают вместе с тем ряд оговорок: например, полагают, что по-прежнему сохраняется тенденция сокращения преступности, хотя и неравномерно, в зависимости от видов и категорий преступлений, условий места и времени. Изменение структуры преступности, утверждают они, обусловлено уменьшением степени ее общественной опасности, хотя и этот процесс связан с некоторыми неблагоприятными тенденциями, например, с увеличением краж личного имущества граждан и должностных преступлений.

Достаточно проанализировать практику применения уголовного законодательства первой половины 80-х годов, чтобы убедиться в том, что подавляющее большинство деяний относится к категории квалифицированных. Так, число осужденных за кражи личного имущества по ч. 1 ст. 144 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик по отношению к числу

осужденных по чч. 2 и 3 той же статьи УК РСФСР составило в 1985 году 14,4% (в 1928 году за простую кражу осуждалось 58,8%)[1]. Число осужденных за квалифицированный грабеж почти в восемь раз больше, чем за простой. Аналогичные показатели квалификации отмечаются и по другим видам имущественных и хозяйственных преступлений, что не может свидетельствовать о снижении общественной опасности структуры преступности и ее видов.

К одной из опасных тенденций имущественных преступлений относится возрастание числа разбойных нападений с проникновением в жилище и на водителей автомототранспорта. С начала 70-х годов они увеличились более чем в десять раз. Их удельный вес достигает в крупных городах 25—30% от общего числа совершенных разбоев. При этом следует учесть то обстоятельство, что в силу разного рода объективных и субъективных причин в официальную отчетность МВД СССР попадала лишь десятая часть таких преступлений.

Разбой с проникновением в жилище относится к группе специализированных преступлений, характерными особенностями которых являются организованное соучастие преступников, относительно высокая техническая оснащенность, а также активность преступных действий. В устойчивых группах (80%) находилось большинство осужденных за разбой.

Отмечается также изменение характера насилия над потерпевшим и степени тяжести телесных повреждений. По данным нашего исследования, в 80-е годы в каждом третьем случае (в 20-е годы лишь в 11% случаев) жертвам причинялись тяжкие и менее тяжкие телесные повреждения, в 5% случаев они были убиты. Каждое пятое преступление было связано с пытками потерпевших, для чего преступники использовали электронагревающиеся приборы (паяльники, утюги), примусы; имитировалось повешение, вводилась под кожу вода, использовались наркотические вещества. Например, преступная группа А. Меитуза, действовавшая в центральной России и Днепропетровской области, сопровождала истязания жертв пытками электроутюгом и паяльником. Такие действия не являлись характерными для профессиональных преступников прошлых десятилетий. По существу

[1] См.: Преступность и репрессии в РСФСР. М., 1930. С. 26.

так же характеризуются разбойные нападения на работников сберегательных касс и инкассаторов.

Изучение состояния корыстно-насильственной преступности позволяет прийти к выводу о наметившейся, пусть еще и малозаметной, тенденции реставрации бандитизма. Хотя, по данным статистики, удельный вес бандитских проявлений в настоящее время невелик, количество уголовных дел, возбужденных по ст. 77 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, возрастает.

В бандитских группах обнаружилась достаточно высокая степень профессионализма преступников, проявившаяся в их узкой специализации на объектах и предметах посягательства, способах совершения преступлений и технической оснащенности. Как и при разбоях, обращает на себя внимание крайняя жестокость по отношению к жертве. Во всех изученных нами уголовных делах преступникам инкриминировались убийства, причем двух и более лиц (так, бандой Османова, действовавшей на Северном Кавказе в начале 80-х годов, при нападении на кассира ресторана были убиты из автомата все 9 посетителей и сторож).

Структурные изменения преступности, связанные с устойчивостью криминальной деятельности и, как следствие этого, стабильностью отдельных видов преступлений, не могли не отразиться на характере групповой преступности. Негативные тенденции, связанные с активизацией преступного профессионализма[1], оказались здесь более заметными и ярче выраженными.

Большая часть групповых преступлений связана с посягательствами на социалистическую и личную собственность: в числе всех выявленных групповых преступлений их доля превышает 60%. Согласно выборочному исследованию, удельный вес имущественных преступлений, совершаемых в соучастии, достигает в зависимости от их вида 80—90%. При этом темпы роста корыстных групповых преступлений в полтора раза опережают аналогичный показатель по посягательствам на жизнь и здоровье граждан.

Было также установлено несоответствие статистического удельного веса групповых преступлений реально выявленному их числу, что стало возможным в связи с

---

[1] Проблема профессионализма организованного типа будет показана ниже.

невыставлением в информационных центрах МВД, УВД карточек формы № 1 на все выявленные преступления, совершенные в соучастии. В среднем нами зафиксировано[1] более 500 групповых преступлений, не отраженных в информационных центрах МВД, УВД. Таким образом, их удельный вес был занижен на 5—7%, в том числе имущественных — на 7—8%. Отсюда можно сделать вывод, что фактически групповая преступность в стране составляет 16—18%, а корыстная ее часть — 24—25%[2].

Неблагоприятная динамика групповой преступности связана, на наш взгляд, с изменениями ее структуры. Одним из них является заметная тенденция к корпоративности профессиональных преступников и, как следствие этого, к распространению организованных групп, специализирующихся на совершении краж, грабежей, разбоев, мошенничеств и вымогательств.

Следует отметить тот факт, что устойчивость криминальной деятельности стала присуща также и несовершеннолетним правонарушителям. По данным проведенного исследования, удельный вес несовершеннолетних в числе организованных преступников составил 11%, среди квартирных воров достиг 19%, а карманных — 30%. Причем в последние годы отмечается заметный приток в среду карманников лиц в возрасте 14—16 лет[3], что создает предпосылки для их последующего рецидива и профессионализации.

Рецидив как форма преступной специализации

За последние 30 лет в стране было осуждено 35 млн. человек, поэтому отмеченные выше изменения преступности — это лишь фоновые показатели рассматриваемой проблемы. К основным же критериям устойчивой специализированной деятельности относятся однородный рецидив и систематичность совершаемых преступлений, иными словами — «криминальный стаж».

Анализируя преступность дореволюционной России, проф. С. С. Остроумов отмечал, что систематическое возрастание рецидива есть свидетельство расширения

[1] Для подтверждения этого вывода проводился анализ всех уголовных дел в целом ряде городских и районных органов внутренних дел, запрашиваемые по ним данные на выявленные группы обобщались и сопоставлялись со статистикой ИЦ МВД, УВД.

[2] Исследование проводилось в 1984 — 1985 гг.

[3] Данный факт был, в частности, отмечен участниками «круглого стола». См.: Сов. милиция. 1986. № 12. С. 32 — 37.

профессиональной преступности. По данным статистики, только с 1974 по 1984 гг. количество лиц, совершивших повторные преступления, возросло на 44%, а число уголовных посягательств со стороны особо опасных рецидивистов — на 95%. Коэффициент рецидивной преступности в расчете на 100 тыс. человек населения вырос за это время на 29,5%, а удельный вес рецидивистов в общей массе выявленных преступников оставался стабильным и не превышал 25—30%. Последний показатель рецидива остается без больших изменений со времени дореволюционной России (+5,—7%).

О наличии устойчивого ядра преступников в какой-то мере свидетельствуют снижение в 1987 г. раскрываемости преступлений при одновременном сокращении имущественных посягательств. Данное обстоятельство, на наш взгляд, связано прежде всего с сокращением «пьяной» преступности, иными словами,— ситуативной, за счет которой «балансировались» основные показатели работы органов внутренних дел. Вместе с тем есть основания полагать, что снижение раскрываемости отражает активизацию именно профессиональных преступников.

В целом указанные обстоятельства не могли не повлиять на уровень, динамику и структуру рецидивной преступности, обусловливающей особенности криминального профессионализма. Поэтому наряду с негативными количественными показателями рецидива выявлены неблагоприятные тенденции, характеризующие специализацию преступников на однородных преступлениях. Коротко на них остановимся.

Первая — это значительное увеличение числа ранее судимых среди лиц, совершивших тяжкие преступления. Их совокупная доля возросла почти в два раза. За анализируемое десятилетие количество рецидивистов, участвующих в кражах государственного (общественного) и личного имущества, увеличилось соответственно на 72% и 76%, в разбойных нападениях — в 2,4 раза, грабежах — 60%. Таким образом, самая высокая доля рецидивистов по-прежнему отмечается среди корыстных и корыстно-насильственных преступников. Среди осужденных за разбой она составила 44%, грабежи — 36%, кражи государственного (общественного) и личного имущества соответственно 28% и 33%. Обращает на себя внимание тот факт, что в середине 60-х годов самый высокий удельный вес ранее судимых был среди воров личного

имущества — почти 40%. Его снижение не указывает на какие-либо изменения позитивного характера, а лишний раз подчеркивает пополнение воровской среды за счет лиц, впервые совершивших эти преступления. Ведь число краж личного имущества только в период с 1976 по 1986 год увеличилось почти в три с половиной раза. За этот же период значительно увеличилось количество воров-рецидивистов.

Можно предположить, что снижение удельного веса рецидивистов среди лиц, осужденных за кражи личного имущества, связано с возрастанием степени их профессионализма, следствием чего является их относительно длительное пребывание на свободе. Об этом свидетельствует увеличение с начала 70-х годов доли гастролеров-рецидивистов почти на 16%. Для них, как отмечают многие ученые, характерны преступный опыт, который проявляется в особенностях маскировки, уклонения от всех видов социального контроля и даже от оперативного наблюдения милиции. По данным С. С. Овчинского, в среднем один рецидивист из числа воров и мошенников совершает в течение года до 140 преступлений.

Вторая — это увеличение удельного веса ранее судимых лиц, повторно совершивших имущественные преступления в соучастии. Например, среди воров личного имущества их доля возросла с 11% до 19%. По данным проведенного исследования, рецидивисты принимали участие в 90% организованных преступных групп, совершающих корыстные и корыстно-насильственные преступления.

В целом увеличение рецидивной преступности — это одна из настораживающих тенденций и вызывает у социалистического общества не лишенные оснований опасения,— справедливо отмечает М. А. Ефимов,— поскольку удельный вес совершаемых ими преступлений колеблется от 1/4 до 1/3 от общего числа преступных деяний. Отметим, что по географии рецидив распределяется неравномерно. В отдельных регионах ранее судимые составляют, по данным ряда исследователей, от 30 до 50% активной части населения.

Третья — это рост специального рецидива. Показатели общего рецидива не идут ни в какое сравнение с данными об однородном рецидиве, что со всей очевидностью свидетельствует об устойчивости преступной деятельности целого ряда категорий преступников корыстной ориентации. Однако здесь нельзя не отметить по-

пытку отдельных авторов упростить эту проблему, снивелировать ее, основываясь на чисто субъективном мнении, не подкрепленном данными исследования. В частности, А. Д. Ременсон, говоря о недопустимости огульной оценки личности рецидивистов, будто бы систематически совершающих преступления с целью получения относительно регулярного дохода, писал, что современные рецидивисты все больше обнаруживают черты несходства с профессиональной преступностью и что большая часть их не может рассматриваться как деклассированный элемент в традиционном его понимании. Не станем спорить относительно правомерности сравнения личности с преступностью и согласимся с автором по поводу недопустимости «огульной оценки» рецидивистов. Но нельзя признать верным то обстоятельство, что только часть рецидивистов, совершающих имущественные преступления (меньшая либо сравнительно незначительная часть, как можно заключить из высказываний автора), характеризуется систематическими преступными действиями с целью получения относительно регулярного дохода. Тогда возникает вопрос: с какой же целью совершаются эти преступления?

Именно на имущественных преступлениях специализируется большинство ранее судимых, что подтверждается данными проведенных исследований, свидетельствующими о значительном увеличении специального рецидива. Так, число рецидивистов, совершивших однородные преступления, за рассматриваемое десятилетие выросло в 1,3 раза. Специальный рецидив среди ранее судимых воров составляет 50—52%, грабителей и разбойников — свыше 40%. Особо следует отметить, что за тот же период в 2,4 раза увеличилось количество особо опасных рецидивистов. Среди воров их число возросло почти на 100%. Именно на воров приходится более 50% от общего числа всех выявленных особо опасных рецидивистов. Среди воров-карманников, например, они составили 37%.

Показательна также доля лиц, совершивших три и более преступления: она возросла в два раза. По данным статистики, среди воров личного, а также государственного и общественного имущества она составляла соответственно 22,6% и 19,2%, среди грабителей и разбойников — свыше 20%.

Если взять отдельные категории преступников, например, воров-карманников, квартирных воров, мошен-

ников, то специальный рецидив среди них достигает соответственно 80%, 66,2% и 80%. Следует отметить, что специальный рецидив мошенников в середине 60-х годов достигал лишь 50%, а в дореволюционной России — 14%.

О наличии специализированной преступной деятельности свидетельствуют данные многократного специального рецидива. Например, среди квартирных воров 39% осужденных имели три и более судимостей только за кражу с проникновением в жилище. По данным нашего исследования, 70% карманных воров из числа рецидивистов были судимы три и более раза за совершение карманных краж. Среди лиц, совершавших разбои с проникновением в жилище, оказались судимыми два и более раз свыше 50%, в том числе за имущественные преступления —70%. Даже среди воров личного имущества, совершавших преступления в сельской местности, каждый третий был ранее судим за однородные преступления. Наконец, по данным последней переписи осужденных, в числе воров личного имущества, находящихся в местах лишения свободы, свыше 33% имели четыре и более судимостей, как правило, за преступления против собственности.

Таким образом, в современной рецидивной преступности обнаруживается достаточно устойчивая тенденция к преобладанию специального (однородного) рецидива, отражающего степень профессионализации преступников. По данным А. М. Ефимова, в числе подвергнутых им анкетированию двух тысяч рецидивистов оказалось 65,6% лиц, совершивших два и более однотипных преступлений, а тех, кто совершил однородные преступления,—34,5%.

Криминальный стаж взамен судимости

Специальный рецидив относится к очевидному показателю первого элемента криминального профессионализма. Однако среди профессиональных преступников значительно число лиц, систематически совершающих преступления в виде промысла, но не привлеченных по ряду причин к уголовной ответственности. В определении численности лиц данной категории имеются серьезные трудности, поскольку нет ни статистики, ни даже методики выборочных исследований. Однако нами установлено, что ранее не судимая категория профессионалов достаточно многочисленна среди карточных мошенников и «наперсточников», «ломщиков чеков», вы-

могателей, хозяйственных преступников, лиц, сбывающих наркотические вещества, и т. п.

Выборочное изучение в 1985 году образа жизни карточных мошенников, состоявших на учете в 115-м отделении милиции Москвы еще в 1970 году (из них больше половины ранее не судимы), показало, что на протяжении последующих 15 лет они систематически занимались противоправной деятельностью. За это время из 300 шулеров привлечено к уголовной ответственности за игорный обман всего несколько человек. Было установлено, что в течение 15 лет многие шулера усовершенствовали преступную деятельность, стали уголовными «авторитетами», хранителями воровских касс или организаторами преступных группировок. Вызывают интерес и другие данные: из 800 изученных участников организованных групп 60% лиц не были судимы, однако систематически совершали преступления в течение полутора-двух лет. Среди карманных воров 15% ранее не были судимы, но они также по криминальной активности относились к типу профессионального преступника. Поэтому представляется обоснованным мнение авторов «Курса советской криминологии» о том, что тип преступника-профессионала характеризуется главным образом тремя разновидностями преступников, карманными ворами, квартирными ворами и карточными мошенниками и что именно они в настоящее время являются хранителями старых воровских традиций. Именно они в совершении преступлений, как подчеркивают авторы, видят свое «профессиональное» признание, гордятся своим «искусством», считают себя «элитой», демонстрируют высокую солидарность и взаимовыручку[1]. Но это далеко не полный список разновидностей профессиональных преступников. Н. Ф. Кузнецова справедливо, на наш взгляд, дополняет его другими — торговыми мошенниками, злостными тунеядцами-спекулянтами, многократными рецидивистами[2]. Перечень этот можно продолжить, но важно другое — среди приведенных выше категорий профессиональных преступников значительна доля лиц, никогда не привлекавшихся к уголовной ответственности.

---

[1] См.: Курс советской криминологии: предупреждение преступности. М., 1986. С. 191.

[2] См.: Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации. М., 1984. С. 69.

Криминальная профессионализация и тунеядство

Криминологическим показателем устойчивости и систематичности преступной деятельности являются также данные о преступниках, не занятых общественно полезным трудом, что достаточно убедительно свидетельствует о явном наличии такого показателя, как удовлетворение ими материальных потребностей с помощью преступлений против собственности.

Среди воров личного имущества на момент ареста не работал каждый третий, причем 11,6% из них были злостными тунеядцами. По нашим данным, особенно высок удельный вес длительное время неработающих среди карманных воров (59,6%), карточных мошенников (70%), лиц, совершающих разбой с проникновением в жилище (47%), квартирные кражи (39%), кражи из объектов потребкооперации (32,2%).

Оставшаяся же часть работавших преступников в своем подавляющем большинстве была занята неквалифицированным трудом или имела документы об инвалидности. Характерно, что среди карманных воров, занятых в общественно полезной сфере деятельности, 64,2% их постоянно гастролировали и на работе появлялись периодически.

Вместе с тем такие категории преступников, как лица, занимающиеся кражами, скупкой и сбытом предметов старины и изобразительного искусства, несмотря на систематичность совершаемых ими преступлений, включали в себя лишь 8% неработающих. В то же время продолжительность их преступной деятельности в среднем составила более шести месяцев. Примерно то же можно сказать о многих видах мошенников: работа для них является по существу прикрытием от уголовной ответственности за тунеядство.

Особенно высок удельный вес не занятых общественно полезным трудом среди ранее судимых. По данным П. Н. Парцея, в числе рецидивистов доля неработающих и совершивших опасные преступления достигает 55,5%, а тунеядцев и бродяг — 13%, из числа которых 60% были привлечены к ответственности повторно.

Необходимо вместе с тем подчеркнуть, что трудовая занятость профессиональных преступников ни в коей мере не исключает их преступную специализацию. Высокий же процент неработающих лишний раз доказывает, что даже в условиях повышенного социального конт-

роля предпочтение отдается преступно-профессиональной деятельности.

В последние годы среди лиц, систематически совершающих корыстные преступления, обнаружилась тенденция к «легализации» антиобщественного образа жизни с помощью постановки на учет в психоневрологические диспансеры или приобретения за взятку документов о нетрудоспособности. На это обстоятельство указывали даже участники «круглого стола» по проблемам борьбы с карманными кражами[1] (заметим, что в середине 70-х годов подобных случаев маскировки карманников не отмечалось, такие случаи были распространены среди шулеров).

По данным выборочного исследования, 15,9% из числа лиц, осужденных за разбой с проникновением в жилище, состояли на учете в психодиспансере, что в три раза превышает удельный вес невменяемых среди убийц. Аналогичное положение выявлено при изучении личности участников организованных групп. Как правило, на учете в психоневрологическом диспансере состоят так называемые боевики, деятельность которых связана с тяжкими преступлениями против личности и здоровья граждан, многие «авторитеты» и «воры в законе». Изучение личности «воров в законе», состоящих на учете в МВД Грузинской ССР, показало, что 50% из них являлись инвалидами II группы, что освобождало их от трудовой деятельности. При проверке оказывалось, что документы об инвалидности были получены за взятку или иным противоправным путем. Поэтому не случайно выявилось стремление профессиональных преступников к установлению связей с работниками медицинских учреждений.

Профессионализм деклассированных

Говоря об устойчивости определенного рода преступной деятельности, нельзя не отразить еще одну сторону данного признака — удельный вес преступников-бродяг, которых с полным основанием можно отнести к деклассированной группе профессиональных преступников. Напрасно некоторые ученые пытаются смягчить данную проблему, полагая, что современным рецидивистам и бродягам такая характеристика несвойственна. Подобный подход вряд ли можно считать правомерным, особенно в условиях коренной перестройки

[1] См.: Расширять диапазон действий // Сов. милиция. 1986. № 12. С. 35.

нашего общества. Лица без определенного места жительства и рода занятий (бродяги), полностью утратившие связь с той или иной социальной средой правопослушных граждан, с трудовыми коллективами, не принимающие никакого участия в общественной и производственной жизни, морально опустившиеся и живущие за счет других, составляют не что иное, как деклассированную группу[1]. Совершенно права Н. Ф. Кузнецова, в том, что «корысть-паразитизм наиболее склонна к профессионализации и рецидивированию. Ее субъекты — нередко деклассированные элементы, своеобразное «дно» преступного мира»[2]. Очевидно, о деклассированной группе профессиональных преступников не пришлось бы говорить, если бы их число было ничтожно мало. Однако по данным органов внутренних дел, ежегодно задерживалось несколько сотен тысяч бродяг, из которых до 70% ранее были судимы, в том числе 80% — за кражи. Среди этой деклассированной категории в 1982 году выявлено 25 тыс. разыскиваемых преступников, раскрыто 27 тыс. преступлений, совершенных ими.

Бродяжничество — само по себе специфическое преступное деяние, поэтому может возникнуть вопрос: что же общего данная категория имеет с типом профессионального преступника? Во-первых, среди бродяг и попрошаек значительна доля профессиональных преступников, в том числе «дисквалифицированных». Во-вторых, само занятие бродяжничеством становится своеобразной профессией «свободного» человека. Для бродяг типичны противоправные способы существования, криминальная стратификация (иерархия), своя субкультура и даже «идеология». В-третьих, удельный вес квалифицированных преступников из числа бродяг (с учетом трудно-раскрываемых преступлений, совершаемых ими) относительно большой, среди воров он составляет до 4%, разбойников — свыше 5%, карманных воров — 22%. Таким образом, без преувеличения можно сказать, что мы имеем целую армию потенциальных преступников, живущих за счет общества. Это обстоятельство не может не вызывать серьезную тревогу как в социальном, так и криминологическом аспектах.

Устойчивость преступно-профессиональной деятельности связана не только со специализацией и соверше-

[1] См.: Политический словарь. М., 1969. С. 89.

[2] Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации. С. 69.

нием однородных преступлений. Ее следует рассматривать значительно шире. С одной стороны, она способствует расслоению уголовной среды, ее стратификации, с другой — ведет к корпоративности целого ряда сформировавшихся категорий устойчивых преступников. Поэтому современная среда профессиональных преступников как в местах лишения свободы, так и вне их имеет четкую иерархию в зависимости от рода противоправной деятельности. Существование таких категорий преступников, как «воры в законе», «авторитеты» и т. п. свидетельствует о наличии не просто уголовной «профессии», а о своеобразных направлениях криминальной деятельности. Поскольку проблема эта нуждается в научном и практическом объяснении, она специально рассмотрена в следующих разделах книги.

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

Квалификация преступников — минимум риска

Для познания особенностей профессиональной преступной деятельности недостаточно лишь внешних показателей, характеризующих количество преступлений, место, время, способ и орудия их совершения. Необходима своеобразная характеристика преступного поведения, которая отражает степень подготовки субъекта к выполнению определенных действий, эмоциональное и психическое его состояние, спецификацию приемов совершения преступлений, соотношение активности преступной деятельности и квалификации субъекта и другие.

При выборе того или иного вида преступлений (кража, мошенничество, разбой, вымогательство) или универсальном их совмещении степень и характер знаний, подготовки преступника, его физические возможности обусловливают более узкую специализацию, определяют своеобразную квалификацию. Профессионально-преступная деятельность отличается от какой-либо другой противоправной деятельности тем, что вырабатывает у ее носителя определенные знания, практические навыки, нередко доведенные до автоматизма, обеспечивающие оптимальность достижения цели при наименьшем риске быть разоблаченным. Этим объясняются дифференциация и многообразие спецификаций в преступной дея-

тельности, постоянное совершенствование ее криминальных приемов и способов. Кражи, например, как общий вид специализированной деятельности включают более 20 разновидностей, каждая из которых в свою очередь имеет более мелкие спецификации, связанные с криминальной подготовкой того или иного вора. Так, кражи с проникновением в жилище граждан насчитывают восемь основных способов их совершения, по которым осуществляется воровская специализация. Однако и это не может ограничивать более дробную спецификацию, вытекающую из необходимости разделения функций внутри группы преступников — одни занимаются воровской разведкой и контрразведкой, другие отключением систем технической защиты, третьи сбытом похищенного и т. п.

В целом криминальная специализация внутри видов преступной деятельности у современных преступников представлена гораздо шире, чем в уголовном мире 20-х и 50-х годов, а степень их подготовки и технической оснащенности — значительно выше. Вопросы криминальной квалификации в ее конкретном проявлении в той или иной мере отражены в специальной литературе, особенно — в раскрывающей проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел.

Поэтому вряд ли целесообразно перечислять здесь все разновидности такого рода преступной деятельности и категории преступников. Следует, по-видимому, остановиться на анализе наиболее распространенных и опасных (в аспекте профессионализации) видов преступной деятельности. Вместе с тем нельзя не указать на то обстоятельство, что в настоящее время, по нашим данным, насчитывается свыше 100 криминальных специальностей только в среде преступников по линии уголовного розыска. Это почти в два раза больше, чем было в 20-е годы. Причем сохраняются практически все виды специализаций прошлых десятилетий и вырабатываются совершенно новые, обусловленные современными социально-экономическими, правовыми и иными формами. Сохранились, например, даже специализированные кражи сохнущего белья, кражи в банях (банные воры —«гусятники») и кражи из квартир во время похорон.

При установлении разновидности специализированной преступной деятельности прежде всего мы учитывали степень подготовки преступника, а не характер по-

хищаемых предметов, как это было принято в дореволюционный период и в 20-е годы (воры тогда подразделялись на похитителей пишущих машинок, телефонного кабеля, арифмометров и т. п.). Дифференциация по предмету посягательства использована в тех случаях, когда она непосредственно связана с квалификацией преступника (например, воры антиквариата, похитители машин). Иначе из-за широкого ассортимента похищаемых вещей перечень криминальных специальностей был бы громоздким, а главное — не мог бы в полной мере отразить затронутой проблемы. К тому же профессиональные преступники не ограничиваются похищением какого-либо одного предмета.

Поскольку специализация и квалификация различны в зависимости от направленности преступной деятельности, их необходимо проанализировать применительно к категориям профессиональных воров, мошенников, преступников корыстно-насильственного типа и лиц, совершающих преступления в сфере экономики и хозяйствования. В каждой из них рассмотрим наиболее типичные квалификации.

Воровская квалификация

Наиболее ярко она выражена у карманных и квартирных воров, воров государственного имущества из магазинов самообслуживания и у некоторых других категорий преступников.

Карманники. Квалификация вора-карманника всегда считалась классическим выражением преступной «профессии» и сохранилась без существенных изменений до наших дней. Различается шесть основных специализаций и связанных с ними квалификаций[1] по месту совершения преступлений: 1) на рынках и базарах («рыночники»); 2) в метро («кроты»); 3) на железнодорожном транспорте («майданщики»); 4) на городском транспорте («гонщики» или «маршрутники»); 5) в магазинах и театрах («магазинные», «театральные»); 6) на улицах («уличные»).

Указанной специализации карманные воры в основном придерживаются, однако не исключается переход от одной специализации к другой. Наиболее стойко квалификация карманника проявляется в способах совер-

---

[1] Здесь и далее будут приводиться жаргонные обозначения, принятые в уголовной среде, которые лишний раз подчеркивают устойчивость той или иной воровской специальности.

шения краж, каждый из которых требует своих, присущих ему приемов, знаний и навыков.

По способу различается восемь воровских квалификаций:

а) совершение краж с помощью разреза одежды, сумок и портфелей специальными техническими приспособлениями (в среде карманников лица, совершающие кражи таким образом, называются «писаками» либо «технарями»);

б) кражи под прикрытием рук различными предметами — плащами, сумками, букетами цветов и т. п. («ширмачи»);

в) кражи из сумочек и карманов с помощью специально изготовленных крючков («рыболовы»);

г) кражи с помощью пинцетов, особенно из труднодоступных потайных мест («хирурги»);

д) кражи без технических средств и «ширмы» группой лиц при массовом скоплении народа («щипачи»);

е) кражи с помощью выталкивания предметов точными и быстрыми движениями («трясуны»). Распространены среди глухонемых карманных воров;

ж) кражи из всех видов дамских сумочек («сумочники»);

з) похищение вещей из хозяйственных сумок (презрительно — «дубило» или «верхушечник»).

Среди карманников наибольшей популярностью и авторитетом пользуются воры, специализирующиеся на кражах с применением технических средств. На втором месте стоят «ширмачи» и «щипачи». Третью составляют «рыболовы» и «крючечники», четвертую — так называемая воровская чернь («сумочники» и «верхушечники», что соответствует «хламидникам» и «портяночникам» 20-х годов).

Однако указанным выше разделением воровская среда карманников не ограничивается. Существуют также более мелкие квалификации. Например: карманник, принимающий похищенное («пропальщик»), навыки которого заключаются в специальном приеме и хранении краденых предметов; вор, отвлекающий внимание жертвы («тырщик», «оттырщик») или обучающий навыкам краж новичков («козлятник»).

Чем выше криминальная квалификация, тем интенсивнее ведется преступная деятельность. В среднем карманный вор-профессионал в течение месяца совер-

шает до 25 карманных краж[1]. Только в пяти случаях из ста потерпевшие догадываются о совершаемой у них краже. (Аналогичные показатели интенсивности действий карманных воров, похитителей чемоданов на вокзалах и других категорий лиц установили С. С. Овчинский и А. М. Понятов.)

Следует отметить, что квалификация карманного вора не отмирает, как полагают некоторые, а наоборот, имеет тенденцию к распространению, поскольку в настоящее время эта деятельность воров относительно безопасна в связи с ослаблением работы оперативно-поисковых групп органов внутренних дел. Более того, исключение из ст. 144 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик квалифицирующего признака «применение технических средств» способствовало переквалификации многих других категорий корыстных преступников на занятие карманными кражами.

Хотя воровская квалификация карманника и не претерпела существенных изменений со времен феодальной России, однако общественная опасность личности вора значительно повысилась. Это обусловлено использованием технических средств (машин, радиостанций), способами маскировки преступного образа жизни, наметившейся в последнее время тенденцией к универсализму профессиональных преступников. Квалифицированный вор может одновременно в зависимости от ситуации столь же успешно совершать как карманные кражи, так и кражи из квартир, заниматься карточным мошенничеством, сбытом краденых документов. Очевидно, не случаен тот факт, что среди шулеров до 50% лиц, ранее судимых, были осуждены за карманные кражи. Характерно, что в действиях современных карманников все более отчетливо сочетаются тайное хищение с элементами обмана, для чего разрабатываются целые операции по обворовыванию конкретных лиц, имеющих на руках крупные суммы денег. Квалификация преступника самым тесным образом связана с показателями раскрытия совершаемых ими преступлений: чем она выше, тем ниже уровень раскрываемости. Раскрываемость карманных краж, по данным нашего исследования, не

[1] Эти данные были перепроверены ГУУР МВД СССР в 1985 году и полностью подтвердились.

превышает 15%, а в городах-курортах она составляет не более 1—3%[1].

Домушники

К одной из воровских специальностей, пожалуй, самой распространенной в последние 20 лет, относятся кражи личного имущества граждан с проникновением в их жилище. Удельный вес этих преступлений среди всех видов тайного похищения личного имущества составляет почти 40%, а число задержанных квартирных воров в 10 с лишним раз выше, чем карманников.

Следует отметить, что за прошедшие десятилетия квалификация квартирного вора стала значительно выше и советские криминологи признают теперь эту воровскую категорию профессиональной[2], хотя в дореволюционной России «домушников», как уже отмечалось, считали «серой массой» и к профессионалам относили лишь небольшую часть взломщиков.

Постоянные навыки и специализация в способах преступлений наблюдались у половины обследованных квартирных воров, при этом свыше 25% из них совершали кражи тождественным способом, вплоть до деталей.

К основным криминальным специальностям квартирных воров относятся кражи, совершаемые:

а) с помощью воровского инструмента;

б) с подбором ключей;

в) путем взлома либо выбивания дверей и дверных коробок;

г) через форточку;

д) под видом посещения квартиры должностным лицом, оказания помощи и т. п.;

е) с использованием виктимологического фактора (открытых дверей, окон).

Каждый из указанных способов имеет специфические приемы проникновения в жилище, на основании чего квартирных воров дифференцируют иногда на более мелкие виды. Например, Ю. В. Бышевский и Л. В. Скорописов выделяют «хвостовщиков», «обходчиков», «балконщиков», «сычей», «крысоловов» и т. п.

В отличие от профессиональных карманных воров степень подготовки квартирного вора в большей мере

---

[1] В официальной отчетности раскрываемость этих преступлений составляет 98—100%.

[2] См.: Курс советской криминологии. 1986. С. 191.

связана не столько с овладением тем или иным способом проникновения в жилище, сколько с предварительно осуществляемой «работой» до завладения имуществом. В нее входят воровская разведка, цель которой — обнаружение квартиры, имеющей ценности, и выяснение распорядка дня жильцов, времени нахождения их в отъезде (путем проверки показаний электросчетчика, состояния почтового ящика, непосредственного наблюдения, прозванивания по телефону, наведения справок через соседей и др.); изучение путей отхода с места происшествия; выбор технических средств или их изготовление в зависимости от конструкции запирающих устройств; подыскание скупщиков краденого и т. д. Характерно, что в настоящее время среди воров выделилась самостоятельная категория, которая занимается сбором необходимой информации, а затем «продает» полученные сведения (на жаргоне — «наводку») за 10 — 15% от суммы похищенного.

Изучение образа жизни воров позволило выявить тенденцию переориентации части профессиональных преступников на совершение краж у лиц, живущих на нетрудовые доходы, в том числе у квалифицированных преступников, которые обращают добытые противоправным путем деньги в драгоценности, покупают на них машины, дачи и т. д. или, как говорят квартирные воры, «пакуются». Об устойчивости квалификации современного квартирного вора говорят сами преступники, по мнению которых, половина воров, отбывающих наказание в ИТК строгого режима, по выходе из нее снова займутся кражами из жилищ.

Обращает на себя внимание достаточно высокая техническая подготовка квартирных воров. В 30% краж, по данным наших исследований, они использовали различные технические приспособления, нередко уникальные. Так, с появлением новых отечественных и зарубежных конструкций замков повышенной секретности, предусматривающей один из тысячи вариантов подбора ключей, среди воров почти сразу же появились специалисты, открывающие подобные устройства в течение трех минут.

Значительно усовершенствовался и воровской инструмент. Преступниками разработаны специальные отмычки — «гребешок» и «метелка», которые в отличие от «фомок» гораздо эффективнее и не оставляют явно видимых следов. По данным заместителя прокурора

г. Таллинна (1984 г.), квартирные воры в 30,7% краж действуют отмычками.

Изготовлением воровского инструмента, разработкой технических приемов нейтрализации средств защиты занимаются специальные лица, причем не только на воле, но и в условиях изоляции[1]. В этих целях используются консультанты из числа технически образованных работников производства. Нами были обнаружены случаи, когда при совершении краж применялись портативные радиопередатчики, с помощью которых обеспечивалась безопасность находящихся в квартире воров.

О высокой преступной квалификации квартирных воров свидетельствует и разработка в их среде методик совершения преступлений, например под видом работников санэпидемстанции с предварительным письменным объявлением о проведении дезинфекционных работ, что позволяет беспрепятственно совершать кражи сразу в нескольких квартирах.

В среднем профессиональный квартирный вор совершает в течение месяца 1 — 2 кражи. Однако нередки случаи, когда за один-два года вору удавалось совершить до 150 преступлений. Поэтому не случайно раскрываемость квартирных краж составляет лишь 60 — 65%. Низкая раскрываемость связана в определенной мере и с существованием еще одной категории профессионалов, которые ведут исключительно скрытный образ жизни («тихуши»). У них, как правило, сняты и погашены судимости, они работают, не поддерживают прямых связей с антиобщественными элементами, но время от времени совершают преступления.

«Магазинники»

К третьей относительно новой воровской специальности можно отнести совершение краж из магазинов самообслуживания, на что обращалось внимание исследователями еще в начале 70-х годов. Подобных краж преступный мир 20-х годов знать, естественно, не мог, поскольку не существовало такой формы торговли. Первые магазины самообслуживания, как известно, появились в 1954 году, а специализация на кражах из них сформировалась в течение последних 15 лет. Профессионализм

[1] В одном из ИТУ при освобождении вора осужденные вручали ему отмычку типа «гребешок» и таким образом «благословляли» его на дальнейшую воровскую жизнь.

прежде всего отмечается у воров, крадущих вещи и предметы из промтоварных и комиссионных магазинов. Здесь, так же как и у квартирных воров, квалификация определяется способом совершения преступления и подготовкой к нему. Воры специализируются в следующих направлениях преступной деятельности:

а) похищение одежды путем переодевания и оставления старой;

б) кража путем одевания новой одежды под старую;

в) кража обуви, предметов верхней одежды с помощью специально изготовленных сумок и баулов с двойным дном;

г) кража вещей с использованием детей и подростков.

Профессиональные воры, как правило, действуют в составе групп, где роли распределены до деталей (имитация подозрительного поведения с целью отвлечь внимание продавца; непосредственное изъятие и вынос похищенных вещей; их сбыт). Удельный вес этих краж среди всех краж государственного имущества в разных городах колеблется от 10% до 20%, а раскрываемость не превышает 20%. Сбыт похищенного осуществляется по предварительному заказу, а также через комиссионные магазины и ломбарды.

Воры автомашин Эта воровская квалификация также относится к новой и связана с похищением автомашин с целью их сбыта. Новой ее называют потому, что в 20-е годы личных автомобилей почти не было, к тому же преступники не умели с ними обращаться. Следует отметить, что если в конце 60-х годов этот вид краж характеризовался элементами профессионализма, то в настоящее время он превратился в воровскую специальность и содержит все четыре признака криминального профессионализма. Удельный вес этих краж в структуре всех тайных похищений имущества составляет 10% (сюда входят кражи деталей, отдельных узлов). Поскольку кражи машин с целью сбыта в большинстве случаев совершаются группами, квалификация воров связана с разделением криминальных действий (операций), что в свою очередь зависит от физических и технических возможностей индивидуума. Выделяются следующие основные квалификации:

а) угонщик машины;

б) лицо, занимающееся ее техническим переоборудованием и камуфляжем (перекраска, перебивка номеров на узлах и деталях и другие работы);

в) подделыватель документов, технических паспортов, справок;

г) сбытчик похищенного, который находит покупателя и договаривается с ним о цене (как правило, это делается еще до похищения автомашины);

д) перегонщик автомашины (если сбыт осуществляется в другом городе или области).

Раскрываемость данных краж также низка: в 1985 году в розыске находилось свыше 30 тыс. похищенных автомобилей.

Похитители антиквариата

Данное направление в специализации относится к противоправному обогащению, связанному с посягательством на культурные ценности. Здесь выступают не просто профессионалы-одиночки или преступные общества, а целые кооперации лиц и групп, действующих самостоятельно и в то же время связанных между собой. Это объясняется особой спецификой посягательств на культурные ценности и их сбыта, в связи с чем мы выделим направления специализации, в которых могут существовать (существуют) различные квалификации преступников:

а) воры, специализирующиеся на похищении культурных ценностей из музеев, частных коллекций и квартир (домов);

б) скупщики («купцы»), занимающиеся скупкой предметов религиозного культа и изобразительного искусства;

в) посредники, которые способствуют сбыту похищенных культурных ценностей коллекционерам, собирателям, спекулянтам и т. п.;

г) оценщики («комиссионеры»), занимающиеся своеобразной экспертизой скупаемых и сбываемых культурных ценностей. Они определяют их подлинность и устанавливают цены в соответствии с существующими расценками и конъюнктурой «черного» рынка;

д) посредники, имеющие возможность выхода на международные преступные связи через иностранных студентов, работников посольств и через других служащих;

е) ростовщики, дающие в долг под процент опре-

деленные суммы денег и имеющие на связи специальную охрану («боевиков») для обеспечения выплаты долгов и личной безопасности.

Преступные связи и специализация указанных выше категорий лиц многочисленны. Многие из них имеют контакты с официальными государственными учреждениями (внешне не преступные), легализованы («крыша над головой») и хорошо подготовлены в области искусствоведческих и краеведческих познаний. По данным исследования, даже среди воров антиквариата каждый десятый обладал такими знаниями. Эти лица оснащены каталогами, литературой по искусству, планами расположения музеев и церквей на территории той или иной области. В их среде также имеются профессиональные наводчики и разработчики планов похищения тех или иных культурных ценностей, получающие соответствующее вознаграждение. Техническое их обеспечение значительно выше, чем у других категорий профессиональных преступников. Так, например, 80% воров использовали личный или наемный транспорт, при этом многие действовали с помощью средств связи, «приборов безопасности», позволяющих определять наличие «радарных» установок у работников ГАИ. Именно ворам антиквариата принадлежит изобретение портативного домкрата для раздвижения оконных металлических заграждений и стен в церквях.

Как видим, каждая из перечисленных выше пяти категорий профессиональных преступников имеет свою специализацию и множество квалификаций, свойственных тому или иному виду преступного занятия. То же самое можно сказать и о кражах скота, кражах вещей у пассажиров на вокзалах и в поездах, из автоматических камер хранения, из объектов финансовой системы и потребительской кооперации, кражах из гостиниц, кемпингов, похищениях нагрудных знаков, орденов и медалей, государственного имущества из контейнеров на железнодорожных станциях и в период движения поездов и т. п.

Квалификация мошенников

Она еще более разнообразна, чем воровская, и зависит от многих экономических факторов, психологии человека, его изобретательности. Сейчас только одних видов уголовно наказуемого обмана существует более 40, каждый из которых содержит значительное число подвидов, или, иными словами, специальностей. При

этом сохранились почти все виды обмана, характерные для 20-х годов, и появились новые их разновидности.

Наиболее ярко квалификация мошенников проявляется в среде: игорных преступников; лиц, совершающих обман с помощью подмены одних предметов (вещей) другими; лиц, похищающих деньги, чеки при их размене; совершающих обман под видом услуг, купли-продажи.

Рассмотрим коротко криминальные специальности внутри этих видов обмана.

Шулера

У карточных мошенников квалификация зависит от категории преступника, места и способа совершения преступлений. В настоящее время шулерская среда делится на пять основных групп:

1. Мошенники, обыгрывающие крупных спекулянтов, расхитителей, иных категорий правонарушителей, а также граждан в специально обусловленных местах (их называют «катранщиками»). Это наиболее элитарная часть преступников, находящихся на верхней ступени шулерской иерархии.

2. Шулера, обыгрывающие граждан в общественных местах («гусары»). Они подразделяются на три категории по месту совершения преступления: играющих в такси или иных машинах («гонщики»), в поездах («майданщики»), на пляжах.

3. Шулера, действующие в одиночку («паковщики»). Основная их специальность — обыгрывание приемом «катать в половину» — выиграть вначале все деньги, затем часть проиграть и прекратить игру.

4. Ростовщик, дающий в долг деньги, и перекупщик, скупающий долги под процент.

5. Лица, обеспечивающие блатные санкции («жуки») в отношении мошенников, занимающихся обманом внутри шулерской среды.

Указанные выше категории, за исключением жуков и ростовщиков, представлены следующими специалистами: а) по вовлечению граждан в азартную игру («шулер-подводчик»); б) по воздействию на жертву во время игры посредством специальных психологических приемов («сгонщик»); в) по управлению мошеннической игрой с помощью шулерских приемов — ложной тасовки карт, их крапления, подбора и т. п. («ковщик колоды»); г) по ведению разведки и обеспечению безопасности во время игры.

В последние годы в ряде крупных городов (Москва, Рига, Горький) шулера стали применять электронную технику для высвечивания карт противника, а также специальные импортные телеустановки в игорных притонах. В г. Кишиневе, например, при разоблачении шулерской группы был обнаружен «электронный» стол для игры в карты. С помощью вмонтированной в него аппаратуры высвечивались карты противника. Управление игрой вел соучастник, располагавшийся на балконе.

С целью повышения своего профессионального мастерства шулера устраивают между собой игры под названием «игра по шансу», где одним условием является обнаружение мошеннических приемов, которые здесь обязательны. Честная игра называется «лобовой».

О тщательной подготовке карточных мошенников свидетельствуют не только отработанные до автоматизма приемы и психологические методы воздействия на жертву, но и специальная тренировка пальцев рук. В целях повышения чувствительности пальцев преступники срезают (стачивают) верхний слой кожи (аналогичное наблюдается и у карманных воров). Кстати, боязнь дисквалификации и потери чувствительности пальцев рук являются основной причиной отказа от физической работы этих категорий преступников как в местах лишения свободы, так и вне их.

«Наперсточники» В настоящее время в игорном обмане выделились самостоятельные направления, получившие значительное распространение среди мошенников. Это игра в «наперсток» (отгадывание, под каким наперстком находится шарик), в рулетку, кости и игра на бильярде. Наиболее опасными и организованными здесь являются, конечно, «наперсточники» (их еще именуют «колпачниками»). В группах, разумеется, есть всякие специалисты — охранники, «крутящие» (это они манипулируют «наперстком» и кричат: «кручу, верчу, обманываю как хочу»), «зазывающие», иными словами имитирующие выигрыши.

О ловкости этих мошенников, а заодно и о бессилии с ней бороться, в одном опубликованном интервью с работником уголовного розыска говорилось: «... За что их можно привлечь к ответственности? ... За мошенничество? В принципе можно. Но только в принципе. Потому что на деле: расшибешься, не докажешь. Они ведь все профессионалы. У них руки, как у заправских ма-

ниpуляторов». Добавим еще к этому и головы. Потому что не дожидаясь пока ответственные лица «расшибутся», мошенники уже вводят в обиход новую «безобидную» электрониую игру под названием «кегельбан». Как видим, постоянно идет совершенствование способов игорного обмана. Растут и ряды поклонников Меркурия.

По неполным данным Главного управления уголовного розыска МВД СССР, в стране действует около 20 тыс. игорных мошенников, среди которых имеются сотни лиц, располагающих деньгами от 300 тыс. рублей и более.

Преступления, совершаемые этими профессиональными мошенниками, носят преимущественно латентный характер и имеют крайне низкий уровень раскрываемостн. Трудности их разоблачения связаны с тем, что основным тактнческим методом является, как и при раскрытнн карманных краж, задержание с поличным. Специалистов же личного сыска по борьбе с нгорным мошенннчеством в стране крайне недостаточно.

Кукольники

Следующая традиционная разновидность мошеннической квалификации заключается в подмене вещей или деиег спецнально изготовленными «куклами». Различают три разновидностн профессионалов-«кукольников». Первая заинмается обманом с помощью денежной «куклы», подбрасываемой в общественных местах заранее выбранной жертве. Вторая специализируется на вещевых «куклах», с помощью которых подменяет продаваемые гражданам дефнцитные вещн. Обе эти специальности в последние годы сталн заметно терять престнжиость в среде мошенников. Поэтому все большее распространение получает третья группа преступников, действующая посредством денежной «куклы» при так называемых сделках, например, при купле-продаже автомашин по ценам, превышающим комнссионные. К старейшей мошеннической квалификации относится также похищение денег при их размене (мошенники называются «ломщиками»). В 70-е годы появилась новая разновидность профессиональных преступников, действовавших в крупных городах страны у магазинов «Березка» — «ломщикн чеков». Среди них в плане криминальной подготовки выделились две категории: первая — похитители денег традиционным способом обмана, вторая — с использованием специально изготовлениых

портмоне. По данным органов внутренних дел, на оперативных учетах состояли тысячи таких преступников. В связи с закрытием магазинов «Березка» эта категория переквалифицировалась на совершение других преступлений.

Иные специалисты обмана

Четвертая группа мошеннических специальностей, пожалуй, самая многочисленная, поскольку связана с различными видами сделок. К наиболее квалифицированным профессиональным преступникам этой группы относятся следующие категории лиц:

а) совершающие обман при купле-продаже автомашин («разгонщики»);

б) продающие поддельные железнодорожные и иные билеты;

в) продающие фальшивые драгоценные металлы или изделия из них, поддельные картины, иконы, предметы антиквариата и т. п.;

г) совершающие обман под видом гадания и знахарства;

д) сбывающие поддельные лотерейные билеты на выигрыш дефицитных товаров;

е) действующие под видом жениха, продавца, лица, производящего обыск, и т. п.;

ж) «работающие» от имени представителей государственных учреждений по сбору средств на какие-либо благотворительные нужды, предоставлению жилплощади и т. п.;

з) выдающие себя за героев и участников гражданской и Отечественной войн.

Кроме того, существует свыше десяти специализаций по завладению государственным имуществом, например, под предлогом перевозки товаров со складов и баз (используются фальшивые накладные), покупки вещей в кредит или взятие их на прокат, с помощью поддельных кассовых чеков и др. Однако степень профессионализма преступников здесь несколько ниже, чем у мошенников, специализирующихся на преступлениях против личной собственности граждан.

Квалификация грабителей

В отличие от вышеописанных категорий преступник корыстно-насильственного типа имеет меньшее число криминальных специальностей, и его познания и навыки чаще бывают связаны с применением технических средств и подготовкой преступлений.

Следует отметить, что его квалификация никогда не считалась высокой в силу более «грубых» способов совершения преступления, что не совсем правильно. В этом лишний раз убеждает анализ преступной деятельности лиц, совершающих разбои, грабежи и вымогательства.

Среди преступников, специализирующихся на открытом похищении имущества (разбой, грабеж), выделились три основные категории: 1) совершающие захват денежных средств на объектах финансовой системы; 2) похищающие имущество граждан в их жилищах; 3) завладевающие автомашинами при нападении на их владельцев. В подавляющем большинстве преступники действуют в составе организованных групп. Степень их подготовки можно отнести к высокой, о чем свидетельствуют такие показатели, как наличие различного вида оружия, технических средств, средств маскировки, способы совершения преступлений. Оружие использовали (исключая бандитские сообщества) 80% разбойничьих групп, 40% грабительских. Преступники, совершавшие разбои, применяли средства маскировки в 40% случаев. У грабителей этого признака не обнаружено, зато в 40% случаев их группы действовали с использованием форм работников милиции, что в два раза превышает аналогичный показатель в сообществах разбойничьей «окраски».

Степень квалификации во многом зависит от подготовки к совершению преступлений, которая среди этих преступников оказалась достаточно высокой. Они, например, детально разрабатывали отдельные элементы действий на местности, ликвидировали раненых соучастников в случаях преследования милицией и т. п.

Некоторые особенности выявлены в способах нападения и воздействия на жертву. Например, при нападениях на инкассаторов, работников сбербанков преступники действовали максимально стремительно, затрачивая (по данным Ю. М. Худякова) на преодоление препятствий и завладение денежными средствами в среднем по 4 — 6 минут. Аналогично действовали лица, совершавшие разбои в отношении водителей личного транспорта. В каждом шестом случае они применяли специальные удавки для удушения жертвы.

Несколько иное положение наблюдалось у лиц, специализировавшихся на «квартирном» разбое. В 30%

нападений преступники проникали в жилище под видом работников милиции, слесарей, почтальонов. Однако оружие использовали лишь в крайних случаях, вызванных активным сопротивлением потерпевших или вмешательством работников милиции; в 56% разбоев жертвы подвергались истязанию в целях «добровольной» выдачи материальных ценностей. В целом степень квалификации этой категории преступников оказалась значительно выше, о чем дополнительно могут свидетельствовать их активность и низкий уровень раскрываемости (50%). Среди осужденных за разбой с проникновением в жилище 46,4% лиц совершили два и более преступлений, в том числе 50% — свыше четырех.

Следует отметить, что так же, как и квартирные воры, лица, специализирующиеся на этом виде разбоя, ориентированы главным образом на завладение имуществом граждан, живущих на нетрудовые доходы или имеющих, по мнению нападавших, избыток материальных ценностей. Установка на такую категорию потерпевших была разработана еще в конце 60-х годов известным уголовному розыску «вором в законе» Черкасовым (Москва) и реализовалась тогда не менее известным преступником по кличке «Монгол».

Последователи Ваньки Каина

К анализируемой категории насильственных преступников близко стоят по характеру деятельности и степени подготовки преступлений **вымогатели.** Их условно можно разделить на традиционных и «новых». К первой группе относятся лица, действующие с помощью угрозы уничтожения имущества, распространения порочащих жертву сведений. Ко второй — похитители детей с целью получения выкупа. Последние характеризуются высокой степенью подготовки и жестокости: при отказе или невозможности уплатить назначенные суммы денег детей, по данным В. А. Климова, убивали в каждом втором случае.

Еще одной, правда, несколько модифицированной квалификацией вымогателя является завладение деньгами под угрозой изобличения в преступной деятельности. Профессиональные вымогатели изучают образ жизни расхитителей или других лиц, собирают компрометирующие их данные, а затем предъявляют им свои условия. В последние годы вымогательство стало явлением достаточно распространенным и приобрело совершенно иное качественное содержание. Оно приблизи-

лось вплотную к понятию рэкета, когда преступники облагают данью тех или иных лиц и получают от них деньги или материальные ценности постоянно, как бы находясь на их содержании. Взамен им гарантируют безопасность. Жертвами чаще всего являются в данном случае кооператоры или лица, занимающиеся индивидуальной трудовой деятельностью. По данным выборочного исследования, рэкитируется почти 50% кооператоров, работающих в сфере общественного питания. При этом треть поборов превышает тысячу руб. Данные опроса кооператоров и «индивидуалов», торгующих на Рижском рынке в Москве, показали, что они (все без исключения!) ежедневно выплачивали вымогателям по 25 руб.

Надо сказать, что рэкетом, как правило, занимаются хорошо организованные группы преступников. Распространение этого вида уголовного посягательства ведет к обострению борьбы между группировками за сферы влияния, что не может не осложнять криминологическую ситуацию в крупных городах страны. Крайне опасным является и то, что рэкет становится все более «модным» преступлением, вовлекая в свою орбиту представителей разных слоев населения. Здесь мы можем встретить и профессиональных преступников, и школьников, и студентов, и бывших солдат, и даже, что уж совсем удивительно, самих кооператоров. Не случайно 12 января 1989 года в РСФСР был принят Указ Президиума Верховного Совета Республики, значительно усиливший ответственность за вымогательства государственного, общественного, кооперативного и личного имущества граждан. Отметим также, что если до принятия Указа в 1988 году в органы внутренних дел Москвы и Московской области поступило всего лишь 13 заявлений от кооператоров, то только в течение 1989 года МУРом было арестовано свыше 100 вымогателей, а число заявлений возросло в несколько раз. Думается, что настало время принять аналогичный закон и в других республиках, ведь вымогательство нынче типично не только для России.

Квалификация расхитителей

Криминальную квалификацию при совершении хозяйственных преступлений есть все основания отнести к наиболее распространенной и многовидовой деятельности. Чтобы совершать длительное время эти преступления, расхитителям необходимо иметь в отли-

чие от лиц воровской направленности две квалификации — по официально занимаемой должности и по преступной деятельности.

Анализируемые вопросы детерминируют в сфере хозяйственной преступности с проявлениями преступности организованного типа. Поэтому с учетом особенностей и большего спектра деятельности расхитителей целесообразно, не перечисляя всех направлений и способов преступной деятельности, ограничиться постановкой самой проблемы. Ведь только в хищениях, совершаемых с использованием служебного положения, установлено свыше 200 распространенных и опасных способов, каждый из которых требует специальных познаний, навыков и подготовки преступников. Изучение криминальных специализаций применительно к изменению социально-экономических и хозяйственно-управленческих структур в условиях перестройки позволит, как показывает опыт ВНИИ МВД СССР, своевременно разрабатывать типовые методики выявления и документирования тех или иных видов хищений в определенных отраслях экономики. Таким образом, исследование в том же аспекте преступной деятельности взяточников, спекулянтов, валютчиков, фальшивомонетчиков и иных категорий устойчивых расхитителей государственного имущества даст возможность выявить и описать не меньшее число криминальных квалификаций.

Квалификация в сфере криминальных «услуг»

Таковы основные направления и особенности преступных квалификаций, наблюдаемых в четырех видах противоправной деятельности. В целом же деятельность профессиональных преступников, зависящая от многих социальных факторов, совершенствуется, видоизменяется, порождая новые криминальные «профессии». Так, если в 60-х годах ростовщики были преимущественно в среде карточных мошенников и дельцов, то в 80-е годы они составили особую группу паразитирующих элементов уже в социальном аспекте: их услугами пользуются не только правонарушители, но и правопослушные члены общества. Появление ростовщиков в какой-то мере связано с распространением наемной охраны, а увеличение воровства — с возникновением квалифицированных информаторов-«наводчиков». Но особая роль в сфере «криминальных услуг» отводится профессиональным скупщикам похищенного, которых в

связи с изменением мест и каналов сбыта, смещением их на предприятия торговли и коммунально-бытового обслуживания необоснованно посчитали отжившим явлением.

По данным судебной статистики, до 60% лиц из числа привлеченных к уголовной ответственности по ст. 208 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик осуждаются за скупку и сбыт похищенного в виде промысла. Нами установлено, что таким промыслом занимается абсолютное большинство скупщиков антиквариата, монет старой чеканки, нагрудных знаков, орденов и медалей, драгоценных металлов, книг и других вещей, требующих особого контингента покупателей.

Надо полагать, что в условиях усиления социального контроля преступники закономерно стремятся к установлению тесных контактов с профессиональными скупщиками, которые обладают известными навыками и имеют свою клиентуру. Не случайно участники организованных групп реализовывали похищенное постоянным скупщикам краденого в 60% случаев сбыта, а квартирные воры — при каждой третьей краже.

Преступник-универсал

В процессе исследования установлено одно очень важное, на наш взгляд, обстоятельство в деятельности профессиональных преступников, позволяющее в перспективе усовершенствовать формы и методы выявления и учета криминогенных лиц. В отличие от традиционных профессиональных преступников современные обнаруживают заметную тенденцию к универсализации криминальных действий и, таким образом, к отходу от узкообусловленной специализации на каком-то одном виде преступления. Аналогичное положение при научно-практическом анализе «теории приверженности» профессионального преступника к однотипным действиям, разработанной еще в 20-е годы, установлено специалистами ФРГ, которые полагают, что современные воры и мошенники совершают в среднем до четырех разных видов преступлений.

Современная универсализация преступной деятельности объясняется, на наш взгляд, двумя причинами. Во-первых, она позволяет преступникам обеспечивать себе относительную безопасность, поскольку они уходят от регистрации по так называемой «окраске» и как бы растворяются в массе других правонарушителей.

Не случайно 96,6% оперуполномоченных уголовного розыска из числа опрошенных указали на то, что современный корыстный преступник стал более изощренным и изобретательным.

Во-вторых, универсализация позволяет интенсифицировать преступную деятельность и значительно быстрее достичь цели обогащения. Например, четвертая часть изученных нами организованных групп занималась различными корыстными и корыстно-насильственными преступлениями, но по активности уступала лишь воровским, совершая в среднем до 20 преступлений в течение одного-двух лет.

Вор с образованием

Высокая квалификация современных профессиональных преступников в определенной мере связана с возрастанием общеобразовательного уровня и улучшением в целом работы оперативных служб органов внутренних дел. Оба эти обстоятельства социально полезны, но при существовании профессиональной преступности вызывают у определенной части нарушителей закона реакцию негативного свойства. Только среди воров личного имущества, традиционно относившихся к самой малограмотной группе преступников, в период с 1974 по 1983 год доля лиц с начальным образованием сократилась на 24,3%, а с высшим и средним специальным, напротив, увеличилась в три раза. Удельный вес карточных мошенников, имеющих высшее, неоконченное высшее и среднее специальное образование, составил более 30%. Эта же категория лиц среди участников организованных групп занимает четвертую часть.

Совершенствование деятельности правоохранительных органов, особенно органов внутренних дел, вызывает аналогичный процесс в среде устойчивых преступников. Так, анализ сходок уголовных элементов показал, что центральным вопросом их повестки дня стоял вопрос об изменении форм преступной деятельности в связи с усилением работы уголовного розыска.

Обучение преступному «ремеслу»

Криминальные познания и навыки приобретаются либо в процессе непосредственного обучения под руководством опытных профессионалов, что типично для карточных шулеров, карманных и квартирных воров и иных категорий преступников, либо методом «проб и ошибок». По степени распространенности и криминального эффекта доминн-

рует первый. Только в местах лишения свободы получили необходимые противоправные познання и иавыки до 40% карманных и квартнрных воров, раиее попавших туда за другие преступления, в том числе за хулиганство. При изучении преступной деятельности органнзованных сообществ выявлена тенденция обучения не просто конкретному способу совершення преступления, а целой программе действий применнтельно к создаваемым ситуациям. Прн этом преступинки использовали тнпичные методы педагогики — организовывалн заиятия, отрабатывалн действня на мнимом объекте с применением для фиксацин ошнбок кинофотоаппаратуры. В целом ряде групп преступннкн пользовалнсь услугами консультантов, лнтературой по правоведенню, медицнне, кримнналистике и другнм отраслям знаний.

Такнм образом, вхожденне в роль професснонального преступника приобретает все более организованный и целенаправленный характер. Намн установлено, что преступников интересуют не только способы совершения того илн иного внда преступления, но н ошибкн, прнведшне к разоблачению. В настоящее время средн професснональных преступнннков существует правнло, согласно которому при разоблачении мнлицией преступиой группы назначается специальная проверка («разбор») в отношенни крнмнногенных лнц того района (города), где были задержаны гастролеры. Ее цель — выявить причины провала, среди которых первостепенное место отводится обнаруженню источннков ннформации. Напрнмер, когда московскнм уголовным розыском была разоблачена и задержана группа карманных воров из г. Донецка, то в Москву для разбора снтуации прибылн специальные донецкне команды, которые выразилн неудовольствне московским карманнникам, позволнвшим мнлнции задержать в столнце «гостей».

Особеино тщательно ошнбкн аналнзируются в местах лишеиия свободы, где в обсужденин этнх вопросов участвуют многие осужденные. Там же вырабатываются н соответствующие рекомендации, установкн по избежанию ошнбок в дальнейшей преступной деятельности. Поэтому недооценивать фактор преступной специалнзации и квалифнкацин при решенин вопросов борьбы с преступностью, совершенствования подготовкн специалистов правоохранительных органов — значит не учитывать реальную действнтельность и неправильно использовать нмеющнеся снлы и средства.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК СРЕДСТВ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Преступный бизнес Рассматривая проявление этого центрального признака профессиональной преступности, необходимо подчеркнуть, что противоправную деятельность как источник средств существования применительно к условиям нашего общества, в котором обеспечены право на труд и возможности его реализации, следует понимать несколько шире по сравнению с аналогичным явлением при капитализме. В аспекте причинности это главное отличие, хотя и в буржуазном государстве безработица, безусловно, не выступает единственной причиной преступного поведения, а следовательно, и феномена профессионализма. Поэтому в широком понимании анализируемого признака можно говорить о форме нетрудового существования посредством совершения преступлений.

Представляется, что в данном случае прав М. Руткевич, относя к одной из групп лиц, живущих на нетрудовые доходы, «закоренелых» преступников.

Вместе с тем независимо от оценки и толкования указанных выше понятий правомерно говорить о преступной деятельности как форме противоправного получения средств к существованию или обогащению.

Проведенные исследования свидетельствуют о том, что проблема нетрудовых доходов связана с целым рядом крайне негативных социальных явлений — коррупцией, взяточничеством, протекционизмом, барско-снисходительным отношением к людям, не входящим в «элитарно-паразитический» круг, расслоением общества.

Паразитическое существование на средства, добываемые преступным путем, создает теневую экономику с миллиардными оборотами, извращает правовое сознание значительной части населения, в том числе и работников правоохранительных органов. Как это ни парадоксально, хищение в наши дни одной сотни рублей (даже одной-двух тысяч рублей) уже не вызывает общественного резонанса среди населения, что обусловливается «привычкой» видеть материальный ущерб, причиняемый государству и отдельным гражданам в значительно бóльших размерах. Поэтому не случайно сотни тысяч ежегодно совершаемых мелких хищений, которые в 50-е годы расценивались как преступления,

11 Заказ 4407

в правовом сознании населения относятся к безобидным проступкам. Для сравнения приведем такие данные. Если в 50-е годы кража велосипеда считалась по сумме материального ущерба серьезным преступлением, то в 80-е абсолютное большинство работников милиции относили хищение велосипедов к малозначительным кражам, отказывая по ним в возбуждении уголовного дела. Из изученных уголовных дел, прошедших в Мосгорсуде в период с 1946 по 1959 гг., установлено, что самый большой материальный ущерб от краж составил 3 тыс. руб. (на «новые» деньги — 300 руб.). Между тем в 80-е годы из государственного банка Армении было похищено 1,5 млн. руб. Отсюда понятно, что существование преступников лишь за счет криминальной деятельности в 50-е годы было затруднено, а если оно и имело место, то отличалось достаточной скромностью, ничего общего не имеющей с нынешним размахом.

Суммы материального ущерба, причиненного поколением преступников той поры и причиняемого нынешним, просто не могут быть сопоставимы. Только в период с 1974 по 1983 год ущерб от всех видов краж личного имущества граждан увеличился в три раза и составил почти 170 руб. на одно преступление. Сумма эта, как видим, близка к средней месячной заработной плате рабочих и служащих.

В целом можно без преувеличения констатировать, что материальный ущерб, причиненный преступной деятельностью, стал в 80-е годы огромным. Причем бóльшая часть похищенных денег и ценностей остается у преступников.

По другим видам хозяйственных преступлений материальный ущерб исчисляется еще бóльшими суммами. Так, у спекулянтов денежный оборот в течение года, по данным Ю. И. Ляпунова, составляет 1,5 млрд. руб. На 1983 год ущерб от краж социалистического (до ликвидации отчетности о материальном ущербе) и личного имущества составлял ежегодно почти 90 млн. руб. против 19 млн. руб. в 1974 году. Однако у преступников изымалось и описывалось имущество лишь на треть стоимости от указанной суммы ущерба.

На первый взгляд, рост суммы материального ущерба можно объяснить увеличением количества самих преступлений (за период с 1974 по 1983 год число краж социалистического имущества возросло на 214%, личного — на 271%), но подобное мнение легко опровер-

гается, если принять во внимание, что в среднем сумма ущерба от одной кражи увеличилась за это время в три раза[1].

Следует подчеркнуть, что аналогичное положение отмечается во всех видах корыстной преступности. Например, по данным А. М. Абрамова, изучавшего мошенничество против личной собственности в Москве, сумма материального ущерба в период с 1981 по 1985 год возросла в три раза, составив 2,5 млн. руб., сумма же возмещения — всего лишь на 4,2%.

Огромные суммы, оседающие в антиобщественной среде, способствовали появлению общих денежных фондов профессиональных преступников, установлению сбора дани с отдельных категорий лиц, распространению азартных игр. В свою очередь, жесткие сроки уплаты дани, игорного долга стали выступать одной из причин совершения тяжких преступлений против социалистической собственности и личной собственности граждан.

Таким образом, показатели материального ущерба от преступлений со всей очевидностью свидетельствуют о возможности использования похищенных денег и ценностей в качестве основного или дополнительного источника существования определенных категорий правонарушителей. Однако наша основная задача заключается не в том, чтобы показать такую возможность, а прежде всего в отражении фактора жизнедеятельности профессиональных преступников посредством противоправного занятия как реальности, поскольку именно вокруг этого возникают сомнения и споры со стороны тех, кто не может согласиться, что в условиях социализма есть лица, живущие только за счет совершаемых ими преступлений. Не будем говорить сейчас о причинах такого заблуждения, связанного с отождествлением возможностей социалистического общества и фактического соблюдения его принципов.

Даже один из сторонников концепции криминального профессионализма Ю. Бышевский, хотя и с некоторыми оговорками, высказывает мнение, что основной либо существенный источник дохода вряд ли можно получить (хотя исключить это полностью нельзя) в результате эпизодических действий. С подобным суждением трудно согласиться. Если следовать такой логике, то получается, что профессиональный преступник

[1] Ущерб от краж на объектах железнодорожного транспорта нами при этом не учитывался.

должен воровать столь же регулярно, как правопослушный человек — трудиться. Очевидно, правильно исходить из потребностей индивидуума, суммы похищенного, а также из специфики противоправного занятия, которое в любом обществе носит скрытую форму.

Важно учитывать, что преступник, совершив одно преступление, может обеспечить себя суммой денег, равной не только месячному окладу рабочего или служащего, но нередко и годовой их зарплате (например, группа Сверчкова в течение 5 лет причинила посредством краж и разбоев материальный ущерб гражданам на сумму 1 млн. 137 тыс. рублей). Однако при анализе преступного источника средств существования об этом порой забывают, отождествляя любую профессию, в том числе уголовно-преступную, с постоянством (регулярностью) занятия. Кстати отметим, что судебная практика последних лет при оценке общественной опасности личности начинает акцентировать внимание не только на количестве совершенных преступлений, но и на возможности паразитического существования за счет их. Так, в частном определении Верховного Суда СССР в адрес МВД СССР по делу об убийстве контр-адмирала Холостякова и его жены, совершенном Калининым, констатируется следующее: «Факты краж орденов и медалей встречались и раньше. Но впервые преступники, спекулируя на самом дорогом для советских людей — на беспредельном уважении к тем, кто, не щадя жизни, защищал Отчизну и принес ей победу, превратили хищение знаков государственных наград в постоянный источник наживы». От сбыта орденов и медалей Калинин и его соучастники получили 40 тыс. руб.

В данном случае общественная опасность не только самого преступления, но и явления в целом заставила подойти к оценке содеянного именно с такой позиции. Вместе с тем нельзя не заметить ошибочность тезиса Верховного Суда СССР о том, что подобное произошло впервые. Нами установлено, что начиная с 1970 года в среде коллекционеров выделились фалеристы, которые стали скупать ордена и медали, а некоторые и сами организовывать их похищения. Причем большие цены[1] на эти предметы способствовали выде-

[1] На черном рынке фалеристов орден Суворова стоит 2,5 тыс. руб., орден Б. Хмельницкого — 4 — 5 тыс. руб., Ушакова — 20 тыс. руб.

лению узкой специализации в воровской среде. При значительиых доходах и относительной безопасиости краж ордеиов и медалей (по большииству дел потерпевшие не заявляли о кражах) эта форма обогащения стала быстро распростраияться. Только одиой преступной группой Рагимова (осужден Мособлсудом) в ряде городов страны было похищеио 30 орденов Ленина, а функционировала эта группа с 1978 года, т. е. задолго до убийства Холостякова.

«Доходы» профессиональных преступников

Бесспорио установлено, что многие категории преступииков живут только иа доходы, получаемые от преступлений. Причем они не просто существуют, а ведут престижный, респектабельный образ жизни, их материальиая обеспечеиность значительно превышает обеспеченность трудящегося человека. По даииым исследования, карманный вор в среднем ежемесячно имеет от краж 500 рублей дохода, а в летние месяцы в городах-курортах — по несколько тысяч рублей. Это подтверждается также результатами исследоваиия, проведенного НИЛ Киевской высшей школы им. Ф. Э. Дзержинского МВД СССР. Чаще всего, заключают авторы, лица, осуждеииые за карманные кражи, занимались этой деятельностью от 1 года до 5 лет (13,3%), свыше 10 лет — 11,2%, от 5 до 10 лет — 7,4%. Даже эти данные, говорят они, позволяют считать, что почти каждый пятый вор совершал преступления на протяжеиии пяти и более лет. Таким образом, совершение карманных краж превратилось для этих лиц в своего рода профессию.

Средний преступиый доход от одной квартириой кражи превышает тысячу рублей, а от кражи, совершенной квалифицироваиным способом, — две тысячи; от одного карточного мошеииичества ои достигает 500 — 700 руб. Мошениики, занимающиеся «ломкой» чеков, имеют в день полторы тысячи рублей, игрой в «наперсток» — до иескольких тысяч. Что касается обогащения посредством краж, скупки и перепродажи культурных ценностей, автомашин, похищеиий людей с целью получения выкупа, то здесь каждое преступление связаио с тысячами и десятками тысяч рублей[1]. По даи-

[1] Похнщенные в Москве часы Наполеона былн оценены в 3 млн. руб., а коллекцня монет у гр. Ч. в Леннвнграде — в 700 тыс. руб.

ным В. А. Климова, средняя сумма выкупа, устанавливаемая похитителями детей, колеблется от 15 до 100 тыс. руб. Ущерб, причиненный 126 изученными нами организованными группами, составил 3,5 млн. руб., т. е. около 20 тыс. на одно сообщество. Эти данные полностью подтверждаются практикой борьбы с проявлениями организованной преступности в Узбекской ССР, где только в течение первого квартала 1985 года было ликвидировано 19 таких групп, совершивших более 300 преступлений. У преступников описано и изъято имущества и денег на сумму 1 млн. руб., наложен арест на 30 легковых автомобилей. Более того, у сообщников одного из главарей преступной организации г. Ташкента Осипянца и братьев Розенгауз при обыске изъято 4 млн. руб.

Таким образом, реальность использования преступной деятельности в качестве источника средств существования подтверждается различными по характеру данными. Между тем недопонимание этого привело к перегибам в организации и тактике борьбы с лицами, живущими на нетрудовые доходы. Объектом воздействия правоохранительных органов на первоначальном ее этапе стали мелкие спекулянты либо люди, честным трудом добывающие небольшие суммы в дополнение к свой зарплате.

Профессиональные преступники «ворочают» суммами, не идущими с этими ни в какое сравнение. Именно наличием крупных сумм определяется авторитет современного лидера уголовной среды. В процессе исследования были выявлены, в частности, факты своеобразного состязания профессиональных преступников в накопительстве денег и ценностей[1]. Отдельные действия преступников вообще выходят за рамки понятия противоправного дохода, поскольку связаны с организацией крупного бизнеса.

«Сберегательные кассы» профессиональных преступников

За последние 15 лет в крупных городах страны и во многих ИТУ получила развитие профессиональная взаимопомощь преступников, имеющая довольно сложную систему сбора, хранения, использования денежных средств.

[1] Главари изученных групп Анзоров, Болошин и др. стремились накопить по миллиону, чтобы войти в «десятку» «авторитетов» уголовной среды г. Ташкента и открыть цеха по выпуску нелегальной продукции.

Установлено, что подобная взаимопомощь осуществляется на основе создания общих денежных фондов, получивших название «общаковых касс». В отличие от прежних лет в последнее время кассы стали формироваться не только в ИТК, но и в условиях свободы.

Общие кассы преступников предназначены для следующих целей: обеспечения лидеров уголовной среды и лиц из их ближайшего окружения, содержащихся в местах лишения свободы, но прежде всего в тюрьмах, штрафных изоляторах, на особом режиме и в республиканских больницах[1];

оказания помощи семьям профессиональных преступников вплоть до назначения стабильных сумм, выплачиваемых в виде пенсии[2];

подкупа должностных лиц;

развития подпольного «цехового» производства[3];

занятия ростовщичеством (известны случаи, когда уголовно-воровскими кассами пользовались расхитители).

Существуют три разновидности общих денежных касс преступников, обусловленные местом их создания и контингентом субъектов пользования:

1. Кассы, создаваемые из паевых взносов членов организованных сообществ преступников, занимающихся противоправной частнопредпринимательской деятельностью. В зависимости от размеров пая каждый из членов кассы получает в дальнейшем и соответствующую прибыль. В этих целях устанавливается стоимость одного процента «дела», выбирается кассир, который ведет делопроизводство. Деньги хранятся в оборудованных тайниках и систематически проверяются членами группы по документам (ревизуются).

---

[1] После того как один «вор в законе» организовал отправку продуктов из «общака» в тюрьмы г. Тобольска и Златоуста, оперативными работниками была перехвачена записка за подписью 12 «законников». В ней выражалась благодарность «хабаровской братве» за своевременный «подогрев» и предлагалось активизировать сбор «общака». Ответственные за сбор средств стали собирать по 100 руб. с зоны.

[2] Нами установлено, что семья известного уголовному розыску вора В. после его смерти в 1979 году получала ежемесячно переводы по 300 руб.

[3] Лидеры уголовной среды в Узбекистане, не ограничиваясь поборами «цеховиков», сами организовывали нелегальные предприятия в мясоперерабатывающей и местной легкой промышленности.

2. Общие денежные кассы, создаваемые в местах лишения свободы. Их назначение несколько примитивнее, чем у расхитителей: ставки и расчеты в азартных играх, приобретение наркотиков, дефицитных продуктов питания, поддержание престижа лидера и его окружения. Они содержатся и пополняются из таких источников:

поборы осужденных, организуемые по утвердившейся системе. По рекомендации лидирующих осужденных («зоновская семья»), куда входят авторитетные воры («хорошие парни», «бродяги», «паханы» и «подпаханники»), в каждом отряде ИТК назначается от двух до пяти осужденных, ответственных за сбор материальных средств, а также старший, который отвечает перед «ворами в законе» за состояние кассы в отряде (на тюремном жаргоне она называется «шнифтом» отряда). Основной его обязанностью является сбор с осужденных денег, чая, продуктов питания, предметов ширпотреба и т. п. Каждый осужденный должен вносить в общую кассу один рубль с пяти рублей, на которые он приобретает вещи и продукты в магазине, отчислять 20% от суммы получаемого перевода или карточного выигрыша;

добровольные вклады членов неформальных группировок отрицательной направленности;

сбор налога от азартных игр. В данном случае с каждого кона («стука») игры в очко осужденные отчисляют один рубль. За одну ночь, таким образом, в кассу поступает от 200 до 300 рублей;

поступления из общей воровской кассы, находящейся вне мест лишения свободы;

отчисления от нелегального производства.

Следует отметить, что суммы общих касс в местах лишения свободы относительно небольшие — от 1 до 60 тыс. рублей.

3. Общие денежные кассы уголовных элементов, действующих в условиях свободы. Они образуются более сложным путем, чем в ИТУ. К основным источникам их формирования можно отнести:

добровольные вклады различных категорий профессиональных преступников, преимущественно карманных и квартирных воров, мошенников, сбытчиков наркотиков, лиц, совершающих разбой и вымогательства. На добровольное пожертвование после предложения соот-

ветствующнх оргаиизаторов кассы соглашается до 50% таких лнц;

взиманне даии с лнц, живущнх на нетрудовые доходы, чаще — расхитнтелей социалнстнческого имущества. В этнх целях в 1979 году в г. Кнсловодске иа специальиой сходке профессноиальиых преступников присутствовалн представнтели делового мнра расхитнтелей — «цеховикн», которые согласнлнсь цеитралнзоваиио выплачивать по 10% от суммы получаемых доходов взамеи гарантнрованной безопасностн. Там же былн определены даты поступлеиня деиег н их сборщики;

поборы с лиц, заннмающихся различного рода противоправиой деятельиостью с целью нзвлечеиня иетрудовых доходов. В иастоящее время иасчнтывается около 20 категорнй такнх лнц. Средн иих — врачи, заннмающиеся частной практикой; директора ресторанов; заведующне барамн, кафе; спекуляиты; работиикн вторсырья и другие[1];

отчислеиия за различного рода услуги, — юридическую помощь, обеспечение иформацией, разрешеиие коифликтов, споров и т. п.

По даиным большого числа изученных документов органов внутренних дел установлеио, что сбор денег в общие кассы осуществлялся во многнх городах страны. Деиежиый фоид касс колебался от 50 тыс. до 1 млн. руб. В 1987 — 1988 гг. органамн внутреннних дел из этнх касс изъято и обращено в доход государства около 350 тыс. руб.

За обеспечение сохраиности общих касс в условиях свободы отвечают до восьмн-десяти человек, пользующихся иаибольшнм доверием (иа жаргоне эта группа называется «сообщаковая братва»). Держатели воровских касс глубоко закоиспнрированы («сидят в ямах»), имеют право выиоснть смертиый приговор лицам, допустившнм грубое нарушеиие фииаисовой днсциплины. Такой пригговор нередко следует за сокрытие и присвоеиие сборщиками илн ииыми лицами деиег, предиазиа-

[1] Группировка «законника» по клнчке «Эдик» в г. Ашхабаде с помощью многочислеиных связей выявляла лнц, жнвущих на нетрудовые доходы, и, гарантнруя нм безопасность, получала за это деньги. «Воровскнм банкнром» был Саркнев («Сыра»), нмевший связн с влнятельными работннками государственного аппарата республикн. Это о его преступной деятельности пнсала в свое время газета «Правда».

ченных для воровских касс, а также за отказ от внесения денежных средств.

Говоря о создании общих денежных касс, являющихся материальной основой паразитического существования, нельзя не отметить высокую оперативность уголовных элементов. В то время как правоохранительные органы и общественность дискутируют по поводу нетрудовых доходов и понятий, связанных с этим явлением, разрабатывают планы по выявлению лиц, живущих на подобного рода доходы, профессиональные преступники таких людей давно выявили и заставили работать на себя.

В последние годы наблюдалось расширение сферы влияния «воров в законе», находящихся на свободе, на осужденных, отбывающих наказание в ИТУ, особенно в спецкомендатурах, где до недавнего времени были свои лидеры. Влияние это имело целью привлечь на свою сторону осужденных, зарабатывающих на производстве деньги, которые можно направить в общие фонды. В этой связи преступники назначали кураторов из числа «воров в законе» для контроля за спецкомендатурами.

Вызывают интерес способы и места хранения общих денежных фондов. В ИТК они хранятся наличными у одного из осужденных, который отвечает за них под страхом смерти. Нередко им является внешне законопослушный осужденный. В условиях свободы в хранении денег нередко оказывают помощь лица, занимающие определенное положение в обществе (певец, музыкант), а главное — имеющие легальные формы дохода. У каждого члена «сообщаковой братвы» на связи несколько таких лиц, которые кладут определенные суммы денег в сберегательные банки на предъявителя: сберегательные книжки у них, талон — у преступника. Вот почему оперативным службам территориальных органов внутренних дел в отличие от оперативных частей ИТУ бывает крайне трудно обнаружить подобные кассы, тем более что в представлении многих ответственных лиц «воровские общаки» отождествляются с традиционными мещанскими кубышками.

Кассы взаимопомощи преступников

Помимо описанных выше касс существует еще одна форма концентрации денежных средств — кассы взаимопомощи, которые используются для оказания разовой помощи преступникам, нуждающимся в день-

гах. При получении денег обычно назначается срок уплаты или погашения задолженности. Деньги из такого рода касс используются также на различные организационные мероприятия — устройство сходок, встречи лидеров уголовной среды и организацию их досуга.

Таким образом, из сказанного выше следует вывод, что преступная деятельность как источник средств существования перерастает в форму нетрудового обогащения, которое можно назвать преступным бизнесом, выходящим далеко за рамки традиционных уголовно-воровских отношений. Причем это выражается не в отдельных эпизодах, такие факторы систематически фиксируются в документах различных служб органов внутренних дел, что лишний раз подтверждает достоверность данного явления. Профессионально-преступная помощь получает развитие не только у приведенных выше категорий преступников. Она все больше проникает в группы организованного типа, сформировавшиеся для совершения уголовных преступлений. При изучении в 1984 году этого вопроса на территории Московской области были выявлены единичные группы, имевшие общие денежные кассы. Но уже через два года при повторном исследовании они были обнаружены в каждом третьем разоблаченном сообществе.

Думается, что сказанное избавляет нас от необходимости дискутировать по поводу того, могут ли преступники существовать только посредством совершения корыстных преступлений.

КАТЕГОРИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ НОРМЫ ИХ ПОВЕДЕНИЯ

Дно преступности

Для того чтобы лучше познать современную преступность «изнутри», определить ее качественные тенденции, необходимо изучить уголовно-профессиональную среду через существующую в ней субкультуру, иными словами — так называемую «вторую жизнь», особенности которой не поддаются статистическому анализу и оттого порой уходят из нашего поля зрения. Субкультура — это неотъемлемый компонент устойчивого противоправного поведения, зависящий от ряда обстоятельств. Чем, например, сильнее, строже режим содержания, тем ярче

выражена субкультура, отмечает В. М. Коган[1]. Аналогично и в условиях свободы — чем жестче формы социального контроля и оперативнее работают правоохранительные органы, тем более гибкой становится субкультура профессиональных преступников. Однако несмотря на перспективность исследования данного направления, «дно» преступности длительное время оставалось малоизученным в советской криминологии, чему в немалой степени способствовало ошибочное мнение о невозможности формирования субкультуры в социалистическом обществе (больше было споров по поводу правомерности употребления термина «субкультура»). Между тем субкультура уголовной среды, включающая неформальные нормы поведения, установки, особый язык (жаргон), манеры, песни, татуировки, свойственное ей отношение к закону и т. п., выполняет те же функции, что и культура, однако во всем ей противореча и являясь ее антиподом. Без знания этой субкультуры трудно иметь реальное представление о сплоченности профессиональных преступников, об изменении их психологии, что, естественно, затруднит выработку мер профилактического характера. Поэтому не случайно вопросы субкультуры уголовной среды, которые, кстати, начали изучаться криминологами ряда социалистических стран еще в 70-е годы, находят теперь свое отражение и в некоторых наших исследованиях. Правда, область таких изысканий пока ограничена чаще всего рамками пенитенциарной практики. В этой связи нам видится задача раскрытия через субкультуру особенностей внутренней жизни профессиональных преступников, преимущественно тех, что типичны для условий свободы.

То, что уголовно-воровские нормы существуют в реалиях, — явление бесспорное. Из числа опрошенных его подтвердили 83,1% оперуполномоченных органов внутренних дел и абсолютное большинство оперативных работников ИТУ. Нас же, практических работников этих органов, в данном случае интересует не просто констатация проблемы, а механизм действия субкультуры применительно к тем или иным категориям преступников. Поскольку ее элементы не могут проявляться в равной мере у различных правонарушителей, то методи-

[1] См.: Коган В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. С. 140.

чески целесообразно определить виды профессиональных преступников и уже применительно к ним рассмотреть особенности неформальных норм и уголовно-воровских традиций.

Современная уголовная среда представлена шестью основными категориями преступников, пять из которых составляют ее профессиональное ядро. К ним относятся «воры в законе», «авторитеты», «дельцы», «каталы», «шестерки» (к непрофессиональным — «мужики», «пацаны», «обиженные» и «опущенные»)[1]. Рассмотрим каждую категорию в отдельности[2].

«Воры в законе»

Это лица (как и в 50-е годы), получившие такое название на специальной воровской сходке, как правило, неоднократно судимые и глубоко усвоившие криминальную субкультуру. Они по-прежнему считаются «идейными» преступниками. Абсолютное их большинство судимо за корыстные, корыстно-насильственные преступления и сбыт наркотических веществ. Средний срок отбытого наказания в местах лишения свободы достигает, по нашим данным, 13—15 лет.

Как и раньше, вступление в сообщество ограничено и связано с соблюдением ряда формальностей. Основные требования к кандидатам следующие: преданность воровской «идее»; обладание организаторскими способностями и преступным опытом; знание воровских «законов»; отсутствие «компрометирующих» данных (служба в армии, работа в ДНД, членство в ВЛКСМ, государственные награды); наличие авторитета среди профессиональных преступников, письменные или устные рекомендации от них. Однако по неформальным нормам поведения нынешние «воры в законе» существенно отличаются от группировок рецидивистов 50-х годов.

Перечисленные выше условия в целом соблюдаются, но даже в этой, своего рода элитарной среде проявляется все сильнее заявляющая о себе паразитарно-анархическая сущность современного профессионального преступника. По выражению одного рецидивиста, «то, что когда-то считалось неполноценным, сегодня

---

[1] Жаргонные обозначения оставлены без изменений для более яркого отражения сущности криминальной стратификации.

[2] Бóльшая часть этих категорий вошла в типологию уголовных элементов, разработанную с участием автора в целях использования в практической деятельности сотрудников органов внутренних дел.

напротив, возвеличено, то, что презиралось, ныне возвышено».

Психология воров, особенного нового их поколения, претерпела существенные изменения, а вместе с тем модифицировались и сами «законы». При изучении личности 73 «воров в законе» оказалось, что 11 из них не имели судимости. Столь грубое отступление от воровских традиций было связано с тем, что прием осуществлялся за деньги. Подобные случаи вступления в сообщества «за взятку» стали распространенными и способствовали разделению преступников на «новых» и «старых». Новое поколение считает допустимым такой прием, с помощью которого идет пополнение денежных фондов.

Современные «воры в законе» в отличие от воров 50-х годов стараются тщательно маскировать свой антиобщественный образ жизни под внешне законопослушный. Изменилось и само понятие преступника данного типа. Во-первых, сам он уже не совершает преступлений, а делает это с помощью других лиц («пехоты»). Во-вторых, его деятельность связана преимущественно с решением организационных вопросов, нередко таких, за которые в 50-е годы сходка приговаривала к смерти. В частности, «вор в законе» стремится устанавливать контакты с работниками правоохранительных органов и иных административных учреждений, он может отступать от любых неформальных норм, лишь бы это шло на пользу ему и его окружению. В-третьих, он отходит даже от занятия кражами. Только четвертая часть изученных «воров в законе» имела косвенное отношение к тайному хищению чужого имущества. Остальная масса занималась организацией рэкета, азартных игр и преступлений, связанных с наркоманией. Таким образом, можно сделать вывод, что понятие «вор в законе» трансформировалось и приобрело совершенно иную, причем более социально опасную криминальную окраску.

Тем не менее сегодня следует различать две категории «воров в законе»: лиц, жестко придерживающихся старых воровских традиций (они получили название «нэпманских воров»); преступников, модифицирующих старые положения блатного «закона», устанавливающие новые неформальные нормы поведения применительно к изменившимся социальным условиям. Между ними ведется борьба, в основе которой стоит неприемле-

мость «старыми» новых воровских установок. Они обвиняют новое поколение «законников» во лжи, корысти, называют их «сторожами» расхитителей и пытаются подорвать их авторитет в среде уголовных элементов. «Новые» стремятся путем подкупа и угроз привлечь на свою сторону наиболее авторитетных представителей старой группировки[1], а нередко уничтожают их физически.

В целом для данной категории профессиональных преступников типичны следующие принципиальные неформальные нормы поведения, определяющие структуру группировки и некоторые ее функции:

пропаганда преступного образа жизни, воровской «морали», «этики», «справедливости», активное расширение своего окружения путем вовлечения молодежи, усвоившей воровские обычаи и традиции;

поддержание тесной связи с лидерами других организованных сообществ, оказание на них влияния, определение «воровской тактики» и формулирование новых неформальных норм поведения;

организация общих денежных фондов и их пополнение;

выявление расхитителей, мошенников, спекулянтов и иных лиц, живущих на нетрудовые доходы, с целью установления контроля за ними;

оказание материальной помощи осужденным ворам, их семьям и другим лицам из их окружения;

принятие коллективных решений о проведении воровских сходок и по вопросам, рассматриваемым на них. Повестка сходки определяется в отличие от 50-х годов не одним вором, а группой лиц («сообщаковой братвой»). Обсуждаемые вопросы предварительно ворам не сообщаются, интересоваться ими не принято и считается подозрительным. Воровская сходка — это форма коллективного решения наиболее важных вопросов «воровской жизни», таких, например, как определение источников пополнения денежных фондов, ликвидация лиц, предавших интересы сообщества, разрешение каких-либо противоречий, возникающих в среде преступников, изменение форм и методов противоправной

[1] На открытом научно-практическом семинаре, проходившем во ВНИИ МВД СССР 16 декабря 1986 года, работниками ИТУ отмечалось, что в ряде регионов «старым» ворам выплачивается из воровских касс «пенсия» взамен присутствия их на сходках без права решающего голоса.

деятельности. Места сходок определяются заранее, для чего используются любые благоприятные легальные условия — свадьбы, крестины, именины и даже похороны. В условиях ИТУ сходки нередко организуются в областных, межреспубликанских и республиканских больницах для лечения осужденных;

ведение контрразведывательной работы в отношении действий сотрудников уголовного розыска, что нередко достигается с помощью коррумпированных связей; распространение ложных слухов, дезинформирующих главарей соперничающих группировок; обеспечение безопасности лидеров уголовной среды;

осуществление судейских функций по разрешению возникающих среди преступников конфликтов, рассмотрению совершенных ими проступков и нарушений норм воровской «морали», определение мер наказания виновным.

В исправительно-трудовых учреждениях эти особо опасные лидеры помимо названных выше неформальных установок придерживаются некоторых особых норм поведения, обусловленных спецификой условий нахождения осужденных в изоляции. Они должны:

общаться только с лицами, себе подобными либо приближенными к воровской касте;

все недозволенное в ИТУ делать через посредников, для чего иметь так называемую «пристяжь» (своего рода услуг). Ее составляют лица, выполняющие за «вора» черновую работу, отдельные поручения («шестерки»), берущие его вину на себя («громоотводы»), выполняющие карательные функции («быки», «солдаты»);

иметь нелегальный канал связи с внешним миром («дорогу»), по которому осуществляется доставка запрещенных предметов, денег и продуктов питания;

руководить группировкой отрицательной направленности, которая по их заданию распространяет ложные слухи в отношении осужденных, вставших на путь исправления, «обрабатывает» вновь прибывших в зону осужденных, искаженно толкует советское исправительно-трудовое законодательство и т. п.;

занимать наиболее удобные, лучшие места в общежитиях, камерах (около окон, в углах, на первых ярусах коек, нар), столовых, банях, клубах и т. п., что делается в ущерб другим осужденным;

тактически умело подрывать авторитет администрации и актива осужденных, используя допущенные ими

ошибки и просчеты, при необходимости провоцировать отдельных сотрудников ИТУ и членов актива на допущение срывов, ошибок; выполнять указания администрации с выгодой для себя и приближенных осужденных, не давать работникам ИТУ никакой информации о внутренней жизни осужденных;

изыскивать возможность работать на престижных, легких работах (бригадирами, нарядчиками, парикмахерами, банщиками), не участвовать в ремонте и строительстве инженерно-охранных сооружений, выполнять нормы выработки за счет других осужденных;

активно выявлять среди работников ИТУ и военнослужащих охраны лиц, могущих вступить в противоправные контакты;

носить по возможности форму неустановленного образца, иметь широкий ассортимент предметов туалета[1].

«Авторитеты»

Это профессиональные преступники, занимающие определенное положение в уголовной среде, пользующиеся в силу разных причин и обстоятельств признанным авторитетом. Такие лица есть среди карманных и квартирных воров, мошенников, расхитителей социалистического имущества, скупщиков и сбытчиков антиквариата и других преступников.

Эта категория дифференцируется на две группы. Первую условно можно отнести к приближенным «воров в законе», из них рекрутируется воровское сообщество. В зависимости от особенностей преступной деятельности и местных, региональных условий «авторитеты» получили разные жаргонные обозначения, что создало неправильное мнение о большом числе самостоятельных, обособленных группировок, имеющих якобы присущую им иерархию,—«фрайера», «козырные фрайера», «блатные», «свояки» и т. п.

Вторая группа преступников является независимой в силу своих материальных возможностей. Она имеет окружение, личную охрану, консультантов. Чаще всего в роли «авторитетов» выступают крупные шулера и вымогатели, с которыми «воры в законе» вынуждены считаться и идти на определенные компромиссы.

В целом анализируемая категория преступников придерживается правил поведения, характерных для «воров в законе», но в отличие от них не может:

[1] В обобщении этих неформальных норм принимал участие доцент Академии МВД СССР Якушин Н. М.

созывать воровские сходки, организовывать общие денежные фонды в местах лишения свободы или распоряжаться средствами созданных «касс»;

участвовать в воровских сходках с правом решающего голоса, принимать решения, относящиеся к компетенции «воров в законе»;

осуществлять судейские функции, за исключением права разрешать конфликты, возникшие в своем окружении.

Отдельных лиц из числа этой категории преступников «воры в законе» назначают ответственными за определенный участок противоправной деятельности. Но может быть выдвинуто и другое лицо, которое сразу же занимает положение «авторитета» зоны; в отдельных случаях ему выдается документ («мандат»), подтверждающий полномочия. Более того, если в ИТУ того или иного региона нет «воров в законе», то «смотрителя зоны» назначают преступники, находящиеся на свободе.

«Дельцы», «цеховики»

К ним относятся лица, совершающие преступления в сфере экономики и хозяйствования. В числе «дельцов» — спекулянты, должностные преступники, расхитители, валютчики, «цеховики» — лица, занимающиеся противоправной частнопредпринимательской деятельностью, создавшие цеха по выпуску неучтенной продукции. Это очень многочисленная и разветвленная в масштабе страны группа профессиональных преступников, имеющая свои структурные образования и связи, «мораль», неформальные предписания и санкции. Причем многие атрибуты их субкультуры как наиболее оптимальные для современных условий были трансформированы в традиционную уголовную среду и ею приняты, в частности, это — создание денежных фондов в условиях свободы и третейских судов.

В 70-е годы, используя организационные недостатки в экономическом механизме нашего государства, эта категория преступников значительно активизировала свою деятельность. Характерно то обстоятельство, что их первоначальная глубоко законспирированная деятельность стала постепенно принимать легальные формы. «Бизнесмены»,— писал заведующий сектором Института социологических исследований АН СССР Е. Андрющенко, — действовали прежде скрытно, и постепенно подпольная торговля дефицитом, основанная

на строжайшей тайне, наглея, чванливо выползла наружу»[1].

Своеобразной иллюстрацией этому служит «моральный кодекс расхитителя[2], постулаты которого ярко свидетельствуют о существовании опасной субкультуры данной категории преступников, причем далеко не блатной, а скорее буржуазной ориентации. Есть в этом «кодексе» и такое правило: веди неприметный «честный» образ жизни, будут тебе почет, уважение, премии, грамоты. Для тебя это не имеет никакого значения — из них штаны не сошьешь, но очень важно для маскировки. Помни всегда и везде: круговая порука и выручка — основной закон жизни и процветания торгашей.

Комментарии здесь излишни.

«Каталы» Профессиональные преступники, занимающиеся азартными играми. Данная разновидность преступников возникла на основе преступной деятельности и субкультуры шулеров. Она «весьма рекламно распространила свое влияние после того, как в ее среду влились известные «воры в законе», внесшие свои идейные доктрины и прежде всего сбор воровского общака, т. е. материальных средств, с помощью которых осуществляются желаемые связи с коммерсантами-дельцами, цеховиками, морально неустойчивыми работниками милиции, прокуратуры»,— пишет в своем письме П. И. далее: «...в преступном мире «катала» абсолютно ничего не значил хотя бы потому, что был «катала», а в воровских принципах подобная категория лиц дискредитирована, т. е. отодвинута на самый задний план. И если сегодняшний жаргонный неологизм в уголовной лексике — «катала» что-то значит, то буквально в 60-е годы их просто именовали «черниушниками».

Данная характеристика достоверно отражает процесс формирования этой категории лиц. Не совсем верно лишь то, что в 60-е годы они ничего не значили в уголовном мире. Если их «статус» рассматривать с позиций «вора в законе», как это делает автор, то он не ошибается. В криминологическом же аспекте необходимо учесть два важных обстоятельства. Первое заключа-

---

[1] Андрющенко Е. Умение жить // Лит. газета. 1986. 7 мая.

[2] См.: Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации. С. 68.

ется в том, что уголовные традиции шулеров гораздо глубже, чем обычаи «воров в законе». Второе — организованная деятельность карточных мошенников сложилась в конце 60-х годов, когда «законники» маскировались под обычных правонарушителей («мужиков»), а многие из них выполняли функции охранников у крупных шулеров. Уже в то время «каталы» собирались на специальные сходки («съезды»), делили сферы своего влияния, имели телохранителей.

В середине 70-х годов среда «катал» разрасталась за счет «переквалификации» многих правонарушителей, избравших своей новой «профессией» азартные игры, в том числе мошеннические. В настоящее время вокруг «игроков» формируются своеобразные объединения уголовных элементов, чему способствуют специальные игорные притоны — так называемые «катраны». Места для устройства азартных игр технически оснащены и глубоко законспирированы. У «катал» существуют многие виды азартных игр и различные правила, регулирующие порядок уплаты долга, размер пени за просроченный долг, причем действуют они на территории всей страны.

«Шестерки» Категория преступников, стоящая на низшей ступени иерархии, занимающая как бы рядовое положение среди описанных выше «авторитетов». В некоторых регионах их жаргонное обозначение другое. Так, в Якутии они называются «чичаками» («чичак» в переводе означает «птичка»). Преступная деятельность «шестерок» связана с непосредственным совершением преступлений, выполнением поручений лидеров уголовной среды. Они, например, выступают в роли «наводчиков», сбытчиков похищенного, посредников, связников, сборщиков денежных средств и т. п. В условиях свободы «шестерки» могут возглавлять преступные группы, иметь свое окружение, но при этом строго подчиняются уголовному «авторитету». В местах лишения свободы они составляют окружение лидеров, их прислугу.

Кроме перечисленных пяти категорий профессиональных преступников есть, как уже отмечалось, и другие, о которых необходимо знать, поскольку именно за их счет существует и пополняется основная масса лидеров уголовной среды. Однако эти категории характерны только для мест лишения свободы, к ним относятся:

«Мужики» и «пацаны» (молодежь, переведенная из ВТК) Это лица, осужденные, занимающие обособленное положение по отношению к другим неформальным объединениям осужденных. По своему составу и положению они неоднородны. Многие из них, особенно осужденные за хозяйственные преступления, вступают в актив ИТК, хорошо работают, лояльно относятся к администрации и правилам внутреннего распорядка, имеют намерение условно-досрочно освободиться (что недопустимо среди «авторитетов», по крайней мере во внешнем проявлении).

Вместе с тем некоторая их часть, преимущественно молодежь («пацаны»), осужденная за разбои, грабежи и кражи, стремится примкнуть к «ворам в законе». В тех ИТУ, где влияние последних ощутимо, они придерживаются определенных воровских норм поведения. Причем в ИТУ республик Средней Азии и Грузии «законников», по мнению самих преступников, поддерживают до 80% и даже до 100% осужденных, в РСФСР — в колониях строгого и особого режимов — 50%, усиленного режима — еще меньше, а в колониях общего режима вообще мало кто их знает.

Для лиц, поддерживающих «воров в законе», типичны следующие особенности поведения:

стремление быть независимыми, одобрение и выполнение общих неформальных норм, сложившихся в среде осужденных;

обращение с жалобами к «ворам в законе» в случае ущемления их прав со стороны членов других группировок;

уклонение от уборки мест общего пользования;

стремление иметь запрещенные предметы.

С целью получения льгот они проникают в актив осужденных и живут по принципу «себе на уме».

Необходимо отметить, что среди «мужиков», содержащихся в колониях строгого, особого режимов и тюрьмах, в последнее время выделяется особая разновидность осужденных, именующих себя «бандитами». Действуют они и в условиях свободы. Их основная цель — противостоять, мстить «ворам в законе» и их пособникам. В отличие от основной массы «мужиков» эта категория представляет собой организованную часть осужденных, имеет своих лидеров, общую кассу. Они выявляют «законников», стремятся их скомпрометировать, в том числе посредством провокаций. В колониях, где

авторитет «бандитов» высок, они совершают над «ворами» акты мужеложства («опускают»), после чего последние теряют авторитет даже среди своего окружения.

«Обиженные» или «опущенные»

Это осужденные, которые отвергнуты всеми другими. Данная категория формируется в процессе противоречий, возникающих между осужденными в СИЗО, ВТК, ИТК и тюрьмах из числа лиц, подвергнутых насильственному гомосексуализму, осужденных за пассивный гомосексуализм, развратные действия в отношении малолетних детей, изнасилование несовершеннолетних. Характерно, что эти лица крайне отрицательно относятся к «ворам» и их пособникам, но между ними как в местах лишения свободы, так и вне их отсутствует устойчивая связь (они не объединяются в группировки, не живут так называемыми «семьями»). После освобождения из ИТУ часть их пополняет ряды бродяг.

«Достойная» смена

Исследование показало, что аналогичные стратификационные процессы наблюдаются среди несовершеннолетних устойчивых преступников. Они также дифференцируются на категории, придерживающиеся уголовно-воровских традиций и занимающие определенное положение в криминальной среде. По данным Н. М. Якушина, в последние 15 лет выделились такие категории несовершеннолетних преступников, которые, будучи связаны неформальными нормами, получили название «воров в законе», «шерстяных», «борзых», «пацанов», «опущенных» и т. п. Это наблюдается как в условиях свободы, так и в целом ряде специальных школ для несовершеннолетних правонарушителей, в ВТК. Участники неформальных групп несовершеннолетних[1] во многом копируют свой антиобщественный образ жизни с профессиональных преступников, при этом модифицируя их «законы» и традиции применительно к специфике ВТК и подростковой психологии, устанавливают новые пра-

[1] Здесь не имеются в виду молодежные неформальные группы под названием «рокеры», «фанаты», «качки», «пацифисты», «панки», «металлисты» и т. п. В целом это явление прямого отношения к нашей проблеме не имеет. Более того, группировки уголовно-воровской ориентации не воспринимают этих молодежных течений и относятся к ним отрицательно. Однако случаи создания организованных групп из участников таких объединений молодежи не исключаются и, более того, уже отмечены судебной практикой.

вила межличностных отношений, которые по жесткости и «принципиальности» значительно превосходят нормы, бытующие у взрослых преступников. Заражение воровскими «идеями», как показало изучение, наиболее типично для областных и межреспубликанских больниц, где концентрируются «воры в законе» и где несовершеннолетние находятся вместе со взрослыми, имея возможность постоянного с ними контакта.

Типичным отражением уголовно-воровских традиций в поведении несовершеннолетних являются создаваемые ими группировки в г. Казани, Ульяновске, Йошкар-Оле, которые помимо всего прочего собирают средства для общих касс профессиональных преступников с целью оказания помощи осужденным, находящимся в местах лишения свободы[1].

Не попавшие в касту

Кроме перечисленных выше уголовно-профессиональных категорий существует значительное число преступников, формально в их состав не включенных, находящихся как бы за их рамками. Они имеются среди воров, мошенников, грабителей, вымогателей и достаточно полно усваивают статус профессионального преступника в среде уголовных элементов. Не случайно при распределении осужденных по производственным бригадам большинство из них стремится попасть в те коллективы, где есть лица, судимые за аналогичные преступления. То же самое отмечается в поведении профессиональных преступников, находящихся в условиях свободы. У карточных мошенников, например, существуют правила, обязательные как для участников групп, так и для профессионалов-одиночек, особенно касающиеся безопасности совершения преступлений, уплаты долга, опознания лиц, принадлежащих к категории шулеров. Карманные воры выработали даже специальный термин «блат блатованный», что означает обязательное оказание помощи группе в случае обнаружения наблюдения со стороны милиции карманником, не входящим в ее состав и оказавшимся на месте случайно. Более того, профессиональные преступники, не объединенные рамками неформальных групп, часто знают друг друга, посещают одни и те же места времяпрепровождения, обращаются по тем или иным вопросам к «авторитетам» уголовной среды.

[1] См.: Щекочихин Ю. (материалы «круглого стола»). Экстремальная модель // Лит. газета. 1988. 12 окт.

Система криминальной информации

Важный элемент субкультуры профессиональных преступников — постоянное осуществление связи между ними и способы передачи информации. Эта система совершенствовалась многими поколениями профессионалов. Одним из основных способов является зашифрованная информация, передаваемая через связника, что чаще всего наблюдается в местах лишения свободы (к этому прибегал еще преступный мир дореволюционной России). Сведения шифруются цифрами на бумаге, материи либо в печатных изданиях (книгах, журналах) и обязательно подписываются составителем. У каждого «вора в законе», например, есть своя подпись, которая заранее известна адресату: указываются первые буква имени и клички автора письма. Такого рода переписка называется в уголовной среде «ксивами» или «малявами». Если письма носят характер «инструкции», то их подписывает группа лиц, от имени которых они составлены.

Следует отметить, что такие письма являются своего рода охранными грамотами. Связника никто не имеет права обидеть, притеснить, наоборот, все уголовники обязаны оказывать ему содействие.

Информированность профессиональных преступников и способы передачи тех или иных сведений характеризуются исключительной оперативностью (быстротой). Так, при переводе осужденного из одной колонии в другую, не зная заранее, когда именно и куда его направляют, преступники через одну-две недели узнавали о его новом месте отбытия наказания и организовывали преследование, если он предал их интересы.

Небезынтересно отметить, что профессиональные преступники применяют не только современные коды, но и положения тарабарской грамоты феодальной России.

Блатные санкции

Особенностью субкультуры профессиональных преступников является ее непосредственная связь с поддержанием дисциплины и безопасности в их среде. Поэтому не случайно вводятся клятвы[1], устанавливаются санкции за допускаемые нарушения уголовно-воровских норм, суще-

[1] Клятва «воров в законе» начинается с таких слов: «Я ... клянусь в преданности преступному миру, душой и телом сохраню идею справедливых людей...»

ствуют третейские суды. Абсолютное большинство из числа опрошенных оперативных работников уголовного розыска подтвердили распространенность в преступной среде различных видов наказания и встречались с ними в своей практической деятельности, в том числе: 62,2% из них были очевидцами избиения; 26,7% — наложения штрафных санкций; 22,2% — лишения жизни; 74,4% — угроз[1].

Однако на смену физическим мерам воздействия[2] все чаще стали приходить меры материального характера. Особенно к ним тяготеют спекулянты, расхитители, карточные мошенники, сбытчики культурных ценностей. Штраф может назначаться за опоздание на деловую встречу (стоимость одной минуты колеблется от 25 до 100 руб.), за обман, непроверенные сведения, невыполнение обязательств и т. п. Сумма штрафа определяется в зависимости от тяжести совершенного проступка. Например, в Узбекской ССР при освобождении из мест лишения свободы «вор в законе» М. самовольно взял из общей кассы 40 тыс. руб., на которые купил автомашину и дом. После проведенного разбора постановлением «сообщаковой братвы» его обязали вернуть деньги и уплатить штраф в размере 60 тыс. руб.

С целью недопущения перерастания конфликтов в открытую борьбу, которая может привлечь внимание работников правоохранительных органов[3], а также восстановления «справедливости» профессиональные преступники имеют третейские суды. В роли судей выступают, как правило, «воры в законе» (у расхитителей — свои судьи), а при возникновении конфликта между двумя группировками из разных городов участвуют лица из третьего города. Что касается многочисленных споров, постоянно возникающих между преступниками,

---

[1] Превышение 100% объясняется тем, что некоторые работники называли сразу несколько видов наказания.

[2] В банде Талды, разоблаченной в 1986 году в г. Кривом Роге, два ее члена были убиты по мотивам «неблагонадежности».

[3] При проведении соответствующего изучения в г. Тамбове был выявлен факт борьбы между двумя группировками преступников («воров» и «шпаны»), в результате которой убито шесть участников враждующих сторон (1977 г.). Только своевременное вмешательство работников милиции, установивших причины совершенных убийств, позволило ликвидировать конфликт, к которому намеревались присоединиться преступники из соседних областей. Аналогичные конфликты с применением оружия произошли в 1987 — 1989 гг. в Москве и Московской области.

то они решаются на так называемых «разборах» и «правилках», на которых также имеется представительное лицо. От «суда» такие формы отличаются упрощенным порядком разрешения незначительных конфликтов. Однако именно здесь чаще всего возникают вооруженные столкновения[1].

Жаргон профессиональных преступников

Сопоставление словарей «блатной музыки», других работ по этой проблеме, изданных в дореволюционной России и 20-е годы, с современным жаргоном обнаружило существенные количественные и качественные лингвистические изменения и позволило сделать вывод о том, что уголовный жаргон как самостоятельная часть субкультуры существует и имеет тенденцию к дальнейшему «совершенствованию». Криминальный жаргон современных преступников включает около 10 тыс. слов и выражений[2], что более чем в 2,5 раза превышает количество жаргонизмов преступного мира царской России. Вместе с тем жаргон ряда категорий преступников по лексике и функциям остался почти без изменений.

Установлено, что у карманных воров насчитывается более 400 специальных терминов, отражающих специфику их преступной деятельности, у карточных мошенников — 200, у воров антиквариата — около 100, у распространителей наркотических веществ — также около 100. Существует свой профессиональный жаргон у фарцовщиков, мошенников, «ломщиков» и «наперсточников». Полностью сформировался жаргон спекулянтов, валютчиков, расхитителей и иных групп преступников.

Поскольку жаргон преступников — не что иное, «как профессиональная лексика, которая сродни профессиональной лексике музыкантов, моряков, сапожников и т. п.»[3], он играет не только коммуникативную, но и техническую роль в преступной деятельности. В 50% случаев совершения преступлений к нему прибегают карманные воры, 70—80% — шулера, почти в 100% —

---

[1] Вооруженные инциденты при «разборах» зафиксированы в конце 70-х — начале 80-х годов в Москве (парк «Сокольники»), Московской области (ресторан «Русь»), Ставропольском крае (на острове «Зеленый мыс») и в других местах.

[2] Мы не включаем сюда молодежный жаргон, насчитывающий более 2 тыс. слов.

[3] Леньтьев А. А., Шахнарович А. М., Батов В. И. Речь в криминалистике и судебной психологии. М., 1977. С. 52.

сбытчики похищенного антиквариата и расхитители. Особенностью современного профессионального жаргона являются его региональные диалекты, а также относительно быстрое пополнение новыми жаргонизмами в связи с устареванием многих слов и выражений, но главным образом из-за их известности органам милиции. Существенное влияние на развитие жаргона преступников оказывает «молодежный» жаргон, наполовину состоящий из словосочетаний и сокращений иностранных слов, преимущественно английских.

Татуировки — визитная карточка преступника

Татуировки в настоящее время — также распространенное в уголовной среде явление. Наличие у человека татуировок уголовно-воровского содержания, как и владение жаргоном, характеризует его внутренний мир, отношение к занятию, к тем или иным моральным ценностям. Татуировки уголовного характера свидетельствуют либо о принадлежности лица к определенной категории преступников (карманному, квартирному вору, наркоману, «вору в законе»), либо о тяготении к ней. Не случайно поэтому среди лиц, впервые осужденных, удельный вес татуированных, по данным Л. А. Мильяненкова, достигает 60%, что во много раз превышает аналогичный показатель преступников 20-х годов. Количество татуированных осужденных в зависимости от числа судимостей, по даным А. Г. Бронникова, колеблется в пределах от 75 до 95%, а не 2 — 3% от общей массы, как утверждают некоторые авторы. Вместе с тем нельзя не отметить, что в целом татуировки не играют той коммуникативной роли, которая отводилась им до начала 70-х годов. Современные наиболее опытные профессиональные преступники стремятся не татуироваться и уничтожить старые рисунки, что вполне объяснимо в условиях усиления социального контроля.

Татуировки преступников можно разделить на два вида — старые и новые. Первые характерны для рецидивистов, начавших совершать преступления в 30 — 50-е годы и поэтому хорошо знающих их символику. Новые рисунки связаны с изменением структуры уголовной среды, ее психологии и большей частью несут в себе сюжеты, «работающие» на эмоциональное восприятие. Однако при этом не исключается и символизирующее направление татуировок. Причем часть рисунков прошлого по-прежнему хорошо известна и современным пре-

ступникам, что лишний раз убеждает в преемственности уголовных традиций. Вывод о том, что татуировки по-прежнему сохраняют блатиую символику, причем криптографического свойства, подтверждается исследованиями. Например, «паук в паутине» означает иаркомана, «гладиатор» — хулигана, «крест» — карманного вора и т. д. Таким образом, татуировки представляют криминологический интерес не только в аспекте познания субкультуры, но и в прикладном плане.

Кличка — второе имя

Клички преступников, с одной стороиы, несут на себе печать традиционности, а с другой — выполняют чисто конспиративную функцию, так как многие профессионалы знают друг друга только по прозвищам. Уголовные клички имеет подавляющее большинство рецидивистов и лиц, длительное время заиимающихся преступной деятельиостью, поэтому они существуют почти у всех карманных и квартирных воров, шулеров, сбытчиков наркотиков и других профессиональных преступииков. Кличка — обязательный атрибут участиика организованной группы. По нашим данным, ее имели 99% лиц, осужденных за преступления, совершенные в форме организованного соучастия. Особенностью блатных кличек является их постоянство. Даже если преступник сменит фамилию и перейдет иа нелегальное положение, для сообщников он попрежнему останется «Япоичиком» или «Бухариком».

Другая особенность клички заключается в отражении фамилии, физических или психологических черт и свойств ее носителя. Если, иапример, Кудрявый — то это в действительности, наоборот, лысый, если Шлепнога,— значит хромой, если Комар — то возможна фамилия Комаров.

Правда, есть и исключения. К ним прибегают авторитеты преступного мира, дабы кличкой привлечь к себе внимаиие. Так, одии из преступников имел кличку «Патриарх разбойников», другой присвоил себе прозвище «Японч
ик», что, очевидно, должно было ассоциироваться с известиым в 20-е годы бандитом-анархистом Мишкой Японч
иком.

С песней по жизни

В уголовной среде по-прежнему распростраиено так называемое блатиое творчество — воровские песни, поговорки. Характерным здесь является замеиа сеитимеитальных сюжетов и образов на сцены насилия и жестокости. Осо-

бенно это типнчно для несовершеннолетних н молодых, которые посредством такого творчества самоутверждаются: затянет песню «Идет конвой» н вроде бы сразу предстает эдакнм видавшим внды «блатняком».

ОРГАНИЗОВАННЫЕ ФОРМЫ КРИМИНАЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛИЗМА

Криминальная консолидация — процесс объективный

Прн характернстнке состояния и особенностей современного криминального профессионализма так нлн нначе затрагивалнсь вопросы организованной деятельностн профессиональных преступннков сходки, третейские суды, материальная база и другие элементы органнзации. Это объясняется тем, что специфика деятельности профессиональных преступников, их многочнсленные связи и неформальные нормы поведення объектнвно создают ее организованные формы, способствующие относительной безопасности, регулирующие те илн иные стороны противоправной жнзни. Органнзованность преступников — явление опасное и пока что недостаточно изученное.

Проблема изучения органнзованных групп рассматривается, как правнло, в рамках ннститута соучастия с позиций уголовного права, поэтому научные дискуссии велнсь в основном вокруг тех или иных форм участия в преступлениях и видов соучастников. Причем бóльшая часть теоретнческнх нсследований относится к прошлым десятилетням, когда преступность характеризовалась иными качественными показателями. Однако н тогда к признакам организованной группы ученые относнлн (каждый выделял однн или два основных признака) наличие главаря, планирование преступлений, распределение ролей между соучастникамн, устойчивость группы. Другне авторы указывали на совокупность этих элементов. Так, В. Зенин н Л. Кругликов писали, что, располагая признаками, характерными для всякой группы лиц, организованная группа отличается от иных разновидностей преступных объединений степенью организованности, устойчивостью состава (наличие постоянного ядра), сплоченностью членов группы, тщательным распределением ролей, подчас со своеобразной «специалнзацией» преступников, входящих в

ее состав[1]. Не вдаваясь в полемику относительно предлагаемого авторами уголовно-правового понятия организованной группы, в котором есть взаимоисключающие признаки (например, распределение ролей и своеобразная специализация, наличие ядра и сплоченность), отметим, что эти и другие авторы справедливо, на наш взгляд, акцентируют внимание на признаках, характеризующих ту или иную организационную деятельность, хотя и не всегда учитывают при этом степень и характер организации, ее структуру и преступную направленность[2].

Проведенное исследование позволило установить неоднородность организованных сообществ, без учета которой трудно измерить степень их общественной опасности, выявить особенности структуры групп, ролевые функции соучастников, а также новые элементы и звенья их преступной деятельности, определить зависимость последних от экономических, социальных и правовых изменений в обществе. Если руководствоваться старыми определениями организованной группы, то в один ряд становятся и одинаково оцениваются группы «пляжных» воров и преступные объединения вымогателей из 70 — 100 человек, имеющие внутриструктурное деление, располагающие внешними криминальными связями. Отсюда объективно возникает необходимость в классификации организованных групп, которая повлечет иную уголовно-правовую оценку форм соучастия.

Но главное даже не в самой классификации, а в выявлении с помощью ее негативных тенденций в современной групповой преступности, определении степени корпоративности среды профессиональных преступников и разработке мер по ее разобщению. В том, что такая среда есть, мы убедились частично из содержания вышеописанных разделов работы. На это также прямо указывают опрошенные работники ИТУ. Из их числа 100% отрицательно ответили на вопрос о равном положении преступников в процессе общения, совместного

[1] См.: Зенин В., Кругликов Л. Совершение преступлений организованной группой как отягчающее ответственность обстоятельство // Сов. юстиция. 1981. № 19. С. 13.

[2] Неразработанность четких критериев привела к тому, что суды в единичных случаях применяли п. 2 ст. 39 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик, предусматривающие в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность, совершение преступления организованной группой.

отбывания наказания. О существовании определенной структуры уголовной среды, при которой одни лица подчинены другим, высказался 81% опрошенных. Из представителей уголовного розыска 70% лиц указали на увеличение количества преступлений, совершаемых в составе организованных групп, 97% — на существование лидеров уголовной среды. Наконец, нами проведено специальное интервьюирование работников ИТУ, из которых 82,2% отметили усиление процессов консолидации преступных элементов, в том числе 65,2% полагают, что в стране имеется какая-то часть профессиональных преступников, осуществляющая централизованное руководство определенными категориями антиобщественных элементов.

Еще более интересные данные получены при опросе работников уголовного розыска и предварительного следствия в ГУВД Мосгорисполкома, а также в ряде областей центральной России. Все проинтервьюированные назвали (в разной пропорции) признаки организованности, встречавшиеся в их практике, которые по ранее приведенной схеме Р. Колдуэлла относятся к типичным составным элементам организованной преступности.

Таким образом, речь уже должна идти не просто о группах, а о проявлениях организованной преступности, поскольку группы и иные объединения — это лишь ее формы. Не случайно на заседании Ученого совета ВНИИ МВД СССР в апреле 1987 года почти все выступавшие (в том числе руководители главков МВД СССР) признали наличие организованной преступности и необходимости ее дальнейшего изучения.

На данный аспект проблемы обратили внимание еще в 1983 году участники международного криминалистического симпозиума социалистических стран. Например, делегат из МВД ВНР отмечал, что современная преступность приобрела организованную форму, которая проявляется в подготовке преступлений, в разработке методов, затрудняющих их раскрытие, в сокрытии приобретенных ценностей или в организации их безопасного сбыта. Аналогично высказался представитель МВД НРБ.

На организованность и профессионализм в современной преступности обратила внимание и советская делегация. В этой связи закономерно встает вопрос о характере развития данного явления во времени. Из

проинтервьюированиых практических работииков 63% считают, что оргаиизованность в преступности утвердилась давно; 33,5% указывают иа то, что мы имеем дело с ее иачальным периодом (остальиые опрошеиные затруднялись ответить). Наше исследование свидетельствует о возникиовеиии такой преступности в конце 60-х — начале 70-х годов (в отдельиых республлнках — в середине 60-х). С этого времени иачали заметио изменяться и формы оргаиизованного соучастия в преступной деятельности.

В настоящее время насчитывается 14 основиых видов преступио-профессиоиальиой деятельиости, для которых типично организованное соучастие, — на это указалн практические работники. Однако в аспекте крнмниологии даниые вопросы входят в понятие групповой преступности и на статистическом уровие представляют лишь совокупиость преступлений, совершенных в соучастии. Подобный подход отражается и иа нормативной деятельности правоохраиительных органов, где одно понятие нередко подмеияется другим. Все это, по существу, уводит от проблемы организоваиной преступности, так как «при более внимательном рассмотреини (групповой преступности. — *А. Г.*), — отметил Ю. Д. Блувштейн, — возникает, однако, ряд непростых вопросов, с которыми итуиция справиться ие в состояиии»[1]. Чтобы ответить иа эти «непростые вопросы», необходимо проаиализировать организованные формы проявления кримииальиого профессионализма.

Для характеристики степеии и характера организованности преступиков представляется целесообразным отойти от традициоиного метода описания каждой из категорий групп (воровская, грабительская и т. п.) и, выделив признаки оргаиизацин, разработать типологию сообществ, показать их особенности. Отметим, что в число изучеиных иами групп входили: бандитские группы — 9,7%; корыстио-насильственные — 8,8%; мошеннические — 8,1%; воровские — 48,9%; универсальиые (все виды корыстиых и корыстно-иасильствениых преступлеиий) — 24,5%. Как видим, почти половина сообществ обнаружила воровскую специализацию. Две трети групп из числа всех изученных совершили пре-

---

[1] Блувштейн Ю. Д. Понятия в криминологии // Сов. государство и право. 1986. № 96. С. 77.

ступления, связанные с проникновением в жилище, более трети — в магазины, склады и другие объекты хранения государственного имущества. В каждом 16-м случае похищались денежные средства из сберегательных касс, касс предприятий, колхозов и совхозов.

Общими признаками организованности для обследованных сообществ явились: 1) соподчиненность участников; 2) устойчивость и общность целей; 3) наличие неформальных норм в межличностных отношениях и отношениях к самой деятельности; 4) организационно-тактический признак, включающий совокупность действий, обеспечивающих функционирование группы, — сбор информации, планирование преступлений, обеспечение конспирации и т. п.

Уголовные шайки — этап пройденный

К основным особенностям преступной деятельности организованных сообществ, отличающих их от шаек профессиональных преступников прошлых десятилетий, можно отнести:

совершение нетрадиционных преступлений, типичных по форме для гангстерских (бандитских) организаций буржуазных стран — шантаж (рэкет), похищение детей с целью получения выкупа или достижения иных целей (киднэпинг), участие на равных долях с расхитителями социалистического имущества в нелегальном производстве материальных ценностей, контроль нетрудовых доходов отдельных категорий граждан;

конспирация преступной деятельности с помощью постановки на учет в психоневрологических диспансерах, получения документов об инвалидности;

маскировка поведения участников групп под правопослушных членов общества. Почти две трети участников характеризовались положительно по месту жительства и работы. Наибольший удельный вес положительных характеристик оказался у членов бандитских объединений (свыше 90%), групп мошенников (100% — по месту работы и 79,3% — по месту жительства), воровских групп (до 80%);

стремление установить противоправные контакты с работниками правоохранительных органов и иных государственных учреждений: каждая пятая группа по линии уголовного розыска и каждая третья по линии ОБХСС была связана с работниками милиции, суда и прокуратуры;

разделение сфер и территорий своего влияния, подавление мелких групп более крупными и организованными;

универсальный характер деятельности, способствующий их мобильности и активности в достижении поставленных целей;

тенденция к игнорированию связей с лицами, ранее судимыми: каждая десятая группа не имела рецидивистов, однако по изощренности и конспирации превосходила группы, в которых участвовали ранее судимые;

появление новой формы руководства группой, когда ее управление осуществляется несколькими лицами («советом»);

сращивание групп общеуголовного профиля с объединениями расхитителей социалистического имущества;

повышение образовательного и интеллектуального уровня преступников. Не случайно удельный вес служащих оказался в 6—7 раз выше, чем в группах спонтанного характера, и составил 26%;

высокая техническая обеспеченность преступных групп нетрадиционными средствами — радиотехникой, боевым отравляющим газом типа Си-Эс и т. п.

Типология криминальных объединений

Указанные выше особенности преступной деятельности являются общими, но в конкретных сообществах они не всегда проявляются одинаково. Поэтому, как уже отмечалось, систематизировать их можно лишь на основе типологического анализа самих устойчивых групп. Значимость такого подхода имеет не столько теоретическую, сколько практическую сторону, особенно сейчас, когда в стране поднята проблема борьбы с организованной преступностью.

Однако в литературе не содержится четкого понятия форм организованности преступников. В них, например, фигурируют такие названия, как «организованные группы», «группировки», «опасные проявления групповой преступности», «воры в законе», «лидеры уголовной среды» и др. В этой связи на практике объективно возникли трудности в разграничении форм организованной преступной деятельности и в понимании самой проблемы. Более того, отдельные правоохранительные органы на обслуживаемой ими территории подобной деятельности «не обнаружили». В действительности же там не были выявлены преступные сообщества, занимавшиеся

шантажом и контролем расхитителей. Не случайно больше половины из числа опрошенных работников указали на необходимость теоретической разработки проблем организованной преступной деятельности.

Предпринимая попытку криминологической классификации организованных групп, заметим прежде, что мы не имеем в виду какое-либо централизованное сообщество, управляющее всеми профессиональными преступниками в стране. Таких сведений нет даже по преступному миру капиталистических стран. И здесь совершенно права А. И. Долгова, отмечая, что «современные группировки, кооперации преступников не делают их каким-то особым «классом», «партией» с централизованным управлением, не исключают их изолированности»[1].

Действительно, такие понятия, как «партия» и «класс», вряд ли применимы для понимания преступных организаций временного характера, и, очевидно, вообще не следует прибегать к ним при характеристике преступности. (Вряд ли можно назвать классом или партией «Коза Ностру» (кстати, такое название дали ей сами полицейские), хотя это один из мощных преступных синдикатов полулегального бизнеса.) Однако, что касается централизованного управления, то здесь не следует быть столь категоричными в суждении. Так, управление крупной группой расхитителей с региональными связями осуществляется только централизованно. То же можно сказать и о деятельности «воров в законе».

По нашему мнению, в основу типологии преступных сообществ целесообразно включить два основных критерия. Первый — это степень и характер сорганизованности, поскольку организацию следует рассматривать как особую и специфическую форму связи. Некоторые ученые и практические работники понятие «организация» (неформальная) ассоциируют по внешним признакам с официальными учреждениями (юридическими лицами), что в корне ошибочно. «Организация (если мы отвлечемся от обыденного употребления этого понятия в смысле государственного объединения, учреждения и т. д.) есть прежде всего процесс упорядочения положения элементов, их взаимосвязи в системе»[2].

---

[1] Долгова А. И. Системно-структурный характер преступности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1984. Вып 41. С. 16.
[2] Аверьянов А. Н. Система: философская категория и реальность. М., 1976. С. 34.

Второй критерий связан с направленностью действий организованного сообщества, так как по существующей в социальной психологии концепции «ведущим признаком, определяющим структуру микросреды, остается род деятельности человека»[1].

С учетом высказанных соображений и данных проведенного исследования, не претендуя на бесспорность, представляется целесообразным выделить следующие объединения преступников, при этом используя в большинстве их названий уголовно-правовую терминологию, закрепленную в законе (ст.ст. 39, 72, 77, 77[1] УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик): организованные группы; организованные группировки; бандитские формирования; преступные организации; кооперация «воров в законе»[2].

Организованная группа — это простейшая форма связи преступников для совместного совершения преступлений. Удельный вес таких групп в числе всех изученных нами сообществ составил 19%. В этих группах нет четко выраженного лидера, поскольку небольшой количественный состав (2—3 человека), общие интересы участников и их одинаковая криминальная квалификация не вызывают необходимости в более сложной структуре.

В подобных группах роли распределены заранее, приемы совершения преступлений четко отработаны, поэтому речь может идти лишь о предварительном выборе объекта посягательства, определении места и времени действий. К организованным группам чаще всего относятся группы мошенников, карманных и квартирных воров, спекулянтов винно-водочными изделиями.

Организованные группировки — более устойчивые объединения лиц, имеющие определенную соподчиненность (иерархию). Во главе данной общности стоит признанный лидер, руководящий всеми ее действиями. Здесь соблюдается жесткий принцип единоначалия: главарь определяет направленность группировки, планирует и готовит преступления, распределяет роли между соучастниками. Однако это может согласовываться и с другими членами объединения.

---

[1] Сычев Ю. В. Микросреда и личность. Философские и социальные аспекты М., 1974. С. 64.

[2] В отличие от анализа «воров в законе» как категории профессиональных преступников «кооперация» воров рассматривается как форма преступной организации.

Группировки возникают как в местах лишения свободы, так и вне их. В первом случае главарь группировки, как правило, подчиняется «вору в законе» или «пахану» зоны, во втором — действует самостоятельно. По численности группировка значительно превышает организованную группу и в среднем имеет семь-восемь активных членов.

Преступная деятельность группировки чаще всего связана с совершением различных имущественных преступлений, поэтому сопряжена с определенными криминальными ролями соучастников — воровской разведкой, сбытом похищенного, техническим обеспечением. Именно данный фактор определяет большее число участников и создает достаточно обширную периферию, в результате чего они связаны со скупщиками краденого, сбытчиками наркотиков, подделывателями документов, техническими работниками и т. п. В свою очередь это обстоятельство вызывает необходимость обеспечения мер конспирации, установления неформальных норм в межличностных отношениях и санкций за их нарушение. Главари группировок бывают осведомлены о других аналогичных сообществах, действующих в пределах города или региона. В нашем исследовании группировки составили около половины сообществ.

Бандитские формирования — это также форма организованного соучастия, которая в уголовно-правовом понимании заключается в создании вооруженной группы с целью нападения на государственные или общественные предприятия, учреждения, организации либо на отдельных лиц. Как видим, от группировки их отличает обязательность наличия оружия и преступная направленность — открытое нападение. В криминологической характеристике банд нами выявлены более жесткая подчиненность, высокая активность и исключительная безжалостность по отношению к жертве и соучастникам, нарушившим установленные главарем правила. В среднем на бандитскую группу приходилось 29—30 преступлений, количественный состав ее участников превышал 10 человек. В отличие от группировок банды не имели периферии и сохраняли своеобразную кастовость (замкнутость). Обращает на себя внимание также самый малый удельный вес ранее судимых лиц среди бандитов. Он составил 22,6%, в то время как в группировках доходил до 60%. Вместе с тем доля невменяемых (18,2%) в несколько раз превышала эту же категорию лиц по

сравнению с другими организованными формированиями. Почти половина главарей банд занимали определенные должности на предприятиях и в учреждениях, многие из них были связаны с работниками правоохранительных органов. Не случайно продолжительность времени действия в бандах оказалась больше, чем в организованных группах и группировках.

Преступные организации — это объединения лиц, степень организованности и характер деятельности которых несут в себе элементы организованной преступности в форме мафии. Несмотря на то, что советскому уголовному праву известно понятие преступной организации (антисоветская организация), эта форма объединения относится к новому явлению в уголовной преступности[1] и потому нуждается в более детальном освещении.

Преступные организации имеют пять основных признаков, совокупность которых позволяет отграничить их от прочих организованных сообществ. К ним относятся:

наличие материальной базы, что проявляется в создании общих денежных фондов для взаимопомощи и подкупа должностных лиц;

коллегиальный орган руководства, при котором управление организацией осуществляется группой лиц, имеющих равное положение;

устав в форме неформальных норм поведения, традиций и законов, санкций за их нарушение (в двух из общего числа изученных нами организаций был письменный устав);

функционально-иерархическая система — разделение организации на составные группы, межрегиональные связи, наличие руководящего ядра, телохранителей, держателей касс, связников, «контролеров» и т. п.;

информационная база — сбор различного рода сведений, разведка и контрразведка.

Следует отметить, что в последние годы преступные организации распределяют сферы своего влияния как в географическом плане, так и по конкретным объектам, лицам. Происходит также заметная их специализация — одни контролируют азартные игры, другие занимаются вымогательством денег у расхитителей, третьи вкладывают средства в подпольные цеха и получают соответствующие прибыли.

[1] В криминалистическом аспекте преступная организация рассматривается также В. М. Быковым (Криминалистическая характеристика преступных групп. Ташкент, 1986).

Элементы мафии проявляются и в коррумпированных связях. Более того, нередко преступники стремятся проникнуть на работу в органы внутренних дел или с помощью изощренных мер привлечь к преступной деятельности отдельных служащих государственного аппарата.

Работники правоохранительных органов использовались ими для получения необходимой информации, документов, форменной одежды, сокрытия совершенных преступлений. Выявлены неединичные факты, когда такие лица от вспомогательной роли переходили к более активным действиям и занимали в преступной организации лидирующее положение.

В отличие от организаций расхитителей, имеющих те же признаки, но более сложные структуры, в сообществах общеуголовного профиля участники, как правило, знают друг друга. Однако в последнее время практика уголовного розыска стала регистрировать случаи, когда члены организаций оказывались неосведомленными о руководителях сообщества, что типично для многозвеньевых структурных образований с региональными связями.

Главари преступных организаций в подавляющем своем большинстве оказались лицами, ранее не судимыми. Они характеризовались как волевые, дерзкие и предприимчивые люди, обладающие организаторскими способностями, деловыми связями и материальными возможностями. Например, из опрошенных нами работников органов внутренних дел 14% их считали, что авторитет лидера держится на материальных средствах, 10% — на уголовных традициях, 24% — на личных качествах, а 52% указали на все эти условия, вместе взятые.

Преступные организации иногда бывают связаны с другими сообществами (исключая лишь банды), стремятся контролировать их преступную деятельность, подчинить их и заставить служить своим интересам. В этих целях имелись специально выделенные лица («бригадиры»), которые, например, у магазинов «Березка» выявляли «ломщиков» чеков и заставляли платить их дань в размере 30% дневного дохода. Аналогичное можно сказать и в отношении «наперсточников», проституток, сбытчиков наркотиков и т. д. Удельный вес преступных организаций в числе изученных групп составил почти третью часть.

Кооперация «воров в закоие» относится к особой форме объедииеиия, ие имеющего аналогов в мировой криминалистической практике. Оиа составляет касту профессиональиых преступииков-лидеров, нмеет все призиаки преступиой организации и вместе с тем отличается от иее. Во-первых,— отсутствием террнтории и места своего нахождеиия. Во-вторых,— размытостью структуры, поскольку объедииеиие осиоваио на уголовиых традициях и неформальиых «закоиах». В-третьих,— практически равным положеиием состава лиц этой кооперации. В-четвертых,— разиыми течениямн «закоиииков», объедииеииых общей уголовиой «идеей». Отличается даиное общество и по криминальиой направлеииости, о чем уже ранее говорилось. В иерархии организованиых сообществ кооперация «воров в закоие», пожалуй, самая устойчивая, гибкая и иаходится на верхней ее ступени. Это объедииеиие стало приобретать иекоторые полнтические оттеики. Последиее связаио с оказанием оргаиизоваииого протнводействия нормальиой работе правоохранительиых оргаиов по иаведению в стране должного правопорядка. Но еще бо́льшая опасиость кроется в том, что в деятельиости «воров в закоие» стали появляться элемеиты междуиародной преступиости, о чем свидетельствует связь с иекоторыми представнтелями преступиого мира буржуазиых страи, которые эмигрнровали туда в начале и середиие 70-х годов.

Количество «воров в законе» в стране пока достоверно ие устаиовлено, поскольку их выявлеиие и учет иачались лишь в коице 1985 года. Но уже на 1 января 1990 г. по далеко ие полным даииым оргаиов внутренних дел иасчитывалось более 500 «воров» и 2 тыс. лиц, придерживающихся воровских «закоиов». По экспертиым оцеикам, общее их число с учетом латентиости составит около трех тысяч, т. е. прнблизится к показателю 50-х годов. Однако было бы ошибочиым исходить лишь из количественной стороны даниого явления, тем более когда речь идет о совершеиио замкнутой касте профессиональиых преступииков, стремящихся ограиичить прием в сообщество и одновременно — расширить свое влияние в уголовиой среде с помощью создаиия обширной периферии (окружения).

По структуре кооперация «закоиииков», как уже отмечалось, отличается от всех иных организоваиных сообществ. В Грузнн н среднеазиатских республиках в отдельиом районе или городе «власть» этой кооперации

представлеиа одиим «вором в закоие»; там ои имеет свое окружеиие, ведет работу по сбору деиег в общую кассу, пропагаидирует воровские «идеи» и вовлекает в преступиую деятельность иовых лиц. Несмотря иа свою иезависимость, «эмиссары» подчиияются цеитральиому звеиу — «сообщаковой братве». В иастоящее время есть осиоваиия полагать, что среди «воров в закоие» выделились иаиболее опытиые и авторитетиые преступиики, которые стремятся управлять сообществом в масштабе страиы и определять его тактику.

Управлеиие кооперацией осуществляется с помощью воровских сходок, а воздействие иа уголовиую среду — посредством специальио выделеииых лиц и воровских обращеиий.

Программа действий «воров»

В иастоящее время в деятельиости кооперации «воров в закоие» совершеиио четко обозиачилась теидеиция к сплочению этого сообщества; в ием стали заметиы разиогласия между различиыми течеииями, определившимися главиым образом по иациональиому призиаку, иапример,— между грузиискими ворами (так иазываемой «пиковой мастью») и туркмеискими, российскими. Этот вопрос стал активно обсуждаться иа воровских сходках. Обобщеиие стоящих перед «закоиииками» проблем позволяет выделить следующие:

1. О прекращеиии имеиоваться «ворами» тем, кто ие имеет отиошеиия к «воровской семье», о сплочеииости воровских рядов и устраиеиии разиогласий.

2. О распростраиеиии своего влияиия иа прибалтийские республики, где мало «воров в закоие».

3. Об объявлеиии презреиия и войиы бродягам, хулигаиам и иасильиикам, которые создают и формируют якобы иеправильиое миеиие об уголовиой среде.

4. О всяческой поддержке лиц, осуждениых за кражи личиого, государствеииого и обществеииого имущества.

5. Об использоваиии в своих иитересах большого притока в ИТК расхитителей и молодежи.

6. О проявлении заботы о преступиом мире, утверждеиии в ИТК веры в преступиый мир.

7. О повышеиии грамотиости «воров в закоие», заиятии их спортом.

8. О построеиии взаимоотиошеиий с работиикамн правоохраиительных оргаиов.

Таким образом, мы столкнулись с целой программой действнй, рассчитаиных на перспективу и выживаине кооперации «воров в законе». И это ие просто слова, игровой момент, как иногда можно услышать. Это реальность, с которой иельзя не считаться. Оиа подтверждается и другими даниыми. В частности, оргаиамн внутреиних дел разоблачеиа организация «воров в законе» под иазваннем «Союз истнниых арестаитов», которая ставила своей целью активное противодействие адмнинстрации ИТУ, бойкотированне закона об уголовной ответственности за злостиое нарушение правнл внутреннего распорядка и режима содержания осуждеиных. В оргаиизацин была своя программа, которая включала создание общей денежной кассы, оказание помощи осуждеиным профессиональным преступиикам, ведение идеологической работы среди молодежи и т. д.

Поэтому не являются случайными меры конспирации и структурные образования «пятерок» в местах лншения свободы. К одной из реально существующнх моделей такой пятерки отиосится следующая.

1. «Вор в законе» — единоличный лидер, имеющий в своем окружении осужденных с разиыми ролевыми функциями.

2. Хранитель общей кассы — он также имеет доверенных лиц, отвечающих за сбор «общака» в отрядах.

3. Телохраиитель — лицо, обеспечивающее безопасиость «вора в законе» и всей его пятерки.

4. «Советник» — лицо, хорошо ориеитирующееся во виутреиних вопросах ИТУ, помогающее «вору в законе» советами при решении спорных вопросов, с которыми к иему обращаются «рядовые» осужденные.

5. «Учеиик» — кандидат на «вора в закоие», проходящнй обучеине у лидера по всем вопросам воровской жизни (на случай замеиы).

К одной из опасиых тенденций деятельности кооперации «воров в закоие» отиосится оргаиизованная работа по установлению своего влияния на осуждеиных ИТУ. Делается это также с помощью обращений, подкупа, угроз, терроризироваиия осужденииых и путем направления специальных эмиссаров, которым выдаются мандаты с полномочиями. Например, из объяснения осужденного П. было установлено, что перед этапом ои получил нииструктаж от «вора в законе», который предписывал ему в иовом месте его нахождения поддерживать и распространять воровские традиции и обычаи.

Для выполнения этого задания П. должен был организовать в колонии группировку из числа осужденных отрицательной направленности, которая могла бы пойти на любые преступления. Если не сумеет подготовить группировку, то должен покинуть колонию с новым сроком, т. е. совершить другое преступление.

«Законники» на службе у дельцов

Заслуживает интерес и другой аспект организованной роли «воров в законе» — сращивание их с расхитителями. Сейчас распространено мнение, что связь эта носит односторонний характер и выгодна только «законникам». Действительно, определенную власть над дельцами они имеют (таких «законников» называют «жуками») — вымогают деньги, насильственно становятся компаньонами и вкладывают в подпольное производство свои средства. Каждый такой «жук» распространяет свое влияние на отдельный регион и контролирует его с помощью приближенных лиц. Небезынтересно отметить, что сейчас «воры в законе» аналогично действуют в отношении кооператоров с целью «отмывания» денег.

Однако в большей мере подобная деятельность была характерна для первоначального этапа паразитирования за счет расхитителей. В последние годы отмечается другая тенденция — привлечение расхитителями «воров в законе» и других уголовных элементов к совместной деятельности.

Пользуясь большими материальными возможностями, незаконными связями с работниками отдельных государственных учреждений, расхитители ведут достаточно планомерную и тонкую работу в этом направлении. Если вначале они выплачивали «ворам в законе» и другим «авторитетам» уголовной среды 10—15% от суммы доходов (что делается и сейчас), то в настоящее время все чаще привлекают их в качестве компаньонов, заставляя при этом нести охрану, сбыт продукции и выполнение различного рода поручений. Например, по указанию расхитителя Раджапова членами преступной организации Болошина был убит за вознаграждение в 30 тыс. руб. конкурент Мирзаев. Представляется, что процесс сращивания приобретает продуманную, рассчитанную на перспективу линию поведения расхитителей. Об этом же свидетельствуют факты их участия в воровских сходках.

Все ли мы знаем о них?

Говоря об организованных сообществах профессиональных преступников, следует подчеркнуть, что они имеют тенденцию к дальнейшему распространению. Однако организованность преступников в региональном плане проявляется неодинаково. Если банды, организованные группы и группировки, сообщества «воров в законе» имеются по существу во всех регионах, то преступные организации с элементами мафии функционируют преимущественно в республиках Средней Азии и Закавказья, городах-гигантах. Не одинаково они выглядят и по степени активности преступной деятельности.

Считаем также возможным констатировать преждевременность радикальных выводов на современном этапе борьбы с проявлениями организованной преступности, так как снижение кое-где числа групповых преступлений не является в данном случае ее основным показателем. Пока что поднят лишь первый ее пласт, многие вопросы нуждаются в самостоятельном и глубоком исследовании. К тому же нужно учитывать постоянно меняющуюся тактику организованных преступников. Надо признать, что правоохранительные органы существенно отстают от изменений и процессов, происходящих в современной преступности, и профессиональные преступники это хорошо знают. В своем письме осужденный «вор в законе» Д. прямо указывает на данный фактор. «Вы, органы,— пишет он,— отстаете в информации от всех преступных процессов. За это время нам многое удается сделать». Более того, в условиях индивидуально-трудовой деятельности не исключается возможность изменения их ориентации. Изучение показывает, что они стремятся к использованию этих социально важных мер в своих корыстных целях, в частности — выступать посредниками в различных сделках, сбыте продукции, охране имущества и т. п., на что указали свыше 80% сотрудников уголовного розыска от числа опрошенных.

Профессионализм и организованность — явления взаимосвязанные: чем выше показатель криминального профессионализма, тем ярче просматриваются его организованные формы. Причем при соответствующих социальных условиях профессиональная преступность начинает перерастать в организованную преступность — как качественно новое явление. На это сейчас со всей очевидностью указывает реакция общественности, работни-

ков государственного аппарата, обеспокоенных коррупцией, рэкетом, распространением наркотиков и проституции, активизацией уголовных элементов и т. п. «Мафия», «отцы крестные», «пышные похороны мафиози», «закон против мафии» и другие не менее яркие заголовки пестрят теперь на страницах наших газет. У населения тоже есть свое понимание проблемы — обмерил продавец в магазине на 5 копеек — дело рук мафии, прикрутил слесарь-сантехник гайку крана, взяв с хозяина лишку — вот тебе и коммунально-бытовая мафия. Одним словом, есть проблема, люди чувствуют ее, но пока что плохо представляют. А ведь это очень важно, и прежде всего специалистам, разобраться в том, что же произошло, почему у нас появились непривычные и даже пугающие слова и термины. Но для этого нужно четко представлять, что такое организованная преступность применительно к социалистическому обществу. Однако любое суждение начинается с определения понятий, уяснения сущности самой проблемы. Такой подход будет способствовать и дифференцированному принятию решений по борьбе с наиболее опасными видами преступности, особенно профессиональной и организованной. В этой связи представляется оправданным включение в книгу раздела об организованной преступности.

ОТЛИЧИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ОТ ОРГАНИЗОВАННОЙ

Что понимать под организованной преступностью?

Где, у нас в стране? Но, позвольте, скажет читатель, ведь организованная преступность давно ликвидирована и об этом не раз писали. Да, писали. Но никто из авторов и трибунов не задавался простым вопросом: а была ли она вообще в нашей стране? Ведь даже сейчас, когда факт ее существования признан официально на Съезде народных депутатов СССР, когда в органах внутренних дел созданы подразделения по борьбе с ней и, наконец, когда обнародованы вопиющие факты связи уголовных элементов с представителями высших эшелонов власти, некоторые ученые и даже практики (как правило, из числа крупных руководителей) все же пытаются отрицать это явление, причем не прибегая к научным аргументам. Нет, они

просто сомневаются: дескать, не преувеличиваем ли мы тут. Причин много, и одна из них заключается в том, что данное явление еще не прошло через общественное сознание, а само сознание не освободилось от стереотипа — у нас этого нет, потому что не может быть никогда.

Немаловажным здесь является и отсутствие теоретических разработок. Не случайно у сотрудников правоохранительных органов возникла сейчас явная потребность в понятии организованной преступности, ее отличии от профессиональной. Но для того чтобы подойти к пониманию и объяснению столь сложного феномена, возникшего в условиях нашего общества, нужно прежде всего объективно оценивать социальную и криминологическую ситуацию в стране. Наличие преступных организаций и кооперации «воров в законе», многомиллионных хищений государственного имущества, распространение рэкета, наркомании и проституции со всей очевидностью указывает на то, что общество столкнулось с чем-то большим и опасным, нежели профессиональная преступность. Уже сам термин «организованная преступность» предполагает такие преступления, которые совершаются устойчивыми объединениями лиц, носят планомерный характер. Сообществ такого типа правоохранительные органы разоблачают ежегодно не одну сотню. Однако этого недостаточно для признания организованной преступности в качестве самостоятельного вида преступности. Необходим еще один признак — коррупция, под которой понимаются не просто дача или получение взятки за оказание какой-либо услуги, а постоянная связь должностных лиц с организованными преступниками. Именно данный признак лежит в основе отграничения профессиональной преступности от организованной. Очевидно, не случайно и то обстоятельство, что удельный вес служащих среди участников организованных групп, по результатам нашего исследования, составил 26%. Как видим, общество столкнулось с еще одной проблемой — так называемыми «белыми воротничками» в преступности. Долгое время считалось, что это удел стран капитализма. К сожалению, коррупция, столь распространившаяся в нашем обществе, существенно изменила не только нравственные начала, но и саму преступность.

Лица разного должностного положения, как правило, находились на постоянном содержании преступников, добывая для них необходимую информацию, докумен-

ты, прикрывая факты их преступной деятельности. Поэтому одной из главных задач лидеров организованной преступности сейчас является подкуп работников государственного аппарата. Надо заметить, что организованные преступники редко теперь используют случайные обстоятельства для установления коррумпированных связей, а чаще создают их сами, применяя не только подкуп, но и изощренные приемы шантажа и провокаций. Были, например, выявлены случаи, когда они с помощью проституток и наркотиков втягивали в притоны детей некоторых крупных должностных лиц, обыгрывали их там в карты, а затем, заставляя платить долг, склоняли к совершению преступлений, после чего шантажировали родителей. Действовало это безотказно. Не зря же идеолог преступного мира А. Черкасов по кличке «Толя Черкас» еще в начале 70-х годов, определяя стратегию московских рэкетиров, поучительно изрекал: «Помните, мусор из избы не выносят, берите на дело работников правоохранительных органов».

Но было бы не совсем верно видеть в организованной преступности только непосредственную связь преступных групп с работниками административных органов. В последнее время обозначилась тенденция опосредованной связи, когда представители элитарной части уголовной среды, имея определенные контакты с должностными лицами, выступали посредниками в противоправных сделках. Это дает возможность организаторам групп не затрачивать усилий на поиск нужных им представителей власти, а решать возникшие вопросы через специальных лиц. Такая форма контактов устраивает всех, ибо снижается возможность утечки информации.

При оценке организованной преступности нужно принимать во внимание и такой факультативный признак, как виды преступной деятельности. Именно для нее типичны рэкет, похищение людей в корыстных целях, обогащение от проституции и сбыта наркотических веществ. Поэтому, не претендуя на бесспорность, можно дать следующее рабочее определение **организованной преступности, под которой понимается относительно массовая распространенность устойчивых управляемых сообществ преступников, создающих систему своей безопасности с помощью коррумпированных связей и занимающихся преступлениями как профессией (бизнесом).** Заметим, что унифицированного понятия организован-

ной преступности нет даже в западной криминологии, изучающей это явление десятки лет. Так, в США организованная преступность рассматривается как ассоциация, стремящаяся действовать вне контроля американского народа и его правительства, или же как тип замаскированной преступности, иногда включающей иерархическую координацию ряда лиц, связанную с планированием и использованием незаконных актов или преследованием цели незаконным способом. Заместитель комиссара полиции г. Лондона дает шесть определений организованной преступности, сущность которых сводится к наличию устойчивых групп преступников, занимающихся определенными видами преступлений. Однако разный подход к пониманию организованной преступности не мешает им достаточно эффективно с ней бороться. Очевидно, и нам не следует выискивать что-то неповторимое и особое для данного явления. Не станем же мы утверждать, будто наши доморощенные преступные организации действуют только легально и ставят целью добычу денег только законным путем.

Другое дело — географическая неоднородность организованной преступности, когда в одном регионе наблюдается раздел сфер влияния между преступными группами, в другом — его завершение, а в третьем не четко выражена связь общеуголовной преступности с экономической. Или структура преступного сообщества в одном городе по своей форме отличается от построения группы, обнаруженной в другом. На практике такие вопросы возникают довольно часто, и, как правило, при отсутствии тождественных признаков делается вполне определенный, успокаивающий общественность вывод: «У нас организованной преступности нет». Справедливости ради отметим, что, по свидетельству бывшего министра юстиции США Р. Кларка, организованная преступность была обнаружена в 20 городах из 70 обследованных.

Уровни организованной преступности

Очень важно различать уровни этого явления. Их три. Первый включает устойчивые организованные группы, совершающие хищения государственного имущества в сфере экономики, а также занимающиеся мошенничеством, вымогательством, разбоями, грабежами и кражами. Второй уровень предполагает те же сообщества, но имеющие коррумпированные связи с представителями хозяйственных или

административных органов. Третий уровень специфичен и выводит нас на прообраз мафии. Речь здесь идет об объединении ряда групп в одну преступную организацию, имеющую функционально-иерархическую систему управления. В западной литературе это получило название сетевой структуры организованной преступности. Как правило, руководят такой организацией несколько человек, образующих нечто вроде совета. Подобные структурные объединения имеют межрегиональные связи, объединяют как профессиональных преступников, так и «белых воротничков», создают свои денежные фонды и системы безопасности.

Сферы организованной преступности

Как вид преступности это явление целостное, но применительно к нашим социальным условиям оно имеет определенные особенности, поскольку включает две сферы приложения — экономическую и общеуголовную (блатную). Дифференциация сферы необходима для практики, так как в одном случае действуют органы БХСС, в другом — аппараты уголовного розыска. Надо сказать, что эти сферы все более сужаются из-за происходящего сращивания экономических преступников и традиционно профессиональных. Процесс сращивания оказался довольно длительным и достаточно сложным для обеих категорий уголовных элементов. Но он был закономерен. В начале 60-х годов крупными расхитителями государственного имущества являлись, как правило, потенциальные жертвы блатных. Тот же «вор в законе» Черкасов поучал: «Бери у того, у кого есть». А у них было, и было много. Поэтому дельцов-расхитителей обыгрывали в карты, грабили, похищали у них детей, назначая огромные суммы выкупа. Но так бесконечно продолжаться не могло. Преступники от экономики то там, то здесь стали привлекать блатных к выполнению отдельных поручений, например, для расправы над конкурентами, охраны и сбыта неучтенной продукции. Некоторые «авторитеты» стали переходить к ним на постоянную службу. Со временем была достигнута взаимовыгодная договоренность: «цеховики» обязывались отчислять блатным 10—15% от суммы противоправного дохода, а те, в свою очередь, должны были не только воздерживаться от каких-либо посягательств на их личность и имущество, но и охранять от нападений других групп. Так утвердился в нашей стране западный образец рэкета. На это

указала половина из числа опрошенных сотрудников органов внутренних дел.

Формы организованной преступности

Помимо уровня и сфер различаются также формы организованной преступности. Нельзя же группу из трех карманных воров, пусть даже устойчивую, относить к явлению организованной преступности. Поэтому основными ее формами следует считать преступную организацию и кооперацию «воров в законе». Поскольку о них уже говорилось ранее, то здесь заметим, что для данных объединений типичны признаки, которые выделил американский криминолог Р. Колдуэлл. На их совокупность указывают не только данные изучения высокоорганизованных преступных групп, но, как уже отмечалось, и бо́льшая часть опрошенных сотрудников уголовного розыска и следствия, участвовавших в разоблачении замаскированных сообществ преступников. Вместе с тем наличие в организациях этих семи признаков не исключает разное структурное построение сообществ. Последнее зависит от роли организатора группы, специализации и условий, в которых она действует.

Отличия организованной преступности от шаек и банд

Нередко можно слышать, что организованная преступность — явление, возродившееся в недрах застойного периода. Конечно, самое легкое объяснение — это списать ее на застой в обществе. Думается, что будет правильнее говорить не о реставрации организованной преступности, а о ее рождении в период с 1966—1982 гг., на что, кстати, указала бо́льшая часть проинтервьюированных.

Вопрос о возникновении организованной преступности достаточно серьезен с позиций причин и опыта борьбы с ней, которого мы так и не нашли в архивных документах и при опросах сотрудников правоохранительных органов, работавших в 40—50-е годы. Деятельность же отделов по борьбе с бандитизмом не следует принимать в расчет, так как бандитизм в истории нашей страны — явление также самостоятельное, имеющее свои причины.

Разумеется, отрицать существование крупных шаек преступников в дореволюционной России и первые годы Советской власти никто не собирается. Может быть, для тех времен они и являли собой нечто вроде организован-

ной преступности. Но можно ли шайки воров и грабителей, даже отдельные факты коррупции, отнести к организованной преступности, в понятие которой криминологи многих стран вкладывают совершенно определенный смысл? Очевидно, нет. Старая организованная преступность (назовем ее так условно), формируемая из шаек профессиональных уголовников, приобрела в современных социальных условиях совершенно иное качественное состояние, весьма схожее с аналогичным явлением развитых буржуазных стран. Во-первых, появилась сетевая структура организации, при которой стал возможен и даже неизбежен раздел сфер и территорий между группами. Во-вторых, произошло сращивание преступников общеуголовного профиля с расхитителями, тех и других — с представителями государственного аппарата. После того как в газете «Известия» в статье «Коррупция», подготовленной по материалам Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, рассказано о связи высших эшелонов власти с преступными группами, участников которых амнистировали за взятку, отрицать это попросту бессмысленно. Такое трудно найти даже во времена Гришки Распутина. В-третьих, организованные группы преступников проникли в экономику и даже политику. Последнее характерно только для организованной преступности.

Для сравнения было изучено 40 организованных шаек, разоблаченных в период в 1946 по 1959 год в Москве. Оказалось, что они вообще не сравнимы с современными организациями преступников. Это касается видов уголовных посягательств и состава участников, форм организации и технической оснащенности, маскировки противоправного образа жизни и т. п.

В чем отличие «нашей» организованной преступности от буржуазной?

Было бы неверно говорить об идентичности этих видов преступности, поскольку разные общественные отношения лежат в их основе. Организованная преступность в нашем государстве сравнительно молода, а потому имеет менее прочные связи. В отличие от буржуазных стран она не является формой полулегального бизнеса. Правда, случаи отмывания денег уже стали появляться с развитием кооперативного движения. Не имеет наша организованная преступность и транснациональных связей. В отличие от мафии она замкнута в рамках границ нашего государства. Но это

пока и в целом. А в частности, уже появляются уголовные дела, в которых такая связь установлена, правда, на уровне отдельных участников групп.

Распространенность организованной преступности

Немаловажной проблемой является определение массовости и географии этого опасного явления. По данным проведенного исследования, удельный вес разноуровневых организованных групп колеблется в зависимости от региона от 4% до 26% к числу всех разоблаченных. Но это показатель видимый, он не отражает реальной картины, поскольку организованная преступность имеет высокую степень латентности. Говоря образно, проценты отражают лишь верхнюю часть айсберга. В этой связи нельзя признать обоснованными установки, требующие, причем без соответствующей статистики и системы борьбы с организованной преступностью, математической точности ее измерения. Пока что поднят ее верхний пласт, нижние слои предстоит вскрыть специализированным подразделениям. Данные же предварительного исследования позволяют констатировать, что организованная преступность сформировалась в большинстве республиканских, краевых и областных центров, в Москве, Ленинграде.

Опасность организованной преступности и тенденции ее развития

Организованная преступность прежде всего угрожает государственному аппарату. Способствуя и порождая коррупцию, она подрывает экономику, активизирует уголовные элементы, вызывает у населения неверие в возможность создания правового государства. При этом к одной из наиболее опасных тенденций можно отнести вовлечение в ее орбиту молодежных группировок отрицательной направленности. Например, в г. Казани, Чебоксарах, Люберцах Московской области и др. выявлена определенная связь бандитствующих группировок молодежи (преимущественно несовершеннолетних) с организованными преступниками из так называемой высшей лиги. По указке лидеров уголовной среды члены молодежных группировок г. Казани, например, занимались рэкетом, сбором денежных средств для общих воровских касс, устраивали массовые беспорядки[1], отвлекали на себя силы правоохранительных органов.

[1] См.: Щекочихин Ю. Экстремальная модель (круглый стол) // Литературная газета. 1988. 12 окт.

В целом анализ практики и проводимые исследования указывают на то, что в ближайшие годы в развитии организованной преступности можно ожидать еще ряд негативных тенденций, которые необходимо учитывать при определении уголовной и правоприменительной политики в условиях демократизации общественных процессов. К основным из них относятся:

активное установление контроля над многими видами индивидуальной трудовой и кооперативной деятельности, особенно связанной с общественным питанием, бытовым обслуживанием населения, производством товаров народного потребления;

использование в целях личной наживы новых форм прямых договорных связей советских предприятий и организаций с зарубежными партнерами на основе валютного хозрасчета, что может привести к установлению трансиациональных связей организованных преступников;

дальнейшее сплочение общеуголовной и хозяйственно-корыстной преступности, монополизация на базе подавления крупными преступными сообществами мелких групп, дальнейшее распространение рэкета, увеличение бандитских формирований;

разделение сфер влияния между организованными преступными сообществами, приводящее к осложнению криминологической обстановки в стране;

усиление противодействия правоохранительным органам, связь с националистическими элементами;

специализация преступных сообществ на бизнесе от азартных игр, проституции, сбыта наркотиков, рэкета и др.

Эти явления в преступности имеют самые серьезные социальные последствия для экономической и правовой ситуации в стране.

Выводы:

1. Качественные характеристики профессиональной преступности имеют по целому ряду показателей неблагоприятную тенденцию в сравнении с показателями профессиональной преступности 20-х, 50-х годов. К ним относятся: увеличение доли специального рецидива, в том числе многократного; возрастание суммы преступного дохода, а отсюда — возможности паразитического существования; тенденция универсализации профессиональ-

ных преступников; расширение сферы преступно-профессиональной деятельности за счет сохранения старых видов преступлений и появления новых; стратификация профессиональных преступников как в местах лишения свободы, так и вне их, а также усиление неформальных норм поведения, имеющих региональный характер и императивную форму воздействия. Таким образом, профессиональная преступность, сохраняя свою основу, приобретает новые модифицированные и приспособленные под конкретные социальные условия признаки.

2. Динамика современной профессиональной преступности относительно высока и осложняется совершением таких профессионализированных видов преступлений, как карманные и квартирные кражи, похищения культурных ценностей, разбои и грабежи с проникновением в жилище и на объекты хранения государственных материальных ценностей, кражи автомашин с целью их сбыта, карточное мошенничество и иные виды игорного обмана, различные способы вымогательств и многие другие. При этом профессиональная преступность сохраняет практически все корыстные и корыстно-насильственные преступления, типичные для преступного мира царской России и первых лет становления Советского государства. Сохраняются и модифицируются также уголовно-воровские традиции и обычаи.

3. Многие из профессионализированных видов преступной деятельности имеют высокую естественную латентность. С одной стороны, они причиняют вред общественным отношениям, с другой — не влияют на статистические показатели преступности и, таким образом, создают как бы внешнее благополучие борьбы с ней. Однако вместе с искусственно создаваемой латентностью преступлений профессиональная преступность превращается в своеобразный айсберг, постоянно угрожающий состоянию общей преступности и криминологической обстановке в стране.

4. Существование профессиональной преступности объективно приводит к изменению ее качественной стороны, в частности, к переходу к организованным формам, о чем свидетельствует не только реставрация группировок «воров в законе», но и различные виды криминальных объединений. Последнее можно отнести к явлению организованной преступности, на что указывают три основных взаимосвязанных признака: 1) коррупция; 2) функционирование организованных сообществ; 3)

преступная деятельность в форме рэкета и противозаконной частнопредпринимательской деятельности, бизнес на проституции и наркомании.

5. Основным отличительным признаком организованной преступности является коррупция. Повышенная общественная опасность организованной преступности заключается в ее посягательстве на государственный аппарат, проникновении в экономику и как следствие этого — в политику. В этой связи организованная преступность может приспосабливаться к изменяющимся социальным условиям и иметь вполне неблагоприятные тенденции в своем развитии.

В настоящее время наметился процесс отрыва верхних звеньев организованной преступности, успевших «отмыть» деньги, и переход их в легальные сферы. В условиях перестройки хозяйственного механизма это можно сравнить со своеобразной диверсией, подрывающей базис общественных отношений. Ведь по существу происходит насильственное изъятие из государственной казны материальных фондов, укрепление позиций «теневой экономики».

6. Организованная преступность стимулирует, активизирует уголовные элементы, объединяя и контролируя их деятельность. В силу этих и иных обстоятельств она блокируется с «механизмом торможения» перестройки. Не случайно на Съезде народных депутатов СССР многие народные избранники с большой озабоченностью говорили о разрастающейся в стране организованной преступности, а в качестве опаснейших проявлений противопорядка называли коррупцию, мафию, вымогательство и взяточничество.

Однако именно в период этих государственных дебатов нагло, открыто продемонстрировали взаимные интересы коррумпированные кланы, дельцы и лидеры уголовной среды, объединившиеся с экстремистскими элементами в Ферганской области.

5. ПРИЧИНЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И УСЛОВИЯ, ЕЙ СПОСОБСТВУЮЩИЕ

РОЛЬ УГОЛОВНЫХ ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ В ВОСПРОИЗВОДСТВЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Общий подход к проблеме

Научное объяснение причин преступности относится, как отмечал академик В. Н. Кудрявцев, к наиболее сложной проблеме советской криминологии. Тем более это касается причин отдельных видов преступности и в особенности профессиональной, которая не изучалась как явление. Если для объяснения общих причин преступности анализируются определенные закономерности общественного развития и связанные с ними противоречия, порождающие негативные явления, то исследование причинной связи на уровне особенного требует известной детализации детерминант применительно к конкретным обстоятельствам. Именно здесь некоторые общие теоретические положения начинают терять свою убедительность. Так, применительно к преступности в целом может осознаваться, например, такая причина, как «отставание сознания от бытия». Что же касается рецидивной преступности, преступности несовершеннолетних, профессиональной преступности, то здесь еще нет достаточных эмпирических данных «и поэтому, — как справедливо замечает Г. М. Аванесов, — вместо серьезных дискуссий часто можно услышать общие бездоказательственные утверждения типа: причины преступности — в пережитках прошлого или «они связаны с действием объективного закона отставания сознания от бытия» и т. п.»[1].

Некоторые неясности возникают также при объяснении причин преступности посредством противоречий, появляющихся при социализме и порождающих отклонения от установленных норм поведения. Бытующее утверждение о том, что противоречия лишены какого-либо

[1] Аванесов Г. А. Криминология. М., 1984. С. 203 — 204.

антагонизма, не дает достаточного понимания острых социальных конфликтов, возникающих в реальной жизни общества (рост преступности, нетрудовое обогащение, нравственная коррозия). Очевидно, все же следует исходить из концепции отсутствия антагонистических классовых противоречий и в этой связи преступлений, типичных для переходного от капитализма к социализму периода. Но такие противоречия, как сама преступность и ее наиболее опасные формы — расхищение государственного имущества, паразитирование тысяч людей и другие — вряд ли можно отнести к противоречиям неантагонистического характера, поскольку эти явления — антиподы социалистического образа жизни. Попытка М. Н. Руткевича показать это на уровне индивидуального антагонизма в целом верна, но приемлема, на наш взгляд, только для объяснения индивидуальных эксцессов, единичных и нетипичных случаев. Когда же мы имеем дело с явлениями массового характера, индивидуальный антагонизм как причина не дает ответа на вопрос об истинной причинной связи негативных социальных факторов. Поэтому совершенно верно отмечает А. П. Бутенко, что поскольку негативные явления базируются на реальных общественных процессах и поддерживаются определенными группами людей, то лежащие в их основе противоречия могут приобрести черты антагонистического характера. Данное положение в первую очередь касается поведения профессиональных преступников, мотивационная сфера которого выходит далеко за рамки бытовых отношений, приобретая соответствующую мировоззренческую установку.

Все это позволяет констатировать определенные сложности методологического характера в подходе к объяснению причин профессиональной преступности, тем более, что в истории советской криминологии точки зрения на причины преступности менялись неоднократно. Даже когда социальные корни преступности были признаны как объективная закономерность в развитии социалистического общества, в отношении отдельных видов преступлений (правонарушений) по-прежнему бытовала распространенная точка зрения об отсутствии причин для их возникновения в нашем государстве. Особенно ярко это проявилось во взглядах на причины наркомании, проституции, что только содействовало их распространению, а затем уже и признанию как относительно массовых явлений. Нечто подобное происходило с профес-

сиоиальиой преступиостью, ие говоря уже об ее организованиых формах.

Однако признать явлеиие — ие зиачит быть готовым к эффективной борьбе с иим, которая требует научиого подхода как в объясиеиии его причии, так и в поисках способов их устранеиия. Поэтому объясиеиие причии професснональной преступности следует искать в самих процессах общественного развития, а ие в искусствеииых пропагаидистских коиструкциях, особеиио когда причииы негативиых явлеиий относят «иа счет идейного влияиия прошлого или же вражеских действий из-за рубежа. Вряд ли такой подход может дать иам полиую истииу по причине явиого иарушеиия требоваиий диалектико-материалистической методологии позиания и объясиеиия явлеиий социальиой действительиости: ведь иаше современиое общественное созиаиие таким образом отрывается от иашего же современного общественного бытия»[1].

Следует учитывать, что на фоне серьезных социальиых просчетов преступность ие могла и ие осталась без измеиеиий. Упущеиия в экоиомической, социальиой, духовиой сферах развития общества, деформация лениииского прииципа обеспечеиия коитроля за мерой труда и потреблеиия в условиях построеиия социализма объективио привели к иегативиым измеиеииям ее структуры и дииамики. При этом ослаблеиие борьбы с преступностью, проявившееся в иесовершенстве уголовиого закоиодательства, кампанейщиие в пенитеициарной политике под лозунгом гумаиизации, но без учета реальной оценки социальной действительиости, при устаревших формах и методах деятельности правоохраиительных оргаиов и многое другое приводили к тому, что преступиость начииала, по словам Г. А. Аванесова, выступать в качестве своей собствеииой причииы, воспроизводя себя, создавая и укрепляя почву, иа которой произрастали преступлеиия. Это в первую очередь касалось профессиональной преступности и ее организованиых форм, поскольку именно здесь самопроизводство иепосредствеино связаио с осозиаииой деятельиостью людей — профессиональиых преступииков.

Если исходить из коицепции причии преступности в

[1] Лениискáя этика большевизма // Коммунист. 1983. № 6. С. 64 — 65.

социалистическом обществе, разработанной В. Н. Кудрявцевым, И. И. Карпецом, Н. Ф. Кузнецовой, А. Б. Сахаровым н другнмн советскнмн крнмннологамн[1], можно сделать обоснованный вывод о том, что причнны профессиональной н организованной преступностн в целом вызываются темн же причннами, свойственнымн преступностн как негативному социальному явленню. Вместе с тем на уровне особенного онн, очевндно, нмеют свою спецнфику. Однако разделяя вывод крнмиологов о том, что в нашей стране лнквндированы коренные прнчнны преступности, отметнм, что причины профессиональной преступностн не могут в данных социальных условиях быть полностью искорененнымн, нбо, как писал В. И. Ленин, «в фантастнческую быстроту какнх бы то ни было перемен у нас никто не поверит»[2].

Поэтому очень важно найтн н обосновать специфическую прнчнну профессиональной преступности. Известно, что данное явленне связано с корыстной преступностью, но объяснить его нсключнтельно прнчнной корысти нельзя. Выдвннутая Н. Ф. Кузнецовой прнчнна «корысть-стяжательство», свойственная, по ее совершенно обоснованному мнению, преступникам профессионального тнпа, объясняет лншь мотнвацию нндивидуального поведения, но не явления в целом. К тому же «корысть-паразитизм» наблюдается и у непрофессиональных преступников. Что же касается расслоения уголовной среды, ее спецналнзацин и квалнфикацнн, появления разлнчных форм органнзацин, а также неформальных норм поведения — факторов, свойственных спецнфнке профессиональной преступностн, то в их образованин, очевидно, участвует целый комплекс негатнвных обстоятельств.

На наш взгляд, корыстно-паразитическая психология, лежащая в основе нмущественных преступлений, порождает профессиональную преступность прн налнчин такой специфической причины, как существование криминальных (в данном случае уголовно-воровскнх) традиций и обычаев, роль которых в советской криминологии нзучена недостаточно. Именно онн, по мнению

[1] С целью избежания повторов не рассматриваются вопросы, связанные с понятием причин, возникновением мотивационной сферы (это ближе к причинам конкретных преступлений), классификацией причин по видам, глубине, уровню и т. п.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 247.

С. Я. Лебедева, являются предпосылкой воспроизводства криминального профессионализма.

Если рассматривать профессиональную преступность как подсистему преступности, то можно обнаружить, что устойчивость внутренних ее связей и элементов зависит от целенаправленной и сознательной деятельности определенного круга людей. Но, говоря так, следует частично согласиться с Н. Ф. Кузнецовой в том, что криминогенная система при социализме принадлежит к системам низкой степени и системности и, наоборот, противоположная ей система борьбы с преступностью отличается высокой целостностью, координацией и управляемостью, частично потому, что приведенные ею системы совершенно не могут быть сравнимы по координации и управляемости, так как одна из них — государственное образование, а другая стоит вне закона. Вместе с тем профессиональная (организованная) преступность имеет как система более тесную связь и управляемость, чем вся преступность, поскольку в ней действуют такие регуляторы, как неформальные нормы, традиции, обычаи и «законы» старого и нового преступного мира. Еще К. Маркс отмечал: «Если форма просуществовала в течение известного времени, она упрочивается как обычай и традиция»...[1].

Связь поколений преступников

Профессиональная преступность существует не один век. Она связана с деятельностью людей, передачей опыта поколений преступников, утверждением специфической субкультуры, закономерным стремлением ее носителей к выживанию в конкретных социальных условиях. Характерно, что выделенные ранее признаки криминального профессионализма применительно к воспроизводству профессиональных преступников преобразуются в специфические функции, с помощью которых они приспосабливаются к тем или иным социальным обстоятельствам. Данный вывод подтверждается вековым существованием определенных категорий профессиональных преступников, их стратификацией и стабильностью квалификаций. Поясним это на следующей таблице.

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 357.

I. КЛАССИФИКАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

Конец XIX в.	30-е годы XX в.	50-е годы	80-е годы
а) в условиях свободы:			
«урки» — крупные воры «оребурки» — мелкие воры	«жиганы» «урки» «шпана»	«воры в законе» «польские воры» «мужики»	«авторитеты» «воры в законе» «шестерки»
б) в местах лишения свободы:			
«иваны» «храпы» «асмодеи» «игроки»	«урки» «воры в законе» «шестерки» «пацаны»	«воры в законе» «босяки» «пристяжь» «мужики» и т. п.	«воры» «паханы» «подпаханники» «солдаты» «обиженные» «опущенные» и т. п.

II. КРИМИНАЛЬНЫЕ КВАЛИФИКАЦИИ:

«марвихер» — карманный вор высшего класса	то же	«технарь»	«мастер»
«щипач» — карманник	то же	то же	то же
«ширмач» — карманник	то же	то же	то же
«портяночник» — вор низкой квалификации	то же	«вшиварь»	«дубило»
«меняла» — мошенник	«вздержчик»	«ломщик»	«ломщик»
«кукольник»	«басманщик»	«кукольник»	«кукольник»
«медвежатник»	то же	то же	то же

Как видим, сохраняются даже жаргонные обозначения тех или иных категорий. На протяжении больших исторических периодов они, сохранив основу и почти полностью — приемы совершения преступлений, видоизменялись, приспосабливались или находили свое новое выражение. Так, в период рекрутских наборов в России существовала категория мошенников («отдатчики рекрутов»), получавшая деньги за выставление мнимых лиц взамен конкретных новобранцев. С отменой рекрутчины эта категория преступников исчезла, но появилась новая под названием «стряпчие»: преступники, выдавая

себя за юридических чиновников, обманывали подданных России, где бюрократизм государственного аппарата достигал значительных размеров. В наши дни существуют мошенники, получающие деньги за «гарантированную» сдачу экзаменов в высшие учебные заведения. Это лишь один пример трансформации конкретной уголовной квалификации и, соответственно, категории мошенников. Но можно привести и многие другие, если внимательно проследить историю их развития. Например, в 20-е годы преступники крали детей и получали деньги за «оказание помощи в их розыске», в наши дни детей похищают с целью вымогательства.

«Традиции мертвых поколений...»

Подобная трансформация видов профессиональной преступности происходит в определенных социальных условиях под действием уголовных традиций и обычаев, которые, переходя в сознание антиобщественных лиц, превращаются в своеобразный регулятор отношений определенных групп людей. О силе действия традиций писал К. Маркс, отмечавший, что «традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых»[1]. Нами установлены некоторые неформальные нормы, действующие со времени средневековой России. Например, прием в сообщество воров, применение блатных санкций (изменились лишь ритуальные детали). Изучение также показало, что профессиональный жаргон карманных воров и карточных шулеров остался по существу без изменений. Не случайно в «Курсе советской криминологии» эти две категории преступников относятся к наиболее типичным хранителям «старых воровских традиций»[2]. Как и 300 лет назад, в уголовной среде сохраняются клички, татуировки, воровские песни и иные атрибуты устойчивого преступного поведения.

Однако не всегда одни лишь обстоятельства способствуют формированию какого-то поведения. В. И. Ленин отмечал, что «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его»[3]. Поэтому профессиональная уголовная среда вырабатывает такие нормы поведения, требования к своим членам, которые направлены на непосредственное ее сохранение. Со временем и они превращаются в традиции и обычаи, которым, по вы-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 119.
[2] Курс советской криминологии. М., 1986. С. 191.
[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 194.

ражению В. Д. Плахова, присуще то общее, что позволяет назвать их общесоциологическим законом. Например, требование преступного мира дореволюционной России ко всякому преступнику, заключавшееся в том, чтобы «он был человеком твердого нрава и несокрушимого характера, был предан товарищу, общине; был ловок на проступки и умел концы хоронить, никого не задевая и не путая»[1], полностью сохраняется в среде профессиональных преступников наших дней, особенно у «воров в законе», шулеров, карманных воров и членов организованных сообществ.

«...тяготеют как кошмар над умами живых»

Живучесть уголовно-воровских традиций объясняется, главным образом, их постоянным воздействием на сознание преступников, отражаясь в котором они становятся неотъемлемой частью субкультуры. При этом степень их активности усиливается при появлении в обществе противоречий, ослаблении в нем моральных институтов. Нельзя не учитывать также отсутствие целенаправленной профилактики уголовно-воровских традиций, так как многие годы считалось, что в обществе при господствующей коммунистической морали не может быть никакой антиподной субкультуры. Между тем невидимые, статистически не отражаемые процессы этого явления не только продолжали развиваться, но даже фиксироваться без должной оценки в литературе. После опубликования в начале 70-х годов известной книги рецидивиста Ахто Леви автор получил своеобразное послание — «кодекс воровского закона», где его упрекали (с точки зрения воров, наверное, справедливо) в незнании «законов» преступного мира и в том, что он не был «вором в законе». Через 10 лет аналогичное событие произошло с В. Шукшиным после выхода в свет его кинотрагедии «Калина красная». Он также получил от воров сотни писем, в которых его с возмущением упрекали в искажении воровских «законов». «Шукшина взбесит этот факт разделения ворьем самих себя на честных и нечестных, и он ответит им через газету «Правда»,— писалось в воспоминании о В. Шукшине[2].

Здесь, как видим, очевидна позиция правопослуш-

---

[1] Максимов С. В. Сибирь и каторга. Несчастные. СПб., 1908. Ч. 1. С. 13.
[2] Пономарев И. Шукшин // Наш современник. 1981. № 3. С. 103.

иого гражданина, возмутившегося подобной дифференциацией профессиоиальиых преступников. Но в действнтельности уголовная среда тоже имеет своеобразиые субкультурные понятня правды, честиостн, н не прнзиавать этого иельзя (еслн для следователя преступник, ие иазвавший соучастника,— человек иечестиый, то для уголовной среды он будет благородиым).

Стараясь глубже понять механизм воровских традицнй, мы проследили дискуссию о «Калиие красиой» в среде профессиоиальных преступииков. Сущиость ее выражеиа в словах бывшего «вора в закоие» Ч.:

«Да, сейчас много пишут о правоиарушнтелях,— сообщает он в своем письме,— ио пишут неправду. Не так, как оио в жизни у правонарушителей. И поэтому у иас средн преступников часто возинкают споры. Почему имению так пишут, не так, как на самом деле, а так, как захочет писака. Однн с иашей стороны утверждают, что оин (писаки) вообще о иашей жизни не зиают ннчего и ие хотят знать. Другие утверждают, что оин все зиают, ио нм не разрешают. На этом н кончаются споры...

Шукшин очень хорошо поставнл «Калину красиую», ио в коице опять иеправда. Якобы Губа стал мстить и преследовать его за то, что ои хотел завязать и честно жнть мужиком. Это ложь! В жизни воровской такого ие было. Тем более, что в фильме показали, что Губа приехал убить его н при нем была жеищина (женщииы иа сходкн и в другие воровскне дела ие допускалнсь.— *А. Г.*). Если бы в жизни какой-либо «вор в закоие» сделал это, то его бы самого за такой беспредельный проступок воры обязательио бы зарезали».

Эта цитата подтверждает, что отошедший от «закоииков» человек протестует против искажения фактов, имеющих, по его миеиию, прииципиальиое зиачение. Он говорит: «с иашей сторона», «о иас», возмущается некомпетентностью «писак», и это лишиий раз подчеркивает силу аитиобщественных традиций — порвавший с сообществом «воров в закоие» преступник ие может порвать с укореиившейся в его созиании моралью, иеформальиыми нормами, которыми он жил четверть века.

Уголовные традиции—регулятор «второй жизни»

Традицни профессиональных преступников передаются из поколеиия в поколение, их иосителями выступает сама среда, особеиио в местах лишения свободы. Вот как рассказал о своем знакомстве в ИТК с осуждеиным рецидивистом

В.: «У него пятая ходка, и он хорошо знает обычаи. Ты, говорит, попал в преступный мир, т. е. в волчью стаю, и вой по-волчьи. Запомни, не опускай уши, а то откусят... Обыгрывай в карты, а зеки такого лоха заставят за тебя работать...» Более того, известны случаи нежелания отдельных наиболее преданных воровской «идее» преступников освобождаться, чему способствует не только отсутствие на свободе каких-либо полезных социальных связей, но и искреннее стремление воспитать молодежь на уголовных традициях (таким был известный вор по кличке «Бриллиант»).

В местах лишения свободы уголовные традиции и устанавливаемые на их основе неформальные нормы поведения регулируют отношения как в целом, так и в малых группах осужденных. По данным В. И. Быстрых, 90% осужденных объединяются в малые неформальные группы, в которых бóльшая часть правонарушений связана с отступлением от сложившихся норм поведения. При этом осужденные не только поддерживают преступные традиции, но и заинтересованы в расширении своих рядов. Поэтому живучесть уголовно-воровских традиций и обычаев — это объективное явление, обусловленное ответной реакцией антиобщественных элементов на законные требования правоохранительных органов и общества в целом. Характерно, что лица, никогда до осуждения не сталкивавшиеся с «правилами» поведения осужденных, начинают их усваивать с момента поступления в следственный изолятор. К основным из них (первоначальным) относятся: не работать в запретной и жилой зонах; жить «мужиком» и не вступать в актив; не выполнять требования администрации; не поддерживать контактов с членами актива («козлами»); не общаться с отверженными. При поступлении осужденных в ИТК также наблюдается их обработка профессиональными преступниками под различными предлогами. В итоге многие усваивают определенные модели поведения, включаются в группировки отрицательной направленности, устанавливают тесные связи с опытными преступниками, которые продолжают поддерживать их и после освобождения из мест лишения свободы. Но главное в другом — в стабилизации антиобщественной установки и постепенном переходе, как отмечает Н. А. Стручков, к так называемой иной жизни с неофициальной системой сложившихся отношений. Этот процесс активно идет не только в местах лишения свободы, но и вне

их. Уголовно-воровскне траднцни самым тесным образом связаиы с воспроизводством профессиональиых преступников за счет лиц из числа неустойчнвой частн молодежи. Существующая иерархия, стремленне к самоутверждеиию н выжнванию в условнях соцнального контроля объективно способствуют вовлеченню в сферу преступной деятельностн новых лнц. Эти лнца эксплуатнруются опытными профессионалами н, находясь в уголовной среде, быстро усваивают ее традицни и неформальные нормы поведеиня, стремясь к определенному положеиию, самостоятельностн. В профессновально-преступной среде существовали (существуют) свои «авторнтеты-знаменитости», которые являлись примером подражания. В середиие XVIII в. такнм был Ванька Каин, в начале XIX в.— Софья Блувштейн (Золотая ручка), в 20-е годы нашего столетия — Мишка Япончик, в нашн дни — Вася Брнллиант.

В уголовной среде существует такое правило, как уважение «авторитетов», причем вполие осознанное. Это достигается не просто какими-то волевыми действнямн окружения, а определеныым набором черт и свойств поведения лнчиости. Начннающий преступник всегда стремится к подобной перспективе, ориентируясь иа подобную личность. Не случайно, по даниым А. И. Миллера, 45% подростков были привлечены к уголовной ответственности за аналогнчные преступления, совершенные ранее судимымн лнцамн из нх окружения. По нашнм данным, 60% карманных воров иачали воровать в возрасте 16 лет под руководством профессиоиальных преступнников-рецидивистов, в том числе близких родственников, иными словами, профессиональный преступник создает себе подобных.

Опосредованным фактором влияння уголовно-воровскнх традиций на воспроизводство профессиональных преступников является так называемая блатная романтика, о чем свндетельствуют элементы субкультуры у осужденных несовершеннолетних, возникающие н усваивающнеся без контактов с ранее суднмыми. Прн этом, отмечал еще Г. Медынский, любая связь с рецидивистом нх значнтельно усиливает.

Существованне профессиональной преступности, особенно при длительном пасснвном отиошении к ней со стороны правоохраннтельных органов, закономерно вырабатывает, уснлнвает у преступников паразнтические установки, создает определенные мнровоззренческне

предпосылки относительно образа жнзни н поведения. Регулятивная роль традицнй начниает переходить в элемеиты органнзованности с императнвиымн установкамн и предпнсаинямн, что, иапрнмер, ярко проявляется у «воров в законе» н в преступных сообществах организоваиного тнпа. Такнм образом, помнмо траднцнй и обычаев общего характера появляются неформальные нормы межлнчностных отношенй у определенных групп и категорнй преступннков. Поэтому прав А. К. Кауэи, который, рассматривая преступные организацнн, отметил, что еслн это коллектнв, то ои нмеет все свойства коллектнва независимо от его иазиачеиня, поскольку тип отношенй устанавлнвается в связи с деятельностью и интересами членов групп. Надо заметнть, что бóльшая часть неформальных норм поведеиня связана с функцней защнты преступной группы, сохранення ее участннков. Отсюда объяснимы прнннмаемые клятвы, существующне запреты, санкцни за нх нарушения н т. п. Аналогичное отмечается в преступных органнзацнях западных стран, что лншннй раз убеждает в четкой обусловленностн н закономерности траднций н неформальных норм поведения профессиональных преступников.

Так, иапрнмер, американскне специалнсты Д. Л. Херберт н Х. Трнтт, ссылаясь на обнародованные Джозефом Валачн (мафнози) сведення, пншут, что церемоиия посвящення в преступную группу осуществляется голосованнем уже принятых членов. По завершении этого прнноснтся клятва верности и молчання, но ие на бнблни, а на револьвере 38-го калнбра н кинжала[1]. Эта церемоння осуществляется «кровным братом», состоящим в органнзацнн второй год, н завершает рнтуал посвящения.

Из характернстнкн организованных форм проявлення крнмннальиого профессноналнзма вндно, что такая деятельиость в условнях ее естественного преследовання обществом требует значительных органнзацноиных усилий преступннков. Причем она постоянно находится под воздействнем внутреннх противоречнй н внешннх конфлнктов, что неизбежно способствует вовлечеиню в сферу преступленнй нового контннгента правоиарушнтелей. Это проявляется в борьбе между группнровками

[1] Известны случаи, когда профессиональные преступники, особенно южных регнонов нашей страны, клялнсь на верность, стоя на коленях перед портретом расстрелянных главарей и целуя кинжал.

преступников, стремящихся установить свое влияние в ИТУ или каком-то регионе (городе), а также при оттоке членов организованных сообществ в места лишения свободы в связи с арестом и осуждением. Таким образом, среда профессиональных преступников, постоянно обновляясь, задерживает в своих рядах социально деградированных лиц.

Живучесть уголовных традиций

Стабильность уголовно-воровских традиций, обычаев и «законов» поддерживается также на общебытовом уровне. Многие атрибуты уголовно-воровской жизни освещаются в художественной литературе, кинофильмах, передаются в песнях. Например, песни из репертуара ансамбля «Магаданцы» под управлением Арк. Северного, «Одесситы» и т. п. Характерно, что некоторые песни преступного мира 20-х годов имеют более широкое распространение среди населения, чем в уголовно-воровской среде («Идет конвой», «Мурка», «Пацанка» и т. п.). Ярким примером также служит живучесть многих жаргонизмов и воровских песен. Причем то и другое в большей мере распространено в среде несовершеннолетних правонарушителей и играет на первоначальной стадии поведения функции самоутверждения личности. Речь должна быть эффектной, — писал еще В. Малаховский.— Введение блатного слова дает отклонение от обычного и выражение «винта нарезал» вместо «сбежал» не только поражает своей новизной, но и производит прямо чувствительное впечатление. Очевидно, не случайным является и то, что из 70% несовершеннолетних преступников, имеющих татуировки, свыше половины нанесли их из-за подражания, при этом бо́льшая часть татуированных поддерживала связь с ранее судимыми. Но опасность заключается не столько в подражании, сколько в усвоении элементов уголовно-воровской субкультуры. В беседах с преступниками молодежного возраста выяснилось, что каждый второй из них знал символы татуировок, расшифровку аббревиатур, значение «звезд» и «перстней».

В процессе исследования установлена тенденция к возрождению даже некоторых забытых уголовно-воровских традиций и установлению новых, причем характеризующихся определенной императивностью. Лишь несколько человек из числа опрошенных работников ИТУ полагали, что уголовные традиции остаются на прежнем уровне. Бо́льшая же часть констатировала их уси-

ление и, что самое опасное, приобретение черт обязательности для многих категорий преступников.

Вместе с тем, как бы ни были сильны традиции и обычаи профессиональных преступников, воспроизводство на их основе прекратится, если для этого не будет соответствующих социальных условий. Ведь по общему философскому правилу «система гибнет, когда прекращается рост и воспроизводство составляющих ее элементов»[1], иными словами, когда в уголовную среду перестанет поступать пополнение. «Следовательно, очевидно, необходимо определить те условия,— писал С. С. Остроумов,— которые подобно катализаторам активизируют, оживляют, развязывают низменные чувства у «хранителей традиций капитализма»[2].

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

К основным социальным условиям, способствующим живучести криминального профессионализма и его организованных форм, следует отнести: 1) противоречия в распределительных отношениях; 2) ослабление отдельных нравственных и социальных институтов; 3) недооценку общественной опасности профессиональной преступности и ее последствий; 4) отставание форм и методов работы правоохранительных органов от изменений качественной стороны преступности. Рассмотрим их в отдельности.

1. Противоречия в распределительных отношениях при социализме относятся к числу объективных явлений, поскольку действует принцип «от каждого — по способностям, каждому — по труду». Поэтому неравенство материального плана — явление закономерное, ибо общество без учета трудовой отдачи граждан не может их обеспечить в равной мере. Но такое неравенство не вступает в конфликт с принципами социальной справедливости. Опасна другая форма неравенства, «когда отдельные граждане тем или иным способом обирают общество, живут прямо или косвенно за его счет, за счет честных тружеников»[3]. Несправедливая, искусственно

[1] Аверьянов А. Н. Система: философская категория и реальность. М., 1976. С. 150.

[2] Остроумов С. С. Преступность и ее причины // Наука и жизнь. 1968. № 7. С. 64.

[3] Руткевич М. Н. О развитии советского общества к бесклассовой структуре // Коммунист. 1985. № 18. С. 43.

созданная форма материального неравенства явилась причиной возникновения многих социальных противоречий, связанных с частнособственнической мелкобуржуазной психологией, с острыми конфликтами в общественных отношениях.

В последние 15—20 лет повышение благосостояния народа не всегда соотносилось с должным контролем за мерой труда и потребления, неукоснительным соблюдением принципа социальной справедливости. Именно на этом отрезке времени произошел серьезный сдвиг к качественно новому состоянию общественной психологии, когда критерием социальных ценностей стали все чаще выступать уровень материального благополучия, занимаемое положение, протекционизм. Между тем «и теория, и опыт показывают, что всякое отступление от этого принципа неизбежно ведет к появлению частнособственнических, иждивенческих, потребительских настроений, других негативных явлений, чуждых трудовой природе нашего строя»[1].

Бесхозяйственность и отсутствие должного контроля, а также возникшие элементы «социальной коррозии»[2] привели к активизации расхитителей социалистического имущества, которые на протяжении длительного времени, вовлекая в сферу преступлений значительный контингент служащих, превращали отдельные отрасли народного хозяйства в источник нетрудового обогащения (особенно сферы торговли и обслуживания). Крупные и сверхкрупные хищения способствовали созданию элитарной части определенных лиц в обществе, их коррумпированию[3], что в свою очередь влекло деморализацию правопослушных граждан, многие из которых стали ориентироваться и жить по принципу «им можно, а нам нельзя?». В дальнейшем возникающие сложности в легализации незаконно добытых средств, сбыте неучтенной продукции, а также необходимость обеспечения своей безопасности и подавления конкурентов приводили, с одной стороны, к расслоению среды расхитителей, а с другой — объединению отдельных их групп по направлениям преступной деятельности. На этой основе возникли антисоциальные мораль и своеобразная идеология.

---

[1] Крупнейшее достижение современной марксистско-ленинской мысли. Статья третья // Коммунист. 1986. № 8. С. 7.

[2] Материалы Пленума ЦК КПСС, 27 — 28 января 1987 г. М., 1987. С. 11.

[3] См.: Больше принципиальности // Правда. 1987. 9 марта.

«Экспроприация экспроприаторов»

Появление значительного числа лиц, живущих на нетрудовые доходы, в конце 60-х и начале 70-х годов способствовало переориентированию профессиональных преступников (не только) на посягательства в отношении расхитителей. Выражаясь словами одного из лидеров уголовной среды г. Ташкента Н. Каграманяна (убит по решению сходки), «начался период экспроприации экспроприаторов»[1]. Вначале в Москве, а затем и в других городах страны появилась четко специализированная категория преступников, посягающих на лиц, живущих, по их мнению, не по средствам. Не случайно к этому времени относится распространение краж и разбоев с проникновением в жилище, похищение людей с целью получения выкупа, антиквариата и автомашин, находящихся в личном пользовании граждан, и т. п. В это же время активизировались забытые практикой уголовного розыска игорные мошенники, деятельность которых во многом была связана с обыгрыванием лиц, живущих на нетрудовые доходы. Таким образом, по мнению А. Яковлева, начался интенсивный процесс стихийного и уголовно-организованного перераспределения национального дохода[2], где передаточным звеном явились хозяйственные преступники. С помощью вымогательств, краж, разбоев и карточных обыгрываний традиционная уголовная среда стала получать огромные суммы денег. Это, в свою очередь, обусловило дифференциацию профессиональных преступников, появление среди них различных группировок и категорий, своих «некоронованных королей», а главное, обеспечило приток в их среду новых лиц, зараженных психологией легкой жизни.

Установление размеров дани, взимаемой с расхитителей, а в последние годы и со многих категорий профессиональных преступников, заставило их активизировать криминальную деятельность с целью компенсации утерянной выгоды. В конечном итоге процесс расслоения уголовной среды способствовал, как уже отмечалось, сращиванию хозяйственных преступников с так называ-

---

[1] Тенденцию к переориентированию профессиональных преступников заметил еще Медынский Г., анализируя письма осужденных (см.: Медынский Г. Собр. соч. М., 1981. Т. 3. С. 224).

[2] См.: Яковлев А. Достижение качественно нового состояния советского общества и общественные науки // Коммунист. 1987. № 8. С. 14.

емыми блатными, тех и других — с отдельными представителями государственного аппарата.

На особый характер связей между «теневыми» дельцами, с одной стороны, и коррумпированными работниками — с другой, указывает также академик Т. Заславская, при этом подчеркивая, что можно уверенно утверждать, что без подобной связи ни те, ни другие не смогли бы с такой полнотой удовлетворять свои личные интересы. Поэтому не случайно, по данным уголовной статистики, число осужденных за получение и дачу взятки, хищения в особо крупных размерах увеличилось с 1981 по 1985 год на одну четверть. Именно в этих социальных условиях наметилась тенденция перехода профессиональной преступности к более опасной форме — **организованной,** в основе которой, как известно, лежат коррупция и наличие устойчивых сообществ преступников.

Следует отметить, что психология стяжательства и накопительства быстро проникла в традиционную блатную психологию, где понятие «красивой жизни» отождествлялось в 50-е годы с возможностью не работать и пьянствовать. Теперь же, в 80-е годы, воры стремились к приобретению дач, машин, кооперативных квартир и даже меценатству. В местах лишения свободы и вне их среди антиобщественных элементов возросла степень морального разложения: в преступную деятельность включалось все большее число несудимых. Так, ежегодно более ²/₃ лиц осуждалось за корыстные преступления, совершенные впервые, что создавало базу рецидивной и профессиональной преступности.

2. Ослабление некоторых социальных и нравственных институтов связано прежде всего со снижением социальной роли семьи и изменением взглядов на ценности морального характера, обусловливающих мотивацию отклонений от установленных в обществе норм поведения. Действие этих факторов привело к омоложению уголовной среды. Если в 60-е годы криминологи отмечали некоторое постарение корыстного преступника, особенно воровской ориентации, то теперь отмечается обратное. В своем большинстве (91,7%) участники организованных групп являлись представителями молодежного и среднего возрастов. При этом наибольшую криминоген-

[1] См.: Заславская Т. Мы — для перестройки, перестройка — для нас // Московская правда. 1987. 1 марта.

ную часть составили лица в возрасте 19—35 лет — 77,1%. По данным официальной статистики, средний возраст воров, совершивших кражи личного имущества граждан, равнялся 29,1 года, что ниже среднего возраста всех выявленных преступников (32,6%) и всего мужского активного населения страны (34,8). По результатам нашего исследования, среди осужденных за кражу, скупку и перепродажу культурных ценностей 96% составили также лица до 30 лет; осужденных за кражи и разбойные нападения с проникновением в жилище — 70%. Даже среди «воров в законе» средний возраст не превысил 35 лет.

Рекруты профессиональной преступности

Омоложение корыстных преступников — явный показатель социальной дезориентации части молодежи. Не случайно на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС отмечалось: «Возросла прослойка людей, в том числе среди молодежи, для которых цель жизни свелась к материальному благополучию, к наживе любыми способами»[1]. Таким образом, для рекрутирования профессиональных преступников определились достаточно оптимальные условия. Они в значительной мере связаны с появившейся тенденцией отчужденности личности в семье, которая в отличие от семьи 50-х годов уже не обеспечивала воспитание ребенка, а это в конечном итоге приводило его к дезорганизации.

Проблема семьи связана со многими социальными факторами и поэтому находится в центре внимания социологов, психологов и педагогов. Нас же интересует лишь одна ее сторона — продуцирование корыстных преступников, что обусловливается настораживающей тенденцией «одиночества» молодежи, ведущей к усилению фактора неформального общения на уровне микросреды. Неформальное общение, особенно в группах отрицательной направленности, приводит к игнорированию опыта прошлых поколений и, выражаясь первоначально в противоправных поступках, со временем превращается в привычное криминальное занятие, да и абсолютное большинство «воров в законе» и других профессиональных преступников первые преступления совершили в несовершеннолетнем возрасте. Компенсация отсутствующих полезных социальных ценностей, таких, как чест-

[1] Материалы январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС. С. 12.

ность, справедливость, сострадание, доброта, которых начисто лишены, как это видно из опроса руководителей ВТК[1], несовершеннолетние преступники, находится в прямой зависимости от уровня и характера общений в неформальных группах. Именно в них правонарушители не чувствуют социальной «ущербности», стремясь к статусу суперличности. Не случайно организованные группы из числа молодежи формировались на базе неконтролируемого силового спорта или преобразовывались в таковые из неформальных объединений.

В литературе распространено мнение о влиянии рецидивистов, профессиональных преступников, а также улицы на неустойчивую часть молодежи, что в целом правильно. Но при этом нельзя подходить односторонне и забывать о другом обстоятельстве — подготовленности этих лиц к ведению противоправного образа жизни. Во многих случаях до соприкосновения несовершеннолетнего с ранее судимым внутренняя причина поведения бывает уже сформирована и ждет лишь повода к действию, ибо, как отмечал К. Маркс, «характер человека создается обстоятельствами»[2], иными словами, человек заранее социально предрасположен к тому или иному образцу поведения.

Совершение правонарушений, нахождение в антиобщественной среде создают, как известно, чувство социальной дискомфортности, порождают крушение надежд, связанных, например, с получением определенной должности, специальности и т. п. В совокупности с паразитическими установками данный фактор нередко определяет конечную цель индивидуума — занятие преступной деятельностью. Причем в уголовной среде такое лицо, начиная с второстепенных ролей, стремится занять определенное положение и со временем достигает его. Нередко этим объясняется упорное нежелание профессионального преступника встать на путь исправления. Даже искренне стремясь к перемене образа жизни, он испытывает сильное давление привычной для него жизни и часто уступает ей. Из проинтервьюированных нами 90 руководителей оперативно-поисковых групп по борьбе с карманными кражами на вопрос: «Встречались ли в вашей практике случаи отказа карманных воров от

---

[1] См.: Курин Л. Встань, подранок, на крыло//Правда, 1986. 12 июня.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 145—146.

совершеиня преступлеиий?»— отрнцательио ответили 67 человек, с оговоркой «редко» — 23, при этом 14 из них указали такую причнну, как тяжелое заболеванне.

«Они и мы»

Другой фактор детермииации криминального профессионализма связан с произошедшей переоценкой духовиых ценностей и прежде всего положеиня человека в обществе. На смену таким понятиям, как «честный и порядочиый», «ударник труда», «общественник», «бескорыстный», незаметно пришли «состоятельиый», «влиятельиый», «миллионер» и т. п.

При этом мещаиская психология вещизма и протекциоиизма проповедовалась почти открыто. Среди молодежи, школьииков, студентов стало происходить расслоение, сопряженное со статусом роднтелей и их материальными возможностями.

В постановлении ЦК КПСС «О мерах по усилению борьбы с иетрудовыми доходами» прямо указано иа то, что «стремление к стяжательству, легкое отношение к жизни не встречают осуждения в отдельиых советских семьях[1]. Более того, действия семьи бывают даже направлены иа формирование такого потребительского отношения к жизни. Если реальные доходы семьн возросли в 2,5 раза, то расходы на детей 8—10 классов соответственно в 3—5 раз[2]. Абсолютное большинство опрошенных нами студеитов 4-го курса МИХМа ждали от своих родителей не столько моральной, сколько материальиой поддержки (в опросе участвовал преподаватель советского права в институте). Характерно, что если в 40-е н 50-е годы до 70% краж совершалось подростками по причнне материальной нужды[3], то в 80-е годы свыше 40% —по мотивам потребительства[4].

Мелкобуржуазная пснхология вещизма в советском обществе была обиаружеиа как тендеиция еще в начале 70-х годов. За это время оиа породила массу гипертрофированиых потребностей, удовлетворить которые можно было лишь противоправным путем (например, иметь

---

[1] Правда. 1986. 28 мая.

[2] См.: Кузиецова Н. Ф. Проблемы криминологической детермииации. С. 13.

[3] См.: Миньковский Г. М. Некоторые причины преступиости несовершеииолетиих в СССР и пути ее предупреждеиия // Сов. государство и право. 1966. № 5 С. 84.

[4] См.: Ветров Н. И. Профилактика правоиарушеиий среди молодежи. М., 1980. С. 136.

стереоаппаратуру, автомобиль при средней заработной плате в 170 руб.). В результате одной из проблем социологии и криминологии стала проблема псевдоблагополучной семьи, в которой внешнее благополучие значительно расходится с нравственным содержанием. При определенных издержках культуры, недостатках идеологического плана у значительной части молодежи происходит разрыв связи между поколениями, переоценка нравственных ценностей, все большее отдаление от общества и его идеалов.

Совершенно отчетливо встает проблема «мы и они». Следствием этого являются не только малые неформальные группы, но и определенные течения молодежи, ориентированные на западные образцы поведения и причисляемые к «панкам», «пацифистам», «нацистам», «фанатам», «рокерам» и т. п.

Несмотря на некоторые попытки средств массовой информации их социализировать, придать им оттенок безобидности, в таких группировках насаждается своя субкультура, распространены половая распущенность, спекуляция, наркомания. Лидерами нередко являются лица, ранее судимые, а также те, кто не приемлет социалистическую мораль. Процесс социальной отдаленности определенной части молодежи, и в особенности уже зараженной антиобщественными установками, способствовал ее переориентации на устойчивое корыстное поведение.

Отсюда объяснимо и то обстоятельство, что, попадая в места лишения свободы, такие лица быстро усваивали уголовно-воровские традиции профессиональных преступников.

3. Недооценка правоохранительными органами общественной опасности проблемы криминального профессионализма и его последствий, что создавало видимость благополучия в борьбе с преступностью и не позволяло принимать правильных управленческих решений. Между тем управление любыми социальными процессами предполагает анализ и учет реально складывающейся обстановки. Когда мы пытаемся найти какие-то исключительные причины профессиональной преступности и организованных форм ее проявления, то нередко упускаем из виду почти 50-летнее замалчивание данной проблемы. Не случайно из числа проинтервьюированных работников органов внутренних дел 73% назвали одним из основных условий ослабления борьбы с профессиональной

преступностью невыгодность и боязнь огласки ее существования.

Оказались не готовы Исходя первоначально из ошибочных посылок об отсутствии в социалистическом обществе социальных причин преступности, и в особенности профессиональной, правоохранительные органы, по существу, успокаивали общественное мнение, создавая искаженное представление о реальной действительности, чему также способствовали отсутствие гласности о состоянии преступности и низкий уровень социологических исследований[1]. В итоге, как отмечалось на научно-практическом семинаре, проходившем во ВНИИ МВД СССР 16 декабря 1986 г., правоохранительные органы оказались малоподготовленными (или совсем не готовыми) как в организационном, методическом, так и правовом аспектах к борьбе с профессиональной и организованной преступностью. В настоящее время нет даже научных разработок (если не считать некоторых методик по отдельным проблемам) по профилактике криминального профессионализма и организованности преступников. В целом общественное мнение в стране и большей части работников правоохранительных органов не подготовлено к тому, чтобы должным образом оценить опасность профессиональной и организованной преступности. По-прежнему в основе оценки стоит количественный показатель преступлений (больше или меньше)[2]. Не случайно на вопрос: Ощущаются ли принимаемые меры борьбы с «авторитетами» уголовной среды» лишь 32% оперуполномоченных органов внутренних дел ответили утвердительно, 2% сказали «нет», 66% — «пока слабо».

Немаловажным фактором несвоевременного решения проблемы профессиональной преступности явился также значительный разрыв между теорией и практикой, в результате чего подавляющая часть юридических учебных заведений страны в силу различных обстоятельств, особенно засекречивания статистики, оказалась слабо осведомленной о состоянии преступности и происходящих в ней процессах. Это обстоятельство не позволило наиболее теоретически подготовленной части ученых-

---

[1] См.: Заславская Т. Перестройка и социология // Правда. 1987. 6 февр.

[2] См.: Гонтарь И. Я. О критериях работы органов внутренних дел в борьбе с преступностью // Сов. государство и право. 1986. № 9. С. 82—87.

криминологов включиться в процесс глубокого изучения «дна» преступностн (как это, иапример, было в 20-е годы).

Закон для «бесхитростных»

Длительиое замалчивание одной из центральных проблем борьбы с преступиостью (которая в 50-е годы была частнчио разрешена) привело к утере позиций, профессионального мастерства, а главиое — отставаиию уголовного закоиодательства от состояиия преступиости. «В ныиешием своем состоянии, — отмечал А. Жилиискнй,— уголовиый закои больше угрожает бесхитростиым преступиикам нлн потерявшим чувство опасиости, чем преступникам нзощреииым».

По даиным И. М. Гальперина и А. Р. Ратинова, с 1961 года по яиварь 1985 года в УК РСФСР подверглись измеиеиию 63,5% статей, прн этом 14,9% их измеиялось два раза, 6,8% — три раза н более. За это же время в Особеииую часть УК было дополнительно включено 49 статей (23% по отношеиию к числу всех статей Особенной части) н исключеио 4 статьи (1,9%). Аиалогичиое положеиие отмечается в УК других союзиых республик.

Попытка законодателя усилить борьбу с отдельиыми профессиоиализироваииыми видами преступлеиий путем включения дополнительного квалифнцирующего прнзиака «проникновенне в жилище или на объект храиеиия государствеииого имущества» не увенчалась успехом. Кражи из квартир по-прежнему возрастают. Потому, что даииый квалифицирующий призиак в равной мере отиосится с позиций правовой оценкн как к случайио проникшему преступиику, так и к преступику-профессионалу. В этой связн в определении меры наказания суды руководствовались старымн положеииями. В Москве, например, в 1983—1984 гг. срок лнщеиия свободы от 5 лет и выше назначался за кражи из квартир лишь по 5% дел, а от 2 до 3 лет — по 30% уголовных дел. По остальиым делам были примеиены еще более мягкие саикции. (В последние годы под видом гумаиизации крайне редко арестовываются даже лица, совершившие убийства и разбон. Арест применяется лишь к 25 из 100 задержаииых за совершеиие преступлеиий.) Вместе с тем исключение из закоиа квалифнцирующего призиака «примеиение технических средств» привело к заметиой активизации воров, их переквалнфикации иа карманные кражи и другие посягательства. Увеличилось также чис-

ло преступлений, совершаемых с примеиением техничес-ких средств.

По не совсем понятиой причине в то время, когда общество усиливает борьбу с иетрудовыми доходами, из ряда статей УК исключеи квалифицирующий призиак — «совершеиие преступлеиий в виде промысла», что имело самое иепосредствеииое отношеиие к борьбе с профессиоиальными преступииками, заиимающимися, например, спекуляцией и валютиыми операциями.

При квалификацин преступлеиия и последующей оценке общественной опасности личиости преступника берутся такие показатели субъекта, как призиание его ранее особо опасным рецидивистом или наличие прежией судимости, а также повторность совершаемых преступлеиий. Однако эти признаки отиосятся лишь к части профессиональных преступииков, в связи с чем в практике иаблюдается иесоответствие между степеиью общественной опасиости личности обвиияемого н определеиием ему меры иаказаиия за содеяиное. Правовая оцеика преступления и личиости иередко связывается также с суммой материальиого ущерба, и суды, руководствуясь общими стаидартами, определяют мягкое наказание без учета степеии профессиоиализации личиости виновного[1]. Так, по даииым нашего исследования, до измеиеиия уголовиого закоиодательства в 1977 году из числа впервые привлечеиных к уголовной ответствеиности карманных воров 58,8% лиц осуждалось к наказаиию, не связанному с лишеиием свободы, в том числе 30% направлялось иа объекты иародиого хозяйства. После 1977 года эти показатели увеличились, причем последний — в два раза, хотя абсолютиое большинство осужденных отиосится к профессиональным преступникам.

Упущения в уголовиом закоиодательстве привели к снижению общей и частной превеиции закоиа. Не случайно по данным переписи осуждеииых (1979 г.) доля воров-рецидивистов составила 77,4%, а средиее число судимостей у лиц, отбывающих иаказание за кражи личного имущества граждан, равиялось 3,0. Это самый высокий показатель среднего числа судимостей (у осужденных за преступления против собствеииости ои равен 2,5; среди всех осужденных, отбывающих иаказание в ИТУ,— 2,0.). Вместе с тем, несмотря иа укоренившуюся

[1] См.: Карпец И. И. Наказаиие. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973. С. 256—257.

антиобщественную установку этой категории лиц, средний срок назначенного наказания, по данным С. И. Комарицкого, не превышал 3,2 года, что ниже аналогичного показателя у осужденных за другие преступления против собственности. В результате 48,8% воров, отбывающих наказание за кражи личного имущества граждан, злостно нарушали режим и (по заключению администрации) не встали на путь исправления.

Следует учесть, что в данном случае речь идет о профессионализированной части рецидивистов. Какова же тогда оценка тех, кто систематически совершает преступления в виде промысла, но не является судимым? Совершенно очевидно, что она не объективна, в связи с чем профессиональный преступник как бы растворился в массе других правонарушителей. Пытаясь, видимо, как-то уравнять эти два типа профессиональных преступников (рецидивисты и несудимые), А. М. Яковлев не случайно предпринял в начале 60-х годов попытку к обоснованию необходимости включить в УК квалифицирующий признак «систематичность», что действительно позволило бы в какой-то мере усилить уголовно-правовую борьбу с лицами, ранее не судимыми, но обратившими преступления в источник средств существования. Усилить, но не решить полностью. Причиной, препятствующей этому, является, по нашему мнению, несовершенство институтов совокупности преступлений и соучастия в них.

Известно, например, какое значение для практики осуществления правосудия имеет институт совокупности преступлений. Однако большая часть его положений по-прежнему остается проблемой теоретического характера, в связи с чем у суда и органов следствия возникает немало вопросов. Кроме того, с этим институтом также связаны понятия повторности, неоднократности, систематичности преступлений и совершения их в виде промысла. Отсутствие четкого законодательного регулирования данного института, несовершенство действующих уголовно-правовых норм (ст. 35 Основ и ст.ст. 40, 41 УК РСФСР) приводят к тому, что лицо, обратившее преступление в источник средств существования, фактически несет реальное наказание лишь за одно из нескольких совершенных им преступлений. Суд даже в случае установления высокой общественной опасности личности виновного не может выйти за пределы санкции, предусмотренной в той или иной статье УК, по которой

обвиняется данное лицо. Между тем в юридической литературе не отрицается простая повторность и повторность-система[1].

В борьбе с организованными формами криминального профессионализма не в полной мере срабатывает также институт соучастия (ст. 17 Основ и ст. 17 УК РСФСР). В законе определены лишь виды соучастников; что же касается форм соучастия, то они закреплены в отдельных статьях Особенной части УК и не отражают разновидностей организованных групп. В других случаях квалифицирующим признаком является совершение преступления в группе и закон отсылает к ст. 39 УК РСФСР для определения отягчающего вину обстоятельства — совершение преступления организованной группой. Поскольку подавляющая часть групп действует с предварительным сговором, имеет элементы организации, то судам и следствию достаточно сложно при различной степени организованности сообществ признать группу таковой, не имея четких правовых критериев. Это подтверждается данными нашего исследования: из 200 изученных групп высокой организации лишь несколько были признаны судом в силу п. 2 ст. 39 УК РСФСР организованными. Но даже если допустить идеальное применение этой статьи, борьба с проявлениями организованной преступности не станет эффективной, так как не все виды организованной противоправной деятельности могут квалифицироваться как уголовно наказуемые. Дело в том, что в уголовном праве отсутствуют понятия такой формы соучастия, как преступная организация, и такого вида соучастника, как организатор и руководитель преступной организации. По действующему уголовному законодательству организатором признается то лицо, которое организовало совершение конкретного преступления. В этой связи лица, руководящие сообществом, но не организующие совершение конкретных преступлений, не могут нести уголовную ответственность за организационную деятельность, пропаганду воровских «идей», устройство сходок, создание денежных касс и т. п., направленных на укрепление и безопасность преступной организации. Поэтому совершенно прав И. И. Карпец, говоря, что именно через институт соучастия, отягчающих и смягчающих обстоятельств «нужно сформулировать рекомендации по ужесточению наказаний за

[1] См.: Комментарий к УК РСФСР. М., 1984. С. 180.

преступлеиия, имеющие организованный профессиональный характер»[1].

Усилению борьбы с организованной преступностью мешает противоречащая закону практика неприменения нормы УК об ответствеиности за бандитизм, что приводит к необоснованиому переносу бандитских групп в разряд разбойиых. Как уже отмечалось ранее, значительная часть изученных групп имела оружие, однако для признания их баидитскими во всех случаях требовалось наступлеиие общественно опасных последствий (убийств, крупных хищеиий и т. п.), что ие соответствует пониманию диспозиции ст. 77 УК РСФСР. Вместе с тем при серьезных осложиеииях криминологической, можно даже сказать социальиой обстановки правоохранительные органы иекоторых республик нзменяли взгляды на оценку баидитизма. Иитересы обеспечения безопасиости и правопорядка приводили к пересмотру существовавшей судебной практики по делам о бандитизме и разбое. Это, например, произошло в 1984—1988 гг. в Узбекской ССР, где резко возросла активность преступных элементов, объединенных в организованные группы и действующих под влиянием «воров в закоие», а также в Грузии, где в середиие 70-х годов увеличилось число похищеиий детей с целью получеиия выкупа н угрозами их убийством в случае его иеполучення.

Преступнику экономически выгодно

В иастоящее время борьба с проявлеииями профессиональной и организованной преступности снижается также из-за сложившихся оптимальных условий сбыта похищенного. Если сопоставить сотни тысяч совершаемых имущественных преступлений с 5—6 тысячамн возиикающих ежегодно уголовных дел по ст. 208 УК РСФСР н соответствующнм статьям УК других союзных республик, то станет очевидным бездействие даниой иормы, доказать по которой заведомо умышленную скупку краденого крайие сложно. Между тем большая часть граждан скупает похищеиное за суммы денег, явио не соответствующие стоимости вещи, в неустановленных для торговли местах н сознает или догадывается о иеправомерности подобной сделки, ио каких-либо правовых последствий в случае раскрытия преступлений не испытывает (кроме об-

[1] Карпец И. И. Какнм быть уголовному законодательству? // Соц. законность. 1987. № 6. С. 17.

ращения денег в доход государства или частного определения народного суда).

Следует сказать и о таком условии рецидивирования имущественных преступлений, как экономической их выгодности для профессиональных преступников. Сложившаяся практика возмещения материального ущерба государственным организациям, предприятиям и отдельным гражданам позволяет преступнику большую часть похищенного использовать для удовлетворения своих потребностей даже после отбытия наказания. Не случайно в среднем возмещается лишь третья часть похищенного имущества. При этом для осужденных не возникает каких-либо правовых последствий во время и после отбытия наказания (за исключением некоторых ограничений). Возмещение материального ущерба, особенно потерпевшим гражданам, имеет, на наш взгляд, политическое значение, так как страдают в основном представители рабочего класса и интеллигенции. Неудовлетворенность, связанная с фактической потерей материальных ценностей (выплату по несколько рублей в месяц за похищенную машину вряд ли можно признать компенсацией), порождает, как показал анализ жалоб и писем, поступивших в МВД СССР, негативное отношение к закону и правоохранительным органам, неверие в принцип социальной справедливости.

Борьба с профессиональной и организованной преступностью снижается также из-за несовершенства уголовно-процессуального законодательства в части сбора и оценки доказательств. Совершенно очевидно, что преступления целого ряда категорий преступников уже нельзя доказывать современными процессуальными средствами. Не случайно ведь судебная практика пошла по пути признания доказательствами данных судебно-математической экспертизы по теории вероятности и фотоснимков, полученных оперативным путем (скрытой съемкой) при установлении вины карточных мошенников. Возросшая квалификация и техническая оснащенность преступников диктуют необходимость четкого правового регулирования и применения новых видов криминалистической техники.

В последние годы профессиональные и организованные преступники все чаще прибегают к запугиванию свидетелей и потерпевших, расправе над ними. Между тем у правоохранительных органов отсутствуют реальные правовые меры по защите жизни и здоровья этих

участников уголовного процесса. В то же время практика некоторых западных стран (Франция, США) свидетельствует о необходимости введения правового института защиты свидетелей, которым, например, могут быть изменены фамилия, место жительства и т. д.

4. Отставание форм и методов работы правоохранительных органов от качественных изменений преступности. Это связано с целым рядом обстоятельств, негативно отразившихся на закреплении позиций в борьбе с профессиональной преступностью, достигнутых в 50-е годы.

Потеря профессионального ядра

Прежде всего это несоблюдение принципа преемственности поколений сотрудников правоохранительных органов, преимущественно милиции, в борьбе с преступностью. Например, увольнения значительной части личного состава милиции и прокуратуры наблюдались в 50-х, в конце 60-х и начале 80-х годов. Особенно болезненно процесс обновления проходил в аппаратах уголовного розыска, где работа, по выражению И. Н. Якимова, есть не что иное, как оперативное искусство, которое по своей сущности близко к любому иному искусству.

В последние 15 лет текучесть кадров привела к дестабилизации профессионального ядра уголовного розыска и иных оперативных аппаратов органов внутренних дел. Средний срок работы в этой службе не превышает 2,5—3 лет. Только с 1974 года московский уголовный розыск, например, обновлялся трижды. Вместе с опытными сотрудниками уходили в прошлое знание уголовной среды, многие апробированные формы и методы борьбы с ней. Можно сказать, не боясь ошибиться, что отсутствие стабильного ядра квалифицированных работников милиции является на сегодня одной из основных причин низкого уровня работы в борьбе с профессиональной преступностью. Не ставя целью анализировать известные кадровые проблемы, отметим, что, например, утеря профессионального ядра оперативных служб органов внутренних дел во многом также связана с неурегулированностью их труда и материального обеспечения по принципу социальной справедливости.

Дефицит информации

Отсутствие качественной информационно-аналитической базы не позволяло и не позволяет учитывать профессиональных преступников, следить за их движением, правильно оце-

нивать криминологическую обстановку в стране и регионах. Попытки создания учетов и аналитической службы (штаба) в силу ряда объективных, но больше субъективных обстоятельств успехом не увенчались. Созданная и не имевшая аналогов картотека криминогенных лиц, от которых в силу их антиобщественного поведения можно ожидать преступления, была ликвидирована вместе со службой профилактики. При этом не был даже обобщен десятилетний опыт работы этой службы, многие направления которой не утеряли своей актуальности и сейчас (связь с трудовыми коллективами, комплексное планирование профилактики правонарушений, использование средств массовой информации и др.).

Ликвидация указанных служб и многих позиций уголовной статистики привели к дефициту информации в подразделениях органов внутренних дел. Еще в середине 70-х годов С. С. Остроумов высказал мысль о том, что уголовная статистика является непременным условием плодотворной научной и практической работы по изучению и предупреждению преступности. Без нее неизбежны элементы схоластики и догматизма. Высказанные им соображения особенно актуализируются в условиях гласности и демократизации общества.

Каждый за себя

Постоянно ощущалась децентрализация оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел, что препятствовало надлежащему взаимодействию между службами и подразделениями в борьбе с преступностью, в особенности с профессиональной и организованной ее частью. Сложившийся узковедомственный подход, который начал преодолеваться лишь в последние один-два года, несмотря на процессы консолидации профессиональных преступников, затруднял использование всех имеющихся сил и средств в борьбе с ними.

На протяжении длительного времени информация, выходящая за пределы интересов той или иной службы, но прямо затрагивающая функции другой, по назначению передавалась не всегда. Так, несмотря на то, что на объектах обслуживания БХСС сбывалось более 40% похищенного, информация о сбытчиках и скупщиках краденого в аппараты уголовного розыска не направлялась. Например, из 7 проверенных в 1979 году районов Москвы лишь в одном было найдено уведомление работников БХСС. Отсутствовало также взаимодействие между оперативными аппаратами ИТУ и уголовным ро-

зыском органов внутренних дел. Это не давало возможности осуществлять профилактическое наблюдение за профессиональными и организованными преступниками, оперативно выявлять их преступные намерения и связи.

Следует отметить, что децентрализация в работе была присуща ее организации и внутри самих служб, в частности, разделение ГУИТУ и ГУЛИТУ[1]. В аппаратах уголовного розыска раскрытием и предупреждением имущественных преступлений в зависимости от их вида занимались несколько отделов и отделений. При подобной структуре службы у ее работников неизбежно возникала проблема взаимодействия между собой. Более того, среда корыстных преступников как бы искусственно разделялась по функциям структурных подразделений уголовного розыска. Что касается оценки личности профессиональных преступников, то под ними чаще понимались рецидивисты. Однако отделы по борьбе с рецидивной преступностью в большем объеме занимались вопросами административного надзора, и таким образом анализируемая нами категория выпадала из сферы их деятельности.

Следует учитывать и другое. Проблема организованной преступности, например, до 1985 года вообще не являлась предметом обсуждения в органах внутренних дел и относилась к общему понятию групповой преступности. Но даже в борьбе с групповой преступностью отсутствовала какая-либо целенаправленность и научная организация труда. Из опрошенных в 1984—1985 гг. руководителей ГОРОВД лишь 31,4% подтвердили наличие в отделах линии борьбы с групповой преступностью, возложенной, как правило, на одного оперуполномоченного. Поэтому не случайно, что лишь 10% осужденных за преступления, совершенные в спонтанных группах, и 5% в составе организованных сообществ состояли на криминалистических учетах.

Защищайся сам

Влияла также и недостаточная правовая защита сотрудников милиции, ведущих борьбу с профессиональными и организованными преступниками. Эта проблема возникла в последние годы. Организованные преступники в целях избежания ответственности используют различные способы подавления активности отдельных работников орга-

[1] Сейчас уже действует единое подразделение — ГУИД МВД СССР.

иов внутренних дел. О серьезности этого вопроса свидетельствуют факты вынесения им воровской сходкой приговоров, заведения на них специальных досье по сбору компрометирующей и иной информации. Лидеры уголовной среды, используя коррумпированные связи, стремятся добиться возбуждения уголовных дел против работников милиции, не идущих на противоправный контакт с ними, отстранения их от расследования (раскрытия) преступлений или от должности. Не случайно в печати появились материалы, затрагивающие факты расправы над некоторыми работниками правоохранительных органов и представителями общественности.

Настало время всем нам задуматься над тем, почему боевые потери органов внутренних дел в мирной жизни превышают потери полиции в США во много раз. Только в 1988 году при исполнении служебного долга погибло 263 человека, что больше на 65%, чем в 1987 году. Оправданы ли эти потери и в угоду кому? Причин, конечно, тут много, но одна из них, и это было подчеркнуто членами Общественного совета МВД СССР, заключается в слабой правовой защищенности самих защитников интересов государства и народа.

Есть и другая сторона этого вопроса. Не оправдывая факты нарушения социалистической законности со стороны некоторых работников правоохранительных органов, все же отметим, что большая часть инсценированных обвинений со стороны преступников, различного рода оговоры с целью уйти от ответственности не находили своего подтверждения. И что же? Кто-нибудь понес за это наказание? Ничуть! Это как бы считается делом совести самого нарушителя закона. Между тем во многих странах за подобные действия приходится расплачиваться и штрафом и даже лишением свободы.

Выводы:

1. Криминальный профессионализм и профессиональная преступность порождаются теми же причинами, что и преступность как социальное явление, но вместе с тем они имеют специфическую детерминанту—воздействие уголовно-воровских традиций и обычаев, играющих роль катализатора в воспроизводстве профессиональных преступников. Они являются своеобразным антисоциальным «законом», регулирующим отношения в криминогенной среде, укрепляющим ее паразитические установки, субкультуру, мировоззрение и в целом обеспечивающим вы-

живание профессиональных преступников в условиях социального контроля.

2. Влияние криминальных традиций на воспроизводство профессиональных преступников становится возможным при ослаблении экономических, социальных и нравственных институтов общества, особенно нарушения принципа справедливости в перераспределении народного богатства. Это ведет к расслоению и коррумпированию общества, порождает стяжательскую психологию и нравственную коррозию его членов, прежде всего среди молодежи. Гипертрофированные потребности, не согласующиеся с оплатой по труду, начинают удовлетворяться противоправными способами, при этом не получая объективной и должной оценки, осуждения со стороны целых групп и слоев населения. Не случайно распространившиеся коррупция, хищения в особо крупных размерах, различного рода злоупотребления властью привели к тому, отмечает Г. С. Батыгин, что правоохранительные органы оказались не способными справиться с этими негативными тенденциями.

Вовлечение в устойчивую преступную деятельность находится также в прямой зависимости от ослабления социализирующей роли семьи. Поэтому в целом отражением негативных социальных процессов явилось качественное и количественное изменение криминального профессионализма, перехода его к организованным формам и связи с обюрократившимися работниками государственного аппарата.

3. Организационно-управленческие недостатки в деятельности правоохранительных органов, отставание уголовного законодательства от развития общественных отношений, выступая следствием вышеуказанных социальных факторов, препятствуют нейтрализации опасных проявлений преступности.

4. В итоге можно констатировать, что рост материального благосостояния общества в целом при одновременном неравенстве граждан, возникшем за счет нарушения принципа оплаты по труду, вызвал состязательность в материальном благополучии, чем способствовал пополнению криминогенной среды новыми лицами, зараженными паразитической психологией. При соприкосновении с профессиональными преступниками, их традициями и обычаями они в конечном итоге определяли свой дальнейший жизненный путь, связанный с преступной деятельностью.

6. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕР БОРЬБЫ С ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КРИМИНАЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛИЗМА

Определение главного направления

Известно, что предупреждение, а затем и полное искоренение профессиональной преступности зависят во многом от позитивных изменений в экономике и духовной жизни общества, посредством чего будут устраняться негативные социальные факторы, ее порождающие. Однако такой процесс является эволюционным, что не совсем применимо к борьбе с преступностью, особенно в условиях коренной перестройки и революционных преобразований всех сфер жизнедеятельности нашего государства. Эволюционный процесс может иметь неблагоприятные последствия, так как потребуется относительно длительный период, в течение которого (даже при положительных результатах) будут совершаться опасные преступления, причиняя существенный вред общественным отношениям. К тому же нельзя исключать возможность приспособления устойчивых преступников к изменяющимся социальным условиям, что подтверждается историей борьбы с профессиональной преступностью в нашей стране.

Следовательно, для ускорения процесса этой борьбы также требуется перестройка деятельности правоохранительной системы государства, на что и было обращено внимание в постановлении ЦК КПСС от 20 ноября 1986 г. «О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан»[1]. Прежде всего она необходима в совершенствовании уголовного законодательства, которое должно соответствовать сложившимся на данный период времени общественным отношениям. Это положение вытекает из Политического доклада ЦК КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Совет-

[1] См.: Партийная жизнь. 1986. № 24. С. 8—11.

ского Союза и Программы КПСС[1]. Оио орьеитирует общество на бескомпромиссиую борьбу с иегативными явлениями, в том числе с преступностью, иа использоваиие для этого всей силы советского закоиа. Однако речь идет ие о коицепции ужесточеиия иаказаиия всех лиц, допустнвших правонарушеиня и даже преступлення, а о днффереицнрованном его применеиии. Усилеиие ответственностн в первую очередь касается лиц, осознаино ведущих паразитическое существоваине, зараженных частнособственннческой психологней вещизма и удовлетворяющих свон потребиости неправомериыми способами. Существование бродяг, профессиональных преступииков, многократных рецнднвнстов, злостных тунеядцев в определеииой мере подрывает авторитет н не способствует развитню соцналистического общества. Поэтому общая н частная превеицня уголовного закоиа должна быть действнтельно эффективной, а не являться предметом бесплодиых теоретнческнх днскуссий. В части квалнфикации преступленнй и определення иаказання профессиональным н органнзованным преступннкам уголовный закои следует сделать более гибкнм, позволяющнм судебным оргаиам максимально обеспечнвать нидннндуальиый подход к установленню ответственностн за содеянное. Гнбкость закоиа — это условие его стабнльности. Не случайио за четверть века, как отмечает Н. Ф. Кузнецова, 2/3 новелл в УК РСФСР оказалнсь связаниымн с уснлением уголовной ответственностн и лншь 4% — со смягченнем. Но, очевндно, нельзя вндеть в ужесточеннн закона самоцель. Указаиные нзменення являлнсь реакцией общества на повышенне соцнальиой опасиостн определенной части деяний. Вместе с тем недостаточную эффектнвность уголовного закона нельзя объяснять лншь нсключнтельной устойчнвостью профессиональных преступннков. По мненню Н. Ф. Кузнецовой, большую роль здесь играет слабая спецнальная превенцня, необеспеченне принцнпа неотвратимости ответственности за любое совершениое преступление. Ведь собствеиный опыт преступннков, шнроко распространеиное в правовой пснхологии населення представлеине о ннзкой раскрываемостн преступлеинй — все это колеблет реальность общепревентнвной угрозы наказания.

[1] См.: Материалы XXVII съезда КПСС. С. 61, 165.

Ответственность профессионального преступника

Разумеется, быстрое и полное раскрытие преступлений — дело крайне важное, но оно не сможет решить проблемы в целом, особенно в части повышения превентивной роли уголовного закона. Поэтому усиления уголовной ответственности, повышения роли частной или общей превенции закона в борьбе с профессиональной преступностью можно достичь прежде всего с помощью изменения отдельных положений института совокупности преступлений. На необходимость его совершенствования указывают также и некоторые специалисты в области проблем уголовного права, в частности И. И. Карпец и Ю. А. Красиков.

Известно, что данный институт уголовного права относится не только к назначению наказания за совершение нескольких преступлений, но и к вопросам правильной квалификации преступных действий. Особенно важна его роль в индивидуализации наказания, обеспечивающей справедливость применения уголовного закона, на что обращал внимание еще А. А. Пионтковский.

Понятие совокупности преступлений закреплено в ст. 35 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. ст. 40, 41 УК РСФСР), однако ее формы, являющиеся юридическим ключом объективного и справедливого применения закона в этой части, сохранились лишь в науке уголовного права. Думается, что было бы небесполезно вернуться к ранее существовавшему порядку, при котором формы совокупности преступлений (идеальная и реальная совокупность) были закреплены в ст. 33 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года.

Поскольку общие уголовно-правовые проблемы совокупности преступлений достаточно полно освещены в юридической литературе, то в данном случае нет нужды в детальном анализе вопросов дифференциации идеальной и реальной совокупности и всех практических вопросов, связанных с этим уголовно-правовым институтом. Остановимся лишь на положениях, касающихся ответственности преступников, систематически совершающих различные преступления.

Известно, что реальная совокупность преступлений предполагает совершение лицом нескольких преступлений, ответственность за которые предусмотрена разными статьями Уголовного кодекса. Наказание в данном слу-

чае, согласно ст. 40 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, определяется по совокупности преступлений путем поглощения менее строгого наказания более строгим либо путем полного или частичного сложения назначенных наказаний в пределах, установленных статьей, предусматривающей более строгое наказание.

Учитывая, что систематическое совершение разных преступлений (в нашем случае — имущественных) свидетельствует о повышенной общественной опасности субъекта, необходимо, чтобы суд имел правовую возможность действительно реально индивидуализировать наказание. При ныне действующем законе, если отойти от некоторых юридических формальностей, назначение наказания за каждый вид преступления приводит к тому, что лицо на самом деле несет реально наказание по одной статье, предусматривающей более строгое наказание. Совершение других преступлений является как бы отягчающим вину обстоятельством и учитывается судом при избрании окончательной меры наказания в пределах санкции данной нормы закона. Причем, если не будет отягчающих вину обстоятельств, предусмотренных в ст. 39 УК РСФСР[1], а лицо привлекается к уголовной ответственности впервые, то суд лишен возможности даже мотивировать максимальную меру наказания в пределах более строгой статьи, несмотря на то, что им будет достоверно установлено, что субъект обратил преступления в источник средств существования.

Исследование показало, что большая часть профессиональных преступников, действовавших в организованных группах, совершала преступления, ответственность за которые предусматривалась разными статьями Уголовного кодекса. Универсальный характер преступной деятельности отмечался даже у преступников-одиночек, особенно карманных и квартирных воров, мошенников. Поэтому основная мысль сводится к тому, чтобы закрепить в законе идеальную и реальную совокупность, изменить порядок назначения наказания при совершении лицом преступлений, предусмотренных разными статьями Уголовного кодекса. И тут следует согласиться с Ю. Н. Красиковым в том, что при реальной совокупности надлежит назначать наказание не путем

[1] Здесь и далее имеются в виду также соответствующие статьи УК других союзных республик.

поглощения, а путем полного или частичного сложения наказаний, но в пределах, установленных для данного вида наказания (не в пределах статьи). Отсюда следует, что профессиональному преступнику, совершившему одну квартирную кражу и одно или два мошенничества, может быть назначено наказание до 10 лет лишения свободы.

Авторы «Курса советского уголовного права», возражая ученым, стоявшим на точке зрения целесообразности представления судам права выходить при определении окончательного наказания за пределы санкции, установленной за более тяжкое из совершенных преступлений, а также за пределы максимального срока данного наказания, утверждают, что такое право суда приведет к возврату карательной политики прошлых лет, выражавшейся в чрезмерных по длительности сроках наказания[1].

Подобное мнение может возникнуть и теперь, но с ним трудно согласиться (кроме права выхода за пределы данного вида наказания, с чем мы не спорим) и вот по каким основаниям. Во-первых, право суда не является обязанностью и не может при определившейся уголовной политике его изменить. Во-вторых, индивидуализация наказания должна соответствовать той политике и тем общественным отношениям, сложившимся в борьбе с негативными явлениями, которые имеются в реальной жизни. Ведь проводя линию партии на гуманизацию наказания, следует учитывать и другое важное положение, вытекающее из новой редакции Программы КПСС,— необходимость решительной борьбы с преступностью. Следовательно, речь должна идти о дифференцированном подходе к роли и сущности уголовного наказания. В-третьих, возврата к старому уже не будет (кстати, длительность сроков наказания тоже ведь имела свое социальное и научное обоснование), потому что верхний предел наказания в виде лишения свободы не составляет 25 лет. В-четвертых, речь идет о сроках наказания в пределах данного вида наказания, а это не связывает, не обязывает суд и не стесняет его самостоятельности в выборе окончательного срока лишения свободы даже ниже низшего предела, если будут установлены юридические основания для такого решения. Наконец, как всегда,

---

[1] См.: Курс советского уголовного права. М., 1971. Т. 3. С. 165—166.

в случаях введения новелл в УК дается разъяснение Верховиого Суда СССР. К тому же в настоящее время укрепляется роль прокуратуры в борьбе за соблюдеиие социалистической закониости, что также сводит иа нет опасеиия в ее «обязательном» нарушении. Боязнь дегумаиизации не только не обоснованна в новых социальных условиях, но и вредиа, ибо может и уже порождает всепрощеичество по отношению к злостным преступникам, далеко не содействующим перестройке. Не этим ли объясияется рост тяжких преступлений, особенно их корыстиой группы?

Однако при решении проблемы реальной совокупности преступлений в борьбе с профессиональными преступниками необходимо учитывать также поиятие повторности тождествениых преступлений. В действующем уголовиом законодательстве это иашло выражеиие в таких квалифицирующих призиаках, как заиятие преступлениями в виде промысла, совершение преступлений систематически, повторно. Известио, что значительная часть профессиональных преступников специализируется только на совершении тождественных преступлений, не образующих совокупиость, и их действия в случаях вменения в вину нескольких эпизодов краж или мошеииичества квалифицируются по соответствующей части одной статьи УК (например, повторное совершение преступления). Здесь не имеются в виду случаи сочетаиия повторности и совокупиости (ст. ст. 144 и 89 УК РСФСР).

В теории и даже практических указаниях предприияты попытки выйти за пределы узкого толкования реальной совокупности и распространить ее правила иа случаи, когда лицо совершает преступные действия, предусмотрениые одной статьей УК, но разными ее частями. Но как быть при миожественности тождествениых деяний, образующих одии состав преступления? Решить проблему усиления ответственности профессиональиых преступников, которые, кстати, быстро оценят вышеназваиные изменения закона оставлением квалифицирующего призиака повторности, очевидно, иельзя. На это же указывают последствия длительиого применения статей, содержащих данный квалифицирующий признак: самый большой показатель специального рецидива, например, у воров. Повторность, систематичность совершаемых преступлений независимо от их количества как квалифицирующие признаки уравнивают преступников, не выделя-

ют тех, кто действительно обратил преступлеиия в своеобразную «профессию». Поэтому в идеальном варианте следовало бы в Общей части УК определить признаки профессионального преступника, раз уже такой тип личности признан официально советской криминологией (об этом в свое время говорили ученые 20-х годов). Правда, тут неизбежны возражения, которые могут сводиться к тому, что, во-первых, законодатель в силу исторически сложившихся предпосылок на это не пойдет (в УК редакции 1926 г. такое понятие было исключено) и, во-вторых, неоднородность уголовной среды профессиональных преступников повлечет сложности законодательного определения критериев такого типа правонарушителя (в отличие от того, как это обстоит в криминологии). Однако если исходить из массовости явления (а профессиональных преступников только из числа ранее судимых насчитывается сотни тысяч), то эти аргументы не представятся достаточно серьезными, поскольку необходимы реальные меры борьбы с данным видом преступности. Профессиональным преступником можно признавать лицо в суде, исходя из преступных устойчивых навыков и систематичности совершаемых преступлений. Закрепление в Общей части УК понятия «профессиональный преступник» может способствовать усилению ответственности наиболее злостных преступников лишь в том случае, если в уголовно-правовые нормы ввести квалифицирующий признак — совершение преступления профессиональным преступником.

Предлагаемое понятие и его юридические последствия, разумеется, не бесспорны и выдвинуты здесь в качестве теоретической проблемы. Но предосудительного тут ничего нет, ведь даже в рецидивной преступности, которая изучалась длительное время, оказались несовершенными и довольно противоречивыми многие понятия, требующие уточнения.

Вместе с тем существует и альтернативный вариант. Речь идет о возврате в уголовном праве к понятию преступного промысла и использовании его в качестве квалифицирующего признака в ряде составов преступлений, предусматривающих ответственность за посягательства на социалистическую и личную собственность граждан. Это позволит четко типизировать корыстных преступников и применять к ним справедливые меры наказания. Ведь включение в новое уголовное законодательство квалифицирующего признака «совершение преступления

лицом, ранее судимым два и более раз» коснется лишь части профессиональных преступников. А как быть с теми, кто не судим, но превратил преступления в постоянное свое занятие, иными словами, в промысел?

В данном случае под преступным промыслом следует понимать такую деятельность, которая характеризуется не просто систематичностью совершаемых преступлений, а является для субъекта основным или дополнительным источником средств существования. Санкция за совершение преступлений в виде промысла должна быть выше и приравниваться к наказанию особо опасных рецидивистов. Представляется, что это помогло бы также освободиться от неоправдавшего себя на практике квалифицирующего признака «проникновение в жилище или хранилище материальных ценностей», поскольку в его основе лежит общий способ совершения преступления, не позволяющий отграничивать преступника-профессионала от случайного.

Для более объективной оценки общественной опасности личности виновного и индивидуализации наказания было бы также целесообразно предусмотреть в ст. 39 УК РСФСР дополнительное отягчающее вину обстоятельство — «специализация лица на совершении преступлений» и понимать под ней устойчивость преступной деятельности и навыков ее осуществления.

Предвидя вопрос о том, не является ли автор сторонником реставрации института опасного состояния личности и не ведут ли предлагаемые меры к дегуманизации уголовного закона, сразу же оговоримся,— ничего подобного в виду не имеется. Речь идет совершенно о другом, хотя по действующему законодательству особо опасный рецидивист несет повышенное уголовное наказание не за само деяние, а за состояние личности, и отрицать элементы этого, очевидно, нельзя. Если же говорить действительно о гуманизации, то с ней, например, не совсем корреспондируется ст. 188^{3} УК РСФСР, предусматривающая уголовную ответственность за злостное неповиновение требованиям администрации ИТУ (уголовная ответственность без видимого объекта преступления). Причем и здесь особо опасные рецидивисты и лица, осужденные за тяжкие преступления, несут за те же действия более тяжкое наказание.

Мы же, по существу, предлагаем дифференцированно подходить и к особо опасным рецидивистам, поскольку среди них не все преступники—профессионалы, и та-

ким образом вообще освободиться от этого понятия рецидива. В целом же идея сводится к смещению акцента в сторону более правильной и объективной оценки общественной опасности личности правонарушителя, усилению общей и частной превенции уголовного закона. Уголовный закон должен обеспечить такое состояние правопорядка, при котором бы ни один случайный преступник не попал в места лишения свободы и, наоборот, ни один профессионал, совершающий преступления, не остался на свободе.

Закон против организованной преступности

Другая еще более актуальная задача, стоящая перед уголовным законом,— усиление борьбы с организованной преступностью, ибо сегодня он ее решить не в состоянии, так как институт соучастия в преступлении направлен лишь на определенные звенья данного явления. Нельзя, например, признать юридически нормальным, когда лица, совершающие определенные действия непосредственно или опосредованно способствующие укреплению безопасности преступных сообществ, координации их действий и сплоченности, не несут и не могут нести за это уголовной ответственности, поскольку не подпадают под установленные законом понятия организатора, подстрекателя или пособника.

К таким действиям относятся:

а) разработка общей криминальной стратегии и тактики действий организованных групп. Например, ориентирование на занятие рэкетом в отношении определенных категорий лиц, игорным мошенничеством с использованием специальных приемов, на способы установления коррумпированных связей; разделение сфер деятельности между организованными преступными группами; возрождение уголовных «законов» и выработка новых неформальных норм поведения, установление криминальных обычаев и традиций;

б) сплочение уголовных элементов, что проявляется в организующей деятельности по объединению групп общеуголовной направленности с группами расхитителей социалистического имущества, написании рекомендательных обращений (писем) к определенным категориям осужденных, в которых содержатся указания в части отношения к администрации ИТУ, исправительно-трудовой политике в целом, а также в создании общих денежных фондов и т. п.;

в) координация действий отдельных организованных преступных групп путем принятия решений на специальных сходках профессиональных преступников; контроль уголовной среды по городам и регионам; осуществление судейских функций по разбору конфликтов между группами или отдельными лицами и т. п.;

г) создание и общее руководство преступным сообществом через соответствующих организаторов конкретных групп, входящих в него;

д) организация противодействия нормальной работе правоохранительных органов. Это — провоцирование групп несовершеннолетних отрицательной направленности на определенные действия, ориентирование их на поддержание уголовно-воровских традиций и обычаев, а также регулирование «географии» и активности действий ряда категорий профессиональных преступников — карманных и квартирных воров, лиц, совершающих разбои, и т. п.

Отдельные из перечисленных действий лидеров уголовной среды теоретически подпадают под признаки того или иного преступления, но по своему характеру, а главное последствиям, они значительно опаснее, чем предусмотренные законом. Поэтому не случайно в ряде капиталистических стран, где существует организованная преступность, приняты специальные законы, направленные на борьбу с главарями преступных групп. Это, несомненно, обусловлено формами, размерами организованной преступности, а также возможностью правоохранительной системы. Так, в связи с распространением рэкета и коррупции в США еще в 1970 году был принят закон «Об организациях, подверженных рэкету и коррупции». Согласно этому закону руководитель любой преступной организации или группы может быть подвергнут судебному преследованию, если члены данного сообщества совершили преступление, подпадающее под понятие рэкета. Главное же заключается в том, что судебным органам не надо доказывать, что главарь преступной организации лично совершил или организовал конкретное преступление, как это было до принятия закона. По существу, он несет ответственность за действия членов созданной им преступной группы. В этой связи представляется, что наступило время критически оценить возможность института соучастия в борьбе с организованной преступностью. Очевидно, целесообразно дополнить ст. 17 Основ уголовного законодательства та-

ким видом участника преступления, как «организатор (или руководитель) преступной организации». Аналогичного мнения придерживаются А. И. Долгова, Н. А. Стручков, В. Д. Пахомов, А. Волобуев, В. М. Бурыкин[1], однако предлагают заменить термин «преступная организация» на «преступное сообщество». Не имея принципиальных возражений, автор все же исходит из двух основных аргументов, свидетельствующих в пользу своего предложения. Во-первых, «организация» как одна из форм соучастия традиционно знакома советскому уголовному праву; во-вторых, понятие «сообщество» несколько абстрактно и подходит больше к социологическим категориям.

Кроме этого, следует закрепить в ст. 17 Основ и конкретные формы соучастия — участие в группе без предварительного сговора, в организованной группе, в преступной организации. Подобная иерархия форм соучастия обусловлена зависимостью характера и степени организованных действий, внутренней субъективной связью участников, особенностями элементов организации и другими факторами, определяющими общественную опасность и дифференциацию указанных объединений. Закрепление их в Общей части УК будет способствовать более четкому подходу к квалификации преступлений, оценке действий преступников, совершающих преступления в соучастии.

Из приведенных форм соучастия меньше всего освещена в юридической литературе преступная организация. Она затрагивалась лишь применительно к ст. 72 УК РСФСР. Правда преступная организация как форма соучастия была известна еще УК редакции 1926 года. Поскольку предполагается ввести такое понятие в общеуголовную преступность, то оно нуждается в правовом анализе. Представляется целесообразным отказаться от традиционного понимания преступной организации по числу лиц, так как два лица, по нашему мнению, не могут составить организацию, что подтверждается и практикой борьбы с организованными сообществами преступников[2]. Отдельные элементы организации, несомненно, есть и в группе из 2—3 человек, но в целом они не мо-

[1] Автор совместно с этими учеными осуществлял разработку уголовно-правовых мер борьбы с организованной преступностью.

[2] Нам не встретилось ни одного объединения из двух и даже трех-четырех лиц, которое можно было бы отнести к типу преступной организации.

гут образовать организацию, которая предполагает некую систему с внешними и внутренними связями. В противном случае преступная организация будет мало чем отличаться от организованной группы, в которой также распределяются роли, планируются преступления, имеются свои лидеры и т. п.

Преступная организация, кроме этих, характерных для любой групповой деятельности признаков, предполагает наличие определенного числа лиц, руководителя (руководящего ядра), материальной базы, общей «идеологической» установки для всех участников, неформальных норм внутренней регуляции и других звеньев, типичных для структурно-организационного объединения. Как по количеству участников, так и по характеру организованности она стоит выше других видов групп, но ближе к банде и отличается от нее преступными действиями (нет оружия, а если есть, то без цели нападения на объекты и граждан, занятие вымогательством, другими преступлениями).

Отражение форм соучастия в Общей части УК без их реализации в Особенной не обеспечит должного уголовно-правового эффекта. Поэтому возникает необходимость в самостоятельном составе, предусматривающем ответственность за организаторскую преступную деятельность, создание и руководство преступной организацией, а также участие в ней. Следует подчеркнуть, что за принятие такой нормы закона высказалось 95% опрошенных работников правоохранительных органов.

Как уже отмечалось, ответственность за участие в преступной организации предусматривалась лишь в одном случае — если данное сообщество было связано с антисоветской деятельностью. Однако нет оснований считать, что подобная форма соучастия может существовать исключительно для совершения антигосударственных преступлений. Более того, за годы Советской власти значительно изменился характер антисоветских организаций (по числу лиц, преступной направленности и т. п.). Вместе с тем иное положение наблюдается теперь в общеуголовной преступности, где порою фиксируются сообщества, объединяющие сотни лиц[1]. Можно, не боясь, ошибиться, сделать вывод о том, что многие организации общеуголовных преступников превосходят по численности, степени организованности и конспирации так

[1] См. Радов А. Шайка, банда, «система» // Огонек. 1988. № 48. С. 6.

называемые антисоветские организации, занимавшиеся, например, распространением клеветнических листовок.

Предлагаемая норма закона должна, на наш взгляд, поглотить квалифицирующий признак ст. 77^1 УК РСФСР в части организации группировок для терроризирования осужденных в ИТУ и активного участия в этих группировках. Кстати, было бы полезным решить вопрос об исключении самой ст. 77^1 УК РСФСР из главы Уголовного кодекса об *иных государственных преступлениях* и разместить ее в разделе преступлений против порядка управления. Отнесение этого деяния к *иным государственным преступлениям* значительно тормозит применение закона на практике, так как, на наш взгляд, неверно определен объект посягательства: вряд ли факт терроризирования нескольких осужденных может повлиять на безопасность государства. С юридической точки зрения объектом данного преступления являются общественные отношения, возникающие в сфере управления определенными узкообусловленными процессами — организации работы по исправлению и перевоспитанию осужденных.

Аналогично мы подходим к определению объекта деятельности преступной организации, что позволило бы поместить статью о ней в главе о преступлениях против порядка управления после ст. 190^3 УК РСФСР (организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок). Родовым объектом данного преступления будет порядок управления, так как он представляет собой систему общественных отношений, «обеспечивающих авторитет органов государственной власти и управления, нормальное осуществление ими своих функций в сфере охраны общественного порядка, документального оформления и удостоверения юридических фактов, паспортного режима и в других областях государственного управления»[1]. Поскольку сферы управления достаточно многообразны, то непосредственным объектом преступления является нормальная деятельность экономико-хозяйственных систем, правоохранительных органов и исправительно-трудовых учреждений по обеспечению возложенных на них государством функций.

С субъективной стороны организованная преступная деятельность и создание преступных организаций харак-

[1] Советское уголовное право. Часть Особенная. М., МГУ. 1982. С. 317.

теризуется прямым умыслом. При этом мотивы и цели могут быть разнымн: корысть, желание утвердиться в уголовной среде, оказание противодействия органам правопорядка и т. п. Но эти субъективные признаки не должны быть связаны с подрывом Советской власти, так как в противном случае деяние охватывается соответствующими статьями УК.

Субъектом преступления следует признавать лицо, достигшее 16-летнего возраста, поскольку анализируемая преступная деятельность не характерна для подростков 14 лет.

Объективная сторона преступления более сложна, так как включает различные действия, которые можно сгруппировать по видовой направленности:

1. Организационная деятельность по подготовке и совершению тяжких и особо тяжких преступлений. Здесь не требуется наличие группы. Такой деятельностью может заниматься как одно лицо, так и несколько человек, объединенных в сообщество. Деятельность может выражаться в разработке планов преступлений по заказу других лиц, оптимизации условий для их реализации, консультировании и подготовки общеметодических инструкций («обращений»), определяющих тактику действий преступных групп.

2. Деятельность по сплочению и активизации действий лиц, совершающих преступления. Подобные действия направлены на объединение уголовных элементов в группы, возрождение и утверждение уголовных традиций с целью консолидации профессиональных (не только) преступников в местах лишения свободы и вне их. На это могут указывать организуемые сходки преступных элементов и обсуждаемые на них вопросы, написание и распространение воззваний (обращений) к уголовным элементам, создание общих денежных фондов для оказания материальной помощи преступникам, третейские суды, установление межрегиональных связей между лидерами преступных сообществ.

3. Создание организации с целью преступного промысла, оказания противодействия органам правопорядка или дезорганизации работы исправительно-трудовых учреждений.

В данном случае требуется создание преступного объединения, которое включало бы следующие признаки: наличие 5 и более лиц, устойчивость, иерархию, материальную базу, неформальные нормы поведения. Здесь

выделены три цели создания преступной организации. Как правило, они совмещены.

О создании преступной организации может свидетельствовать деятельность по подбору лиц, распределению между ними задач и функций, выработке определенной линии поведения (программа действий), единство криминальной цели. С момента одобрения общей задачи организации ее участниками она может считаться созданной.

Противодействие нормальной работе правоохранительных органов выражается в стремлении создать определенные препятствия для ее осуществления. На это указывают конкретные действия членов организации: преследование свидетелей, целенаправленная деятельность по дискредитации работников правоохранительных органов, организация неповиновения осужденных требованиям администрации, разработка уголовной тактики и ее распространение в регионе, стране и т. п.

Дезорганизация работы исправительно-трудовых учреждений преступной организацией может осуществляться как внутри ИТУ, так и воздействием извне. Вот почему необходимо изъять из ст. 77^{1} УК РСФСР квалифицирующий признак — создание группировки и активное участие в ней. Организуемые в местах лишения свободы группировки (преступные организации) терроризируют осужденных, вставших на путь исправления, устраивают групповые неповиновения, ведут подрывную работу с целью компрометации администрации, а также создания негативно-провоцирующего мнения об уголовной политике государства.

В условиях свободы подобные сообщества ставят целью воздействовать на моральное состояние осужденных, нередко руководят группировками в ИТУ, оказывая им материальную и организационную помощь. Они также организуют побеги осужденных, причисляемых к «авторитетам», осуществляют преследование бывших активистов на свободе.

Представляется, что санкции предлагаемой статьи должны быть высокими, но при условии их дифференцированного применения. Для виновных в организационной деятельности, создании и руководстве преступной организацией следует предусмотреть санкции от 8 до 15 лет лишения свободы или смертную казнь. При совершении других преступлений в результате этой деятельности квалификация по реальной совокупности не тре-

буется. Преступления в данном случае являются следствием деятельности организации, основой ее существования.

Но в преступной организации, как известно, находятся лица, выполняющие другие криминальные функции. Одни выполняют роль боевиков и исполнителей конкретных преступлений, другие (связники, сборщики дани и т. п.) не совершают общественно опасных деяний, но своими действиями способствуют функционированию организации. Поэтому и уголовная ответственность должна быть четко дифференцированной в зависимости от наступивших последствий. Техническое конструирование составов преступлений более оптимально предусмотреть в разных статьях, выделив тем самым участие в преступной организации как самостоятельное деяние.

ИНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ В БОРЬБЕ С ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Бесстрастный свидетель

Борьба с этими видами преступности, имеющими определенные защитные функции, обусловливает поиск оптимальных путей доказывания преступной деятельности с помощью использования современной криминалистической техники, не уступающей лучшим зарубежным образцам. Повнимательнее, очевидно, следует отнестись и к опыту других стран в борьбе с преступностью, в частности, к возможностям электронного наблюдения, создав для этого соответствующую правовую основу. Критикуя «Запад», мы как-то упускаем порой из виду, что принимаемые полицией меры носят не произвольный характер, а базирутся на законе. Это касается, например, пресловутого подслушивания, которое, кстати, обсуждалось в США на уровне президента. «Мы полагаем, — заявлял Р. Кеннеди, — что федеральному правительству должно быть разрешено использовать подслушивание телефонных переговоров для расследования... Это не только при расследовании дел о шпионаже и государственной измене, но и для усиления борьбы с организованной преступностью»[1]. Не случайно специалисты отмечают, что один из самых эффективных

[1] Цит. по: Николайчик В. М. США: полицейский контроль над обществом. М., 1987. С. 77.

средств борьбы с организованной преступностью в США стало именно подслушивание частных бесед членов мафии. Ежегодно с помощью этого полиция была в курсе дел более чем миллиона разговоров членов преступных синдикатов. Делается это, разумеется, с санкции суда или прокурора.

Читая эти строки, не следует сразу же заключать, что автор предлагает повальное нарушение социалистической законности. И почему именно нарушение! Напомним, что речь идет только об особо опасных преступниках, которые, кстати, сами используют технические приборы для прослушивания служебных частот радиостанций и телефонных разговоров «нужных» им лиц[1]. Поэтому для получения достоверных доказательств следует отказаться от боязни, скорее идеологического плана, применения технических средств для прослушивания телефонных разговоров и принять соответствующий закон, который бы разрешал это осуществлять — только с санкции прокурора и только после возбуждения уголовного дела против конкретных лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений.

Гуманность в борьбе с организованной преступностью

Практика также настоятельно свидетельствует о необходимости широкого использования в качестве доказательств кино- и фотодокументов, в том числе добытых в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий. Было бы весьма полезно закрепить в законе институт защиты свидетелей. Например, французским УК (ст. ст. 105, 107, 266) предусмотрена возможность освобождения от уголовной ответственности участника преступной группы, заявившего о ее существовании; в США применяется система мер по защите свидетелей (раздел 18 Свода законов США). К мерам защиты свидетелей можно было бы отнести перемещение их на другое местожительство, смену фамилий, оказание материальной помощи и т. п.

Хотелось бы обратить внимание еще на одно важное обстоятельство — совершенствование уголовно-процес-

---

[1] В Московской области была разоблачена преступная группа, участники которой имели радиопередатчик величиной со спичечный коробок. С его помощью они организовывали прослушивание допросов, проводимых следователем, что дало им возможность своевременно скрывать следы преступлений и вести свою защиту (участники группы не были арестованы).

суального н гражданского законодательства в части надежного и полного возмещения причиненного преступлениями материального ущерба, что сделает экономически «невыгодным» совершение имущественных и хозяйственных преступлений. Особенно это необходимо в решении вопросов, касающихся нмущественных интересов и прав граждан, в связи с чем следует проработать возможность создания специализированного государственного фонда для выплаты потерпевшим компенсаций[1]. Его можно образовать по аналогии с порядком накопления выплаты временных пособий на несовершеннолетних детей в период розыска их родителей, уклоняющихся от уплаты алиментов[2]. Поступления в специальный фонд должны быть за счет средств, взыскиваемых в порядке возмещения материального ущерба с лиц, виновных в совершении преступлений, изъятых у них денег, ценностей, описанного имущества, процентных отчислений от сумм пошлин, взимаемых с подсудимых в связи с рассмотрением уголовного дела в суде, а также с розыском скрывшихся от суда и следствия преступников.

КОМПЛЕКСНЫЕ МЕРЫ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

В соответствии с материалами XXVII съезда КПСС и положениями Программы Коммунистической партии Советского Союза, определившими стратегические задачи борьбы с негативными явлениями в обществе, уголовная политика государства предполагает усиление ответственности злостных преступников и паразитирующих элементов. Поэтому правоохранительным органам предстоит перестраивать свою работу в данном направлении[3].

---

[1] Предложение ранее давалось в Аналитическую справку по результатам изучения проблемы краж личного имущества граждан, которая была направлена в 1984 году в Институт Прокуратуры СССР.

[2] См. постановление Совета Министров СССР № 134 от 6 февраля 1984 г. «О введении временных пособий на несовершеннолетних детей в период розыска их родителей, уклоняющихся от уплаты алиментов» // СП СССР. 1984. № 6.

[3] В значительной мере речь будет относиться к деятельности органов внутренних дел, на которых лежит основная нагрузка борьбы с профессиональной преступностью и ее организованными формами.

Практика достижения нужных количественных показателей за счет очевидных и мелких правонарушений, камуфлирующая стоящие перед обществом проблемы, существовать уже не может. В итоге это приводит к тому, что, как отмечал на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев, правоохранительные органы кое-где «стреляют» ...из пушек по воробьям», оставляя нераскрытыми тяжкие преступления против интересов нашего общества и граждан»[1]. Сокращение в 1987 году преступности за счет «пьяных преступлений» обнаружило в то же время снижение раскрываемости почти всех имущественных преступлений, что может указывать на слабую борьбу с профессиональными и организованными преступниками. В 1988 году рост преступности возобновился, причем за счет тяжких преступлений.

Не претендуя на исчерпывающий характер освещения всех мер борьбы с криминальным профессионализмом, рассмотрим деятельность правоохранительных органов по его предупреждению на трех основных уровнях: 1) управленческом; 2) организационном; 3) организационно-тактическом.

1. Управленческие меры. Они направлены на определение перспективных задач, выработку конкретных решений и в целом должны основываться на трех стратегических концепциях, выдвинутых КПСС на XXVII съезде партии и в Программе КПСС. Речь идет о совершенствовании: а) экономической; б) идеологической; в) организационно-управленческой сферы государственной системы. Поэтому с учетом особенностей причин и условий профессиональной преступности управленческие меры рассматриваются применительно к указанным выше концепциям.

Прежде всего это **экономико-правовые меры**, имеющие целью нейтрализовать противоправное обогащение профессиональных и организованных преступников, поскольку основой их существования является соответствующая материальная база, которая, с одной стороны, включает значительные денежные средства самих уголовных элементов, а с другой — возможность ее постоянного пополнения. Важно не только выявлять расхитителей и таким образом вести борьбу с различного рода дельцами, но и создавать надежную экономико-правовую защиту, исключающую или сводящую на нет лю-

[1] Материалы январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС. С. 62

бые попытки расхищения государственного и общественного имущества.

Правоохранительные органы имеют относительно полные разработки лишь о системе и специфике хищений в сферах торговли, потребительской кооперации, должностных преступлений. Однако в нефтяной промышленности, агропромышленном комплексе и иных областях народного хозяйства проблемы экономико-правового регулирования еще далеко не решены. Данное положение подтверждается, например, вскрытыми системами хищений в хлопковой промышленности[1]. Сложные задачи также стоят в предупреждении преступлений, совершаемых с использованием ЭВМ и компьютерной техники. Отсюда очевидно, что меры экономико-правового характера потребуют исследования многих сфер народного хозяйства с учетом условий их перестройки и научного прогнозирования возможных причин и условий хищений, нейтрализация которых явится первым и, пожалуй, основным фактором предупреждения профессионально-организованной преступности.

К экономико-правовым мерам применительно к анализируемой нами проблеме следует также отнести централизованную деятельность правоохранительных и финансовых органов по обнаружению и изъятию накопленных преступниками больших денежных средств, составляющих общие воровские и долевые кассы расхитителей. Игнорирование антисоциального значения этой материальной базы преступников может вызвать отрицательные последствия (даже при полном закрытии каналов и источников их пополнения накопленные фонды способны приводить в действие механизм преступного образа жизни значительной части профессионалов).

Идеологическую сферу деятельности правоохранительных органов следует рассматривать как часть идеологической работы, осуществляемой государством, по формированию у граждан социалистического правосознания. Однако объектом воздействия в данном случае является не все население и даже не все правонарушители, а определенная, наиболее криминогенная их часть, зараженная уголовно-воровскими традициями,

[1] В Узбекской ССР, куда командированы сотни специалистов МВД, УВД страны и Прокуратуры СССР, в течение уже нескольких лет с большим трудом восстанавливаются все звенья системы хищений в сфере хлопкового производства. Трудности возникали именно в связи с незнанием всех способов и ухищрений расхитителей.

распространяющая культ насилия, денег, мелкобуржуазного вещизма и западных «образцов» жизни.

Необходимо отметить, что на протяжении длительного периода управленческие решения правоохранительных органов, связанные с предупреждением преступности, практически не принимали во внимание опасную роль субкультуры и стратификацию уголовной среды, в связи с чем не достигали профилактического эффекта, так как воспроизводство криминальных традиций и обычаев продолжалось.

Отдельные элементы субкультуры учитывались лишь применительно к пенитенциарной практике ведомственного характера. Между тем для нейтрализации воспроизводства профессиональной преступности необходима целостная система идеологических мер, основанная на закономерностях образования и развития данной субкультуры, с тем чтобы ослабить механизм ее действия. В. И. Ленин отмечал, что «у каждого общественного слоя свои «манеры жизни», свои привычки, свои склонности»[1]. Именно поэтому перестройка профилактической работы правоохранительных органов в аспекте подавления существующих уголовно-воровских традиций и обычаев должна быть нацелена против «манеры жизни», привычек и склонностей устойчивых паразитирующих элементов. Задача воспитателей, отмечал В. М. Коган, заключается в убеждении осужденных в безнравственности такой субкультуры. Однако проблему в целом решить нельзя, если ею будет заниматься узкий круг лиц и только в местах лишения свободы. В этом убеждает опыт прошлых десятилетий и наших дней. В частности, правоохранительные органы Грузинской ССР на основе решения республиканских партийных и советских органов определили перспективные направления деятельности в борьбе с преступностью и, в частности, предупреждении распространения уголовно-воровских традиций и обычаев, индивидуально-профилактической работы с их носителями. Принимаемые меры, включавшие использование средств массовой информации, взаимодействие суда, прокуратуры и МВД, привели к тому, что из 200 выявленных «воров в законе» было осуждено за преступления 180 человек. При этом 7 человек отказались от пропаганды воровских традиций и «законов», два из них — официально, по грузинскому телевидению,

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 342.

в передаче «Обворованные воры» 27 апреля 1986 г. (по мнению работников МВД ГССР, эта передача вызвала положительный резонанс).

Такая борьба, на наш взгляд, должна вестись в масштабе всей страны, поскольку ее необходимость диктуется также задачей усиления контрпропаганды против идеологических диверсий некоторых западных спецслужб. Вместе с тем не следует автоматически переносить формы и методы, оправдавшие себя в 50-е годы, по развенчанию уголовно-воровских традиций группировки «воров в законе». Например, лекция на тему «Вор в законе» — враг советского общества», которая читалась в ИТУ ранее, сейчас уже не достигнет цели, так как профессиональные преступники и их близкое окружение усвоили совершенно иные нравственные установки, определяющие мотивацию преступного образа жизни. Изучение этого вопроса позволяет прийти к выводу о принципиальной убежденности многих профессиональных преступников в необходимости «перераспределения» (так говорили подследственные) денежных средств, которыми владеют паразитирующие элементы общества.

Идеологическое направление в профилактике профессиональной преступности предполагает работу по развенчанию криминальных традиций, подрыву авторитета лидеров уголовной среды, а также формированию у граждан определенного отношения к антиобщественной субкультуре с целью ослабления механизма ее воздействия на несовершеннолетних. Важная здесь роль отводится планомерному использованию средств массовой информации. Опыт этой работы был накоплен в период функционирования службы профилактики. Аналогичное можно сказать и о перспективах формирования общественного мнения вокруг негативных явлений, что например, успешно осуществлялось институтами общественного мнения в некоторых союзных республиках. Представляется также возможным использовать в борьбе с носителями уголовно-воровских традиций мнение самих профессиональных преступников, а также части правонарушителей, являющейся их оппозицией. Следует отметить, что некоторые отошедшие от преступной деятельности «воры в законе», испытав на себе последствия преступного образа жизни, охотно включаются (особенно после публикации в «Литературной газете» статьи «Лев прыгнул») в процесс контрпропаганды воровских традиций.

Меры организационно-управленческого характера свя-

заны с непосредственным совершенствованием деятельности правоохранительных органов в борьбе с профессиональной и организованной преступностью. Повышение результативности этой работы зависит от целого ряда факторов.

Во-первых, деятельность правоохранительных органов должна основываться на объективных данных о состоянии рассматриваемого феномена, а также на научном прогнозировании возможных изменений его количественных и качественных сторон. Поэтому целесообразно предусмотреть ежегодный анализ состояния борьбы с профессиональной и организованной преступностью, дополнить учеты ГИЦ МВД СССР и ИЦ МВД—УВД крайоблгорисполкомов специальными разделами, отражающими количество профессиональных преступников и число совершенных ими преступлений, а также число разоблаченных организованных сообществ и лиц, участвующих в них.

Во-вторых, одним из центральных вопросов совершенствования работы является повышение самостоятельности низовых звеньев правоохранительной системы, особенно органов внутренних дел. Это будет способствовать повышению творческого мышления сотрудников, объективной оценке ими происходящих в преступности изменений и принятию правильных управленческих решений, исключать иждивенчество и дисквалификацию оперативного управления силами и средствами. Не случайно в числе причин слабой работы по раскрытию преступлений подавляющее большинство опрашиваемых неизменно называло нехватку людей и лишь единицы указывали на неправильную их расстановку применительно к складывающейся криминологической ситуации. Последнее оказалось наиболее актуальным в аспекте перестройки работы с помощью ввода в действие резервов.

В-третьих, необходимым условием совершенствования работы является создание кадрового, профессионально грамотного и преданного делу юстиции аппарата суда, прокуратуры и органов внутренних дел. Этот вопрос не нов, но решаться он должен по-новому. Очевидно, пора применять психологическое тестирование на профессиональную пригодность, как это давно делается за рубежом. К тому же у нас имеются неплохие методики психологического тестирования и очень плохо, что кадровики больше верят анкете.

Необходимо также вводить в практику конкурсное замещение вакантных должностей. Думается также, настало время реально оценить возможности кратковременных курсов по подготовке рядового состава и оперативных работников органов внутренних дел. Несколько месяцев стационарного обучения — срок явно недостаточный для того, чтобы научить бывших рабочих или солдат сложной профессии — борьбе с преступностью, тем более в современных условиях демократизации общественных процессов. Само собой напрашивается вывод о целесообразности создания школ или факультетов при имеющихся учебных заведениях системы МВД СССР для подготовки специалистов в области борьбы с профессиональной и организованной преступностью. И здесь можно быть уверенным в том, что материальные затраты быстро окупятся. Не зря же зарубежные страны, в том числе с более низким уровнем преступности, чем у нас, уделяют этому самое серьезное внимание. Денег на ветер выбрасывать никто не любит.

Пора, очевидно, пересмотреть и материальное стимулирование труда некоторых категорий работников правоохранительных органов, исходя из понятия социальной справедливости. Для иллюстрации приведем такой пример. Сотрудники уголовного розыска в среднем работают 13—14 часов в сутки с одним выходным, а нередко и без выходных. Их работа связана с оперативным риском, психологическими и физическими нагрузками, но оценивается она в рублях так же, как труд иного сотрудника органов внутренних дел, а порой даже ниже. Разве это справедливо? Между тем основной показатель всего подразделения оценивается по результатам уголовного розыска.

Нуждается в специальном рассмотрении и проблема правовой защиты работников правоохранительных органов, честно выполняющих свой долг, от возможных провокаций и инсценировок. Данная задача может быть разрешена не только с помощью закона, но и созданием специальной комиссии из штатных работников Прокуратуры СССР, МВД СССР, Верховного Суда СССР.

2. Организационные меры. Они предполагают разработку и принятие конкретных решений по совершенствованию с криминальным профессионализмом и потому основываются на рассмотренных выше положениях управленческого характера. Организационные меры должны быть комплексными, а это значит, что они в равной

мере касаются всех звеньев правоохранительных органов страны и не в последнюю очередь — партийных и советских органов, что непосредственно вытекает из решений XXVII съезда КПСС и Программы Коммунистической партии Советского Союза. Пора взглянуть на процесс борьбы с преступностью не с позиций требования неуклонного снижения последней, а выяснения и устранения причин тех или иных преступлений. Важно помнить и другое — состояние преступности определяется не только количественными, но и качественными показателями, что относится к распространенности профессиональной и организованной преступности. Борьба с этими видами преступности требует прежде всего координированных действий правоохранительных органов, органов власти и общественных организаций. Но координационные советы эту проблему решить не в состоянии. Поэтому, учитывая исключительную общественную опасность профессиональной и организованной преступности, было бы целесообразно создать при Совете Министров СССР координационную комиссию (комитет) из представителей советских, правоохранительных и других заинтересованных органов министерств с целью определения и согласования направлений борьбы с профессиональной и организованной преступностью, а также более полного использования в работе экономических, идейно-воспитательных, правовых и иных средств. Иными словами, нужен компетентный орган, который бы взял на себя ответственность за нейтрализацию особо опасных видов преступности и в том числе коррупции.

Одной из форм достижения согласованности в совместных действиях и придания им целенаправленности может стать «Комплексная программа борьбы с профессиональной и организованной преступностью». Перспективность разработки такой программы в масштабе страны, по союзным республикам, краям и областям можно предвидеть, основываясь на практике комплексного планирования профилактики правонарушений, когда планы разрабатывались административными, хозяйственными и общественными организациями, а затем утверждались в партийных и советских органах. Структурно комплексная программа должна иметь общий и специальный разделы.

В первом планируются меры организационного, правового, идеологического, экономического характера, обеспечивающие процесс управления организацией борьбы

с профессиональной и организованной преступностью. Второй включает конкретные мероприятия, вытекающие из непосредственных функций и задач только правоохранительных органов. В нем, например, могут найти отражение такие направления их деятельности: а) совершенствование законодательства; б) формы и методы взаимодействия; в) осуществление пенитенциарной практики и прокурорского надзора за деятельностью государственных и административных органов; г) привлечение общественности к устранению причин и условий этих явлений в обществе и др.

Не менее важная, а на данном этапе, пожалуй, главная, задача — разработка и принятие новых форм борьбы с профессиональной и организованной преступностью. Поскольку эти виды преступности, несмотря на взаимообусловленность, характеризуются разными признаками и нуждаются в дифференцированном подходе к их предупреждению, следует выделить два самостоятельных направления в организации борьбы с ними.

Личный сыск

Первое заключается в совершенствовании личного сыска в борьбе с такими категориями профессиональных преступников, как карманные и квартирные воры, мошенники, вымогатели, сбытчики и скупщики похищенного, наркотических средств, валютчики, спекулянты и т. п. Это обусловливается спецификой совершаемых преступлений, раскрытие которых наиболее оптимально осуществляется задержанием преступников с поличным.

Поскольку вопросам практического применения личного сыска в борьбе с профессиональными преступниками длительное время не уделялось внимания и многие оперативно-поисковые подразделения (ОПГ) оказались расформированными либо утерявшими свое профессиональное мастерство, представляется необходимым: 1) нормативно закрепить данное направление деятельности, четко определив функции, структуру ОПГ, формы, методы их работы; 2) ввести специальную программу обучения работников оперативно-поисковых подразделений (такого обучения не было и нет); 3) определить их правовой статус.

С учетом произошедших за 18 лет (с момента создания оперативно-поисковых групп) изменений в структуре преступности, экономическом и демографическом состоянии городов страны представляется также целесообразным:

сформировать оперативно-поисковые подразделения в каждом городе, насчитывающем свыше 50 тыс. населения. Там, где такие подразделения имеются, укомплектовать их дополнительными штатными единицами из расчета показателей роста населения и особенностей оперативной обстановки;

поставить перед оперативно-поисковыми подразделениями (группами) задачу комплексного решения проблем предупреждения и раскрытия профессионализированных видов преступлений.

Практика работы оперативно-поисковых подразделений в гг. Москве, Сочи, Одессе, Ярославле, Горьком и Новосибирске полностью подтверждает правильность данного предложения: младшие инспектора уголовного розыска помимо карманных воров задерживают значительное количество бродяг, мошенников, спекулянтов, раскрывают кражи из квартир, участвуют в розыске лиц, скрывшихся от суда и следствия. Количество задержанных преступников и раскрытых преступлений одним сотрудником ОПГ в несколько раз превышает аналогичный показатель «обычных» работников уголовного розыска.

Кроме того, целесообразно из сотрудников ОПГ ряда органов внутренних дел создать подвижную оперативно-поисковую группу под руководством работников МВД СССР для оперативной отработки курортных городов и городов, в которых складывается на данный период времени сложная криминологическая обстановка. Такая практика полностью себя оправдала в 1977—1978 гг. в борьбе с профессиональными преступниками-гастролерами.

Следует заметить, что регламентация вопросов, связанных с использованием личного сыска в борьбе с профессиональными преступниками, закономерно повлечет решение других важных задач борьбы с преступностью — поддержание правопорядка на улицах городов, усиление борьбы с бродяжничеством, проституцией, попрошайничеством и наркоманией.

Особые подразделения

Второе направление касается борьбы с организованной преступностью. Оно значительно сложнее, поскольку речь идет не о совершенствовании работы имеющихся структурных подразделений, а о формировании и укреплении новых организационных структур в системе МВД СССР и Прокуратуры СССР.

Борьба с организованной преступностью в отличие от борьбы с другими видами преступности затрагивает многие социальные сферы, прежде всего работу государственных учреждений, поэтому решить ее созданными (вернее создаваемыми) в аппаратах уголовного розыска отделами (отделениями), исходя из реальности, по-видимому, невозможно. Достаточно сказать, что после решения коллегии МВД СССР (1985 г.), определившей направления борьбы с организованными группами, борьба с организованной преступностью в целом не приобрела целенаправленного характера, а выявила и поставила перед учеными и практиками новые проблемы. Не случайно, что из опрошенных работников уголовного розыска и следствия Москвы и ряда областей центральной России большинство оценило борьбу с организованной преступностью как «слабо» и «низко» эффективную (соответственно — 36,6% и 58,7%). Поэтому одним из оптимальных путей решения данной проблемы может быть развитие самостоятельных и работоспособных подразделений (управлений) как в центре, так и на местах. Они должны иметь соподчиненность и образовывать собой систему целенаправленной борьбы с организованной преступностью. Первые шаги по созданию специализированных подразделений (если их можно так назвать) уже сделаны, но это, говоря честно, далеко от предполагаемой системы.

Создание такой системы потребует, естественно, дополнительного финансирования, однако этого не следует опасаться, так как в течение ближайшего времени оно себя полностью окупит за счет изымаемых у преступников денег и ценностей, добытых противоправным способом (опыт специального отдела при МВД УзССР показал, что такие суммы исчисляются миллионами рублей).

Созданные подразделения будут выявлять и разоблачать преступные сообщества, имеющие региональные и местные связи, занимающиеся особо крупными хищениями, рэкетом, контролем различных сфер нетрудового обогащения определенной части населения, азартных игр, устанавливающих коррумпированные связи с отдельными работниками государственного аппарата, а также лиц, ведущих организаторскую работу внутри уголовной среды. Однако нормальное функционирование подразделений возможно, как показывает некоторый опыт их деятельности, а также отдела по борьбе с организованной преступностью Узбекской ССР, при нали-

чии в них разных специалистов органов внутренних дел — работников уголовного розыска, БХСС и ИТУ. Подразделения должны также иметь хорошую техническую оснащенность и приданные им группы из работников следствия.

Результативность работы подразделения во многом будет зависеть от его информационного обеспечения и содержания деятельности. Представляется, что в этих целях следует создать внутренний криминалистический учет, позволяющий пользоваться им в борьбе с организованными преступниками. Банк информации на базе микроЭВМ должен включать данные о разоблаченных преступных сообществах, времени и месте их действий; о составе участников и их преступных связях; о месте нахождения осужденных членов групп и др.

Многоаспектность и сложность предупреждения организованной преступной деятельности позволяют также прийти к выводу о целесообразности создания при Прокуратуре Союза ССР и ее низовых аппаратах самостоятельных подразделений по борьбе с преступными сообществами и коррупцией, а также осуществлению контроля за деятельностью соответствующих управлений органов внутренних дел.

3. Организационно-тактические меры. При их рассмотрении остановимся на мерах предупреждения профессиональной преступности, поскольку они в отличие от криминалистических[1] нашли меньшее отражение в юридической литературе. Очевидно, этому способствовало то, что на протяжении длительного времени профилактика преступлений, совершаемых профессиональными преступниками, чаще отождествлялась с уголовным наказанием. Многие и теперь смотрят на скамью подсудимых как на эффективное средство сдерживания отклоняющегося поведения. Конечно, случаи добровольного отказа профессиональных преступников от привычного им занятия не часты. Однако это не может свидетельствовать о неприемлемости профилактических мер, а скорее наоборот — о крайне низком качестве их применения. Не случайно ведь у работников правоохранительных органов отсутствуют добротные методические рекомендации, разработки, обобщения по организации и тактике предупреждения профессиональной прес-

[1] Криминалистические меры, в том числе и оперативио-розыскиые, касаются тактики раскрытия отдельиых видов преступлений и примеиительио к иим имеют свою специфику.

тупности. Суровость же наказания, как известно, отнюдь не способствует исправлению профессионального преступника и об этом лучше всего говорят данные специального рецидива. И не только. Средний срок лишения свободы, назначаемый особо опасным рецидивистам из числа карманных воров, равняется 8 годам, однако серьезного сдерживающего значения он не имеет: больше половины их совершают преступления в первые полгода после освобождения. Более того, свыше 40% лиц, отбывающих наказание за кражи, даже не скрывают своих намерений продолжать их в будущем.

Отсюда следует, что общество, стремящееся к правовому государству, гуманизации уголовной политики, должно направить свои усилия на реальную профилактику преступности, создав для этого надежную правовую основу. Профилактика не только гуманнее наказания, но и дешевле экономически. В этой связи настало, очевидно, время вернуться к идее разработки и принятия закона о профилактике правонарушений, который бы регулировал деятельность государственных органов и общественных организаций в данной сфере социальных отношений. Профилактикой занимались все, а по сути — никто. Не случайно в МВД СССР создана профилактическая служба. Однако ей предстоит еще организоваться, разработать свою стратегию и тактику. Это дело недалекого будущего, между тем профессиональная, а теперь и организованная преступность требуют безотлагательных мер нейтрализации уже сейчас при наличии сил и средств, имеющихся в распоряжении правоохранительных органов. Не останавливаясь на общесоциальных мерах, зависящих от хода всей перестройки, рассмотрим некоторые специальные криминологические виды предупреждения профессиональной преступности.

Оценка ситуации. Организация профилактической работы должна предшествовать оценка состояния профессиональной преступности, особенностей перерастания ее в организованные формы. На это могут указывать следующие обстоятельства:

появление или увеличение разбойных нападений, грабежей и краж, совершаемых с проникновением в жилище граждан или хранилища государственного имущества; похищений культурных ценностей из музеев, церквей, частных коллекций; похищений людей с корыстной целью (особенно с целью выкупа); вымогательств; мошенничеств с помощью купли-продажи автомашин,

размена денег, игорных мошенничеств и других видов профессионализированных преступлений;

использование преступниками при совершении преступлений милицейской форменной одежды, специально изготовленных или приспособленных орудий преступления (удавки, усиленные домкраты, радиостанции, нарезное автоматическое оружие, взрывчатые или отравляющие вещества);

наличие данных о том, что потерпевшими являются лица, живущие на нетрудовые доходы, особенно расхитители;

обнаружение фактов создания подпольных цехов, кооперирования уголовно-воровских элементов с расхитителями социалистического имущества, сращивания их с отдельными работниками правоохранительных органов и иных государственных учреждений;

данные о проводимых на территории сходках уголовных элементов, «разборках», разделе сфер влияния между преступными группами;

информация из ИТУ о поступлении в учреждения с «воли» через нелегальные каналы продуктов питания, наркотических веществ, денег из воровских фондов для лидеров, находящихся в местах лишения свободы.

Сведения об этом можно получить, анализируя самые различные источники информации — сообщения общественности и должностных лиц, публикации в печати, материалы уголовных дел и материалы об отказе в возбуждении уголовных дел на основании ст. 113 и ст. 5 УПК РСФСР, результаты обследований и проверок, материалы официальной переписки между учреждениями правоохранительных органов. Много интересного содержат также сведения, полученные в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий (ст. 118 УПК РСФСР). С помощью их целесообразно выявлять не только конкретных лиц и совершаемые ими преступления, но и происходящие в уголовной среде изменения, противоречия, систему и характер связей профессиональных преступников, особенности их субкультуры. Иными словами, необходима подробная информация о внутренних процессах преступного образа жизни антиобщественной среды.

Результативность профилактической работы предполагает не только взаимодействие служб и подразделений МВД СССР с прокуратурой и судами, но и активное привлечение к ней горрайорганов внутренних дел.

Отиесенне вопросов предупреждення професснональиой н оргаиизованиой преступности к компетенцни лишь высшнх эшелоиов правоохраннтельиых органов ошнбочно н может повредить общему делу. Ведь професснональные преступинкн прожнвают и оргаинзуют свою деятельность на территории обслужнваиия горрайорганов и кому, как не им, прнходится ощущать на себе ее последствия. Но говоря о ролн инзового звеиа МВД СССР в профнлактике этнх опасных видов преступиостн, нельзя умолчать об измеиившейся в последнне годы роли самого миогочнслеииого корпуса мнлнцейскнх офнцеров — участковых иниспекторов. Работая в прошлом в тесиом взаимодействии с сотрудиками уголовиого розыска и даже завнся от ннх, они не только хорошо знали конкретиых професснональных преступииков, но н участвовали в пресеченнн совершаемых ими преступлеиий. Теперь же чрезмериое увлечеине так иазываемой администратнвной практнкой, нередко граиичащей с нарушеиием элементарных прав человека (плановое выявлеиие тех нли ииых категорнй иарушителей), отдалило нх от реальиой оперативной обстаиовки, от участия в раскрытни и предупрежденнн опасиых преступлеинй.

Общая профилактика. Она связаиа с выявлеиием н устраиением факторов, способствующих совершению профессионалнзироваииых видов преступлеинй.

Техннческие меры предупреждения. Прн аналнзе, напрнмер, распространениости карманиых краж можно устаиовнть, что они самым тесиым образом связаны с неудовлетворнтельной работой траиспорта на определенных маршрутах двнження, скучеииостью граждан в магазинах, вызываемой условиями торговли, отсутствнем оперативиых групп милиции в наиболее кримнногениых местах. Деятельиость профессноиальиых квартириых воров зиачнтельио облегчается не только слабой укрепленностью дверей, прнмитивиымн коиструкциямн замков и отсутствием кодовых запнраюшихся устройств в подъездах, но н безопасным сбытом похищеиного на объектах торговли н общественного пнтаиия, а также рядом внктнмологнческих условнй (четвертая часть таких краж совершается с нспользоваиием условий, создаваемых самнми жильцамн). Прнчем в разных городах этн обстоятельства имеют свон особеиности. Их устраиеиие — первая ступеиь к предупреждеиию деятельности профессиональиых преступинков, ведь еще древиие говорнли, что возможность украсть создает вора. В тех регионах, где

принимались меры по техническому укреплению объектов хранения материальных ценностей, жилищ граждан, установке промышленного телевидения в крупных промтоварных магазинах, созданию специализированных подразделений милиции, отдельные виды профессионализированных преступлений сокращались в два-три раза.

Рейды или операции, проводимые органами внутренних дел совместно с общественностью. По существу это целевые мероприятия по выявлению и изъятию из общественных мест определенных категорий лиц, совершающих преступления. Как правило, в результате блокирования районов города или области задерживается значительное число бродяг, гастролеров-рецидивистов, лиц, совершающих кражи и игорное мошенничество, сбытчиков наркотиков и т. п. К сожалению, эта традиционная форма профилактики утратила свое значение.

Правовая пропаганда. Известно, что из-за юридической неосведомленности, незнания особенностей ряда преступлений населением значительно снижается уровень предупреждения многих видов профессионализированных преступлений. Достаточно сказать, что жертвами игорного мошенничества чаще всего являлись те, кто не предполагал о существовании шулеров или «наперсточников». Из 100 потерпевших от карманных краж лишь 5 человек сознавали то, что они стали жертвами преступных действий. Бо́льшая часть опрошенных, например, даже не знала о существовании карманных воров. Многие граждане имеют самое смутное представление о том, как им поступать при обнаружении квартирной кражи, совершенного в отношении их вымогательства и т. п. Вместе с тем анализ публикаций в печати показывает, что в них больше расписываются хитроумные действия преступников, чем причины и условия, им способствующие. Именно поэтому так важно совместно с учреждениями средств массовой информации планировать правовую тематику, исходя из состояния преступности в том или ином регионе.

Частные определения судов, представления следователей и органов внутренних дел. В них администрация предприятий и учреждений уведомляется о тех упущениях и недостатках, которые способствовали совершению преступлений, а также мерах по их устранению. Эффективность таких уведомлений во многом зависит от добросовестности тех, кому они адресуются. Однако практика свидетельствует, что администрация предприятий,

учреждений и организаций почти в 40% случаев даже не отвечает на такого рода письма, а в остальных — ограничивается формальными отписками типа «меры приняты», «активизировано», «улучшено», «проведено». Причина подобного отношения во многом кроется в отсутствии реального контроля за исполнением и каких-либо юридических последствий. Чтобы преодолеть эту инертность, особенно вредную в период совершенствования хозяйственного механизма, целесообразно использовать либо возможности координационных советов правоохранительных органов, либо, что наиболее реально, возложить контроль на прокуратуру.

Индивидуальная профилактика. Меры индивидуальной профилактики в отличие от общей направлены непосредственно на личность профессионального преступника и обстоятельства, формирующие ее антиобщественную жизненную позицию.

Знать зарождение «преступных и великих мыслей»

Индивидуально - воспитательное воздействие на личность правонарушителя обычно связывается с предупреждением противоправного поведения лиц, еще не имеющих прочной антиобщественной установки. И это вполне понятно. Другое дело — преступник-профессионал, чаще всего уже прошедший испытание уголовным наказанием. Однако и здесь отрицать возможность педагогических мер, очевидно, нельзя. Еще В. Г. Белинский говорил, что нет столь дурного человека, которого бы хорошее воспитание не смогло сделать лучше. Вместе с тем практика указывает на необходимость сочетания мер воспитательного характера с жестким контролем органов внутренних дел за поведением таких лиц. Это предполагает наличие сведений о профессиональных преступниках. О воспитуемом нужно знать все — «причины самых грязных и самых высоких деяний, историю зарождения преступных и великих мыслей»[1]. Но как это сделать, если правоохранительные органы не имеют даже полных учетов профессиональных преступников, особенно по категориям (специализации).

Выявление профессиональных преступников, а тем более «авторитетов» уголовной среды,— дело довольно сложное. И не только из-за отсутствия соответствующих критериев. При освобождении лиц из мест лишения сво-

[1] Ушинский К. Д. Собр. соч. М., 1950. Т. 8. С. 35 — 36.

боды работиики милиции длительное время ие могут установить их криминальную квалификацию, поскольку в справках об освобождении указывается лишь статья УК. Между тем профессиональный преступник на вопрос: «За что осужден?»— чаще подбирает более «безобидное» преступлеиие, например, вместо карманной кражи говорит о похищеиии велосипеда по пьянке. А так как эта кримииогеиная категория часто меняет место прописки, то ее выявлеиием занимаются, порой безуспешно, многие органы виутреииих дел. Предложение же практических работников о необходимости проставлеиия в справках об освобожденни также н разновидиости преступлеиий хотя и иебезосновательно, одиако проблемы не решит. Вряд ли все профессиоиальные преступники станут исправио прибывать к избраииому месту жительства. Здесь очевиден иной подход, который позволил бы соблюсти интересы милиции и тех, кто освобождается из мест лишения свободы. Видимо, мало кто задумывался над тем, справедливо ли, что осуждеиные, отправлеииые оргаиами внутренних дел к месту отбытия иаказаиия, вынуждеиы затем после освобождеиия возвращаться самостоятельио. Это создает ряд иеудобств материального и морального плана. Было бы куда правильией также этапировать их обратно за несколько дней до окоичаиия срока отбытия наказаиия и освобождать по месту прежиего жительства (месту осуждеиия), одиовремеиио решая все вопросы, связанные с пропиской и трудоустройством. Предвижу коитраргумеит — мол, нет транспорта. Но в том то и дело, что вагоизаки, привозящие осуждеииых в ИТК, возвращаются пустыми. Остается их только заполнить, предварительио решив ряд оргаиизациоииых вопросов.

Нужны ли резервации судимых!

Настало время также подумать и о целесообразности ограничений паспортиых правил для многих категорий осужденных. Ведь совершеино очевидна парадоксальность сложившейся ситуации. С одной стороиы, мы говорим и пишем о профилактике, роли трудовых коллективов, положительном воздействии ближайшего окружения на личиость правоиарушителя, а с другой — отчуждаем эту личность от семьи, производственного коллектива и, более того, создаем резервацни рецндивистов. Не продуцируем ли мы тем самым преступность, к тому же затрачнвая огромиые силы и средства для контроля и поиска иарушителей паспортных правил.

Не отсюда ли начинается бродяжничество? В беседах с осужденными за нарушение паспортных правил («чердачниками» — даже жаргонное обозначение появилось) ни один из них не осознавал себя виновным. Многие такие «чердачники» были крайне озлоблены и становились на путь систематического совершения преступлений. Думается, что эта проблема, созданная больше ведомственными инструкциями, приобретает в условиях перестройки и политическое значение. Вот, например, как описал свои злоключения один из профессиональных преступников: «Когда освобождаешься, каждый раз решаешь больше не совершать преступления. Прибыл в город, вместо паспорта — справка. В гостиницу с ней не берут. Идешь в исполком, говорят —«приходите завтра». А дни проходят, деньги на исходе, жить негде. Такие же на вокзале мыкаются. Поговорили за жизнь, переночевали в подвале. Вид мятый, денег нет, в исполком уже идти нет смысла. Что делать?»

Противодействие носителям блатных традиций

В этой связи возникла и другая проблема — коренная перестройка всей нашей пенитенциарной системы. Можно с уверенностью констатировать, что места лишения свободы не решают в полной мере задач перевоспитания осужденных. Более того, они превратились в источник уголовных традиций, стратификации осужденных, в своеобразную школу обмена преступным опытом. И это закономерное следствие отношения к ним как к своеобразной хозяйственно-экономической сфере причем на уровне Госплана СССР. Но вряд ли подневольный труд поможет разрешить нам многие экономические проблемы. Ведь не случайно же в США, где преступность в несколько раз выше, чем у нас, в места лишения свободы поступало осужденных почти в три раза меньше. Работа по реорганизации исправительно-трудовой системы в первую очередь должна предусматривать меры по предотвращению влияния профессиональных преступников и рецидивистов на осужденных. Может быть, целесообразно создание колоний для отбытия в них наказания осужденных, причисляющих себя к «авторитетам» и «ворам в законе». Необходимо также пересмотреть режим и порядок нахождения осужденных в межобластных больницах с тем, чтобы исключить общение несовершеннолетних с носителями уголовных традиций — рецидивистами и лидерами уголовной среды.

В индивидуальном предупреждении преступлений со стороны профессиональных преступников большая роль отводится контролю за их поведением. Обеспечение контроля в данном случае предполагает его надежность и преемственность, поскольку на протяжении многих лет ранее выявленные и осужденные преступники постоянно «теряются» в учетах органов внутренних дел. Взаимодействие милиции и ИТУ в этом направлении не срабатывает и ограничивается, как правило, лицами, взятыми под административный надзор. Поэтому для преодоления ведомственности в осуществлении постоянного слежения за опасными преступниками необходимо, на наш взгляд, установить единый порядок сбора, хранения и обмена информацией о профессиональных преступниках и их намерениях. Следует, очевидно, вернуться к вопросу о целесообразности ведения досье сквозного типа на опасных профессиональных преступников. В них концентрируются сведения о личности подучетного, особенностях его преступной деятельности и криминальных связях, отражаются мероприятия воспитательного характера и иные вопросы, заслуживающие внимания.

Контроль за профессиональными преступниками должен обеспечить условия, исключающие их влияние на осужденных. Поэтому его эффективность становится выше в сочетании с мерами по предупреждению распространения криминальных традиций, организацией контрпропаганды и индивидуальной воспитательной работой. Тактическими способами контрпропаганды воровских традиций могут быть: индивидуальные беседы с осужденными, дискуссии, диспуты, лекции о негативной роли криминальных традиций в жизни осужденных; развенчание культа «справедливости» лидеров уголовной среды на конкретных примерах обмана ими осужденных; разработка с помощью актива осужденных и внедрение позитивных неформальных норм поведения, противодействующих уголовно-воровским традициям.

В организации и тактике индивидуально-профилактического воздействия на профессиональных преступников из числа лидеров имеются свои особенности, связанные с личностью воспитуемого. В этой связи необходимо уравнивать их во всем с другими категориями осужденных, дифференцированно подходить к назначению на должности в целях недопущения заняти я престижных, позволяющих утверждать свое положение в ИТК. Важно полнее обеспечивать принцип исправления трудом.

Целесообразно, например, поручать не любую работу, которую может выполнить за «авторитета» другое лицо, а лишь контролируемую, особенно уборку ПКТ, ШИЗО, спальных помещений, ремонт административных зданий и другие малопочитаемые среди осужденных занятия. Меры эти должны быть обязательно доведены до всех осужденных, особенно когда имеются сведения об использовании наказания «авторитета» для демонстрации несправедливого отношения к нему администрации.

Административный надзор

Одной из форм предупреждения рецидива является административный надзор, устанавливаемый в соответствии с действующим законодательством. Однако именно профессиональные преступники чаще всего избегают его, имитируя в местах лишения свое исправление или пользуясь формальным отношением работников милиции, устанавливающих ограничительные меры. Для многих категорий профессиональных преступников, специализирующихся на имущественных преступлениях, административный надзор будет иметь сдерживающее значение лишь в том случае, если, например, запрещать посещение не вообще отдельных пунктов района (города), а тех мест, в которых совершаются данные преступления. Это — крупные магазины, рынки, определенные маршруты городского транспорта и т. п. Но на практике подобные ограничения расцениваются прокуратурой как нарушение законности, хотя, например, ограничения, запрещающие пребывать в определенных пунктах города, можно понимать гораздо шире. Вот и получается, что карманный вор днем совершает кражи, «наперсточник»— мошенничества в общественных местах города, а вечером они дожидаются участкового инспектора, дабы он убедился в их «правопослушном» поведении. Поэтому меры ограничительного характера должны быть более гибкими, раз уж в законе определена такая форма контроля, как административный надзор.

Нейтрализация аномальной психики

Среди профессиональных преступников, особенно рецидивистов, значителен удельный вес хронических алкоголиков и наркоманов, достигающий среди отдельных категорий, соответственно, 60% и 30%. Как правило, регрессный тип личности профессионального преступника страдает также другими психическими расстройствами. Причем по мере увеличения числа судимостей увеличивается удельный вес лиц, имеющих

аномальную психику. В этой связи алкоголизм, наркомания, другие психические расстройства, явившиеся следствием преступного образа жизни, становятся одной из доминирующих причин совершения преступлений. Например, профессиональный вор — наркоман тратит в неделю до 500 руб. на приобретение наркотиков. Отсюда очевидно, что лечение таких лиц явится действенным средством предупреждения целого ряда профессионализированных преступлений. Поэтому было бы целесообразно в каждом случае привлечения к уголовной ответственности профессионального преступника, особенно из числа бродяг, направлять его на психиатрическую экспертизу для определения необходимости применения ст. 62 УК РСФСР — принудительного лечения от алкоголизма или наркомании. Обществу, очевидно, должно быть небезразлично увеличение психических заболеваний среди многократно судимых лиц.

Против неисправимых

Говоря о предупреждении преступлений со стороны профессионалов, следует учитывать неизбежность мер принуждения, так как многие лица практически не подвержены мерам воспитания и, по существу, не исправимы. Они этого даже не отрицают. Вот почему так важно наряду с индивидуальной профилактикой осуществлять комплекс мер по пресечению преступной деятельности на стадиях приготовления или покушения на преступления. Однако такие дела не часты. Причина кроется в слабой технической оснащенности оперативных служб милиции и недостаточном законодательном регулировании использования техники в доказывании преступлений, особенно при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Об эффективности технических средств свидетельствуют отдельные факты. Неоднократно судимый за карманные кражи и никогда не сознававшийся в них С. был задержан в Улан-Удэ с поличным в седьмой раз. В зале суда он вел себя вызывающе, оговаривал сотрудников милиции (других свидетелей не было), утверждал, что кошелек ему подкинули специально. Присутствовавшие в зале суда его родственники и многочисленные знакомые, в основном карманные воры, стали громко возмущаться. Потерпевшая по существу дела ясности не внесла. Тогда председательствующий распорядился принести в зал кинопроектор и отснятую пленку. При первых же кадрах С. произнес: «Выключите, я все расскажу».

Аналогичное происходило и с доказыванием карточного мошенничества, когда в г. Новосибирске и Москве была применена судебно-математическая экспертиза по теории вероятности. После того как шулера узнали, что для одновременного прихода в течение 15 минут карт с 30 и 31 баллами необходимо сыграть более 50 тысяч конов, некоторые из них признали вину в совершенном мошенничестве. Поэтому, говоря о пресечении преступлений, о неотвратимости наказания, нельзя не вспомнить слова одного из первых советских криминалистов И. Н. Якимова, говорившего, что вор должен постоянно чувствовать занесенную над ним руку уголовного розыска, готовую схватить его при малейшей попытке совершить преступление.

Выводы:

1. Борьба с криминальным профессионализмом и его организованными формами в социальном аспекте предполагает систему экономических, идеологических и правовых мер, осуществляемых государством в условиях перестройки. Однако усилить ее призваны специальные меры профилактики, направленные непосредственно на предупреждение криминального профессионализма правоохранительными органами во взаимодействии с общественными организациями.

Эффективность борьбы обусловливается комплексным подходом к предупреждению профессиональной преступности как явления, а не отдельных видов профессионализированных преступлений.

2. В системе мер борьбы с профессиональной преступностью важная роль отводится совершенствованию уголовно-правовых институтов совокупности преступлений и соучастия в преступлениях, введению дополнительных квалифицирующих признаков в составы корыстных преступлений и нового отягчающего вину обстоятельства, связанного со специализацией преступников.

Совершенствование института совокупности преступлений возможно посредством закрепления в законе идеальной и реальной совокупности, а также изменения порядка назначения наказания при совершении лицом разных преступлений. При реальной их совокупности целесообразно предоставить судам право назначать наказание путем полного или частичного сложения наказаний в пределах, установленных для данного вида наказания.

Совершенствование института соучастия в преступлениях преследует цель усиления уголовной ответственности за организованное участие в антиобщественных деяниях, в связи с чем в законе следует закрепить не только виды соучастников, но и формы соучастия. Дополнить УК уголовно-правовой нормой, предусматривающей ответственность за ведение организаторской преступной деятельности и создание преступной организации.

3. Усиление борьбы с криминальным профессионализмом и корыстной преступностью в целом требует разработки таких мер, которые бы позволили сделать «экономически» невыгодным совершение преступлений. Достичь этого можно совершенствованием уголовно-процессуального и гражданского законодательства в части возмещения материального ущерба, причиняемого преступной деятельностью. Возмещение материального ущерба гражданам должно полностью взять на себя государство, создав для этого специальный фонд.

4. Нейтрализация криминального профессионализма предполагает комплекс мер организационно-управленческого и тактического характера, осуществляемых правоохранительными органами по подрыву материальной базы профессиональных преступников и механизма действия криминальных традиций и обычаев. Этого можно достичь на основе комплексной программы борьбы с проявлениями профессиональной и организованной преступности.

5. Совершенствование специальных мер предупреждения криминального профессионализма связано с реорганизацией и укреплением оперативно-поисковой службы органов внутренних дел, а эффективная борьба с проявлениями организованной преступности — с созданием и активной работой в структуре МВД СССР специальных подразделений.

6. Вопросы борьбы с этими негативными явлениями выходят за пределы деятельности МВД СССР, поэтому аналогичное направление работы следует выделить в Прокуратуре Союза ССР и ее низовых аппаратах.

7. Результаты проведенного исследования позволяют констатировать необходимость скорейшего создания в стране надежной системы противодействия распространению профессиональной и организованной преступности, поскольку промедление здесь может повлечь изменения ее количественных и качественных признаков.

19 Заказ 4407

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

После ряда публикаций в центральной печати, разоблачающих деятельность профессиональных и организованных преступников, в некоторых регионах, как сообщили мне практические работники, состоялись сборища уголовных элементов местного значения. Чем же они были так обеспокоены? Их, оказывается, прежде всего волновало дальнейшее поведение в условиях активизации борьбы с преступностью, причем основную угрозу они увидели в возможности принятия новых законов, о которых высказывались ученые и практики. Один из «авторитетов» выразился предельно четко: «Тогда нам хана».

Раз уж эта сторона вопроса волнует тех, кто целенаправленно нарушает закон, то в не меньшей мере она касается и тех, кто этот закон создает. Именно поэтому автор уделил внимание раскрытию качественной стороны современной преступности, предприняв в преддверии совершенствования законодательства попытку взглянуть на явление как бы изнутри. Знание преступности, и в особенности ее «дна», несомненно будет способствовать принятию разумных альтернативных решений в подходе к той или иной правовой ситуации при разработке законов, касающихся борьбы с наиболее опасными видами преступного поведения.

Вместе с тем автор не ожидает однозначных суждений по книге. Они могут, а скорее всего будут, разными и у практиков, и у ученых, и у тех из 24 млн. осужденных за последние 30 лет, почти третья часть которых успела совершить новые преступления. Тем более что в книге сочетаются данные научных исследований и личные наблюдения, полученные автором во время практической работы. Очевидно следует также учесть и региональную неадекватность описываемого явления, здесь, при схожести основных тенденций, могут наблюдаться и некоторые различия. Более полно их выявить — задача местных криминологов и практиков.

Вполне возможно, что некоторые правовые нормы, о которых говорилось в книге, будут приняты до ее выхода в свет. И это тоже естественно, ведь она готовилась в период разработки Основ нового уголовного за-

конодательства, где автор принимал посильное участие. Если такое случится, то оно лишь подтвердит правильность доказываемой позиции.

Что же касается некоторых непривычных и даже беспокойных для неспециалистов положений книги, то опасаться этого не стоит. В целом ситуация поддается социальному контролю, нужно только время и нужна железная рука, как говорил В. И. Ленин. Но для того, чтобы победить, нужно истине, хотя бы и самой печальной, по словам вождя, смотреть прямо в глаза.

Сейчас такая ситуация наступила. И очень хорошо, что об этом прямо и откровенно высказывались народные депутаты СССР от имени своих избирателей. Совершенно очевидно, что в стране должен быть устойчивый правопорядок. Создавая правовое государство, нельзя допустить такого положения, чтобы к нашим многочисленным дефицитам, как высказался один из народных депутатов СССР, добавились еще дефициты общественного порядка и безопасности советских людей.

Время сегодня дает каждому человеку шанс для определения своего места и роли в жизни. Это касается и тех, кто свои силы, знания и опыт применяет для достижения противоправных целей. Альтернативы у них нет. Нет ее и у государства, одной из функций которого является защита своих граждан.

ОБ УСИЛЕНИИ БОРЬБЫ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Постановление Съезда народных депутатов Союза Советских Социалистических Республик

Съезд народных депутатов СССР выражает серьезную озабоченность состоянием правопорядка и ростом организованной преступности в стране. Кризисные явления в экономике, острый дефицит товаров и услуг, противоречия и трудности в социальной, духовной и других сферах общественной жизни, ослабление дисциплины и ответственности способствуют росту преступности и ее организованных форм. Увеличилось число убийств, дерзких видов вымогательства, хищений, взяточничества и других тяжких преступлений. Преступники объединяются в организованные группы, повышается уровень их вооруженности и технической оснащенности, происходит сращивание преступных групп с коррумпированными должностными лицами.

Организованная преступность обусловливает рост наркомании, пьянства. Особую тревогу вызывает то, что в паразитический образ жизни и преступную деятельность втягивается молодежь, под угрозой оказывается ее физическое и нравственное здоровье. Приобретают все более организованный и экстремистский характер действия националистически настроенных групп. Используя разбалансированность потребительского рынка, несовершенство хозяйственного механизма, деформации в кооперативном движении, теневую экономику, преступные группы концентрируют в своих руках значительные средства.

Действия преступников становятся более агрессивными и жестокими, что создает неуверенность граждан в личной безопасности. Организованная преступность, по существу, бросила вызов советскому обществу. Дальше с этим мириться нельзя.

В создавшихся условиях правоохранительные и другие государственные органы оказались не готовы к эффективной борьбе с организованной преступностью. Не соответствуют современным требованиям кадровое и материально-техническое обеспечение правоохранительных органов и координация их деятельности. Все больше дают себя знать серьезные недостатки в правоприменительной практике и несовершенство законодательства. Принятые Верховным Советом СССР решения по усилению борьбы с преступностью не везде реализуются достаточно последовательно и целеустремленно

и еще не дали заметных результатов. Малоэффективными оказались меры по преодолению опасных конфликтных ситуаций в различных регионах страны, нарушений в работе транспорта, что нередко используют организованные преступные группы.

Учитывая требования советских людей о наведении должного порядка в стране и выражая их волю, Съезд народных депутатов СССР постановляет:

1. Считать борьбу с преступностью, в особенности с ее организованными формами, важнейшей общегосударственной задачей, от решения которой во многом зависят нравственно-политический климат в обществе, успех перестройки. Съезд обязывает Советы народных депутатов, временные комитеты по борьбе с преступностью, органы государственного управления, правоохранительные органы, народный контроль объединить свои усилия по укреплению правопорядка с общественными организациями, трудовыми коллективами, советскими гражданами. Никто не может стоять в стороне от решения этой важнейшей задачи. Общество должно дать решительный отпор преступному миру.

Первостепенное значение в борьбе с организованной преступностью будет иметь общее оздоровление социально-экономической, политической, нравственной обстановки в стране, укрепление государственной и трудовой дисциплины.

2. Съезд народных депутатов СССР требует от работников правоохранительных органов обеспечивать быстрое и полное раскрытие преступлений, в особенности тяжких и совершаемых организованными группами.

Министерству внутренних дел СССР, Комитету государственной безопасности СССР и Прокуратуре Союза ССР во взаимодействии с заинтересованными министерствами и ведомствами СССР принять решительные меры по разоблачению организованных преступных групп и пресечению их действий, обратив особое внимание на повышение эффективности борьбы с законспирированными преступными сообществами, использующими межнациональные конфликты, связанными с теневой экономикой, коррумпированными элементами в государственном аппарате, а также связанным с преступными группами за рубежом.

Съезд народных депутатов СССР особо подчеркивает, что вся деятельность по борьбе с преступностью должна строиться на основе Конституции СССР, конституций союзных и автономных республик, при строжайшем соблюдении социалистической законности.

3. Поручить Верховному Совету СССР:

рассмотреть на третьей сессии вопрос об изменениях в уголовном и процессуальном законодательстве, направленных на обеспечение неотвратимости уголовной ответственности всех членов преступных групп, в первую очередь их организаторов, а также проект Закона о советской милиции;

ускорить принятие новых Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и Основ уголовно-исполнительного законодательства Союза ССР и союзных республик, законодательных актов СССР об уголовной ответственности за отдельные категории преступлений, законов о Верховном суде СССР, Прокуратуре СССР, Комитете государственной безопасности СССР, народном контроле в СССР и Государственном арбитраже в СССР; законодательных актов, направленных на совершенствование системы

профилактики правонарушений, а также социальной адаптации лиц, отбывших уголовные наказания;

образовать Комитет Верховного Совета СССР по вопросам борьбы с преступностью.

4. Рекомендовать Верховным Советам союзных республик принять в ближайшее время законодательные акты, направленные на защиту потерпевших и свидетелей, а также усиление правовой защищенности тех, кто выполняет служебные обязанности или общественный долг по борьбе с преступностью.

5. Поручить Совету Министров СССР:

разработать комплекс мер, направленных на устранение причин и условий, порождающих теневую экономику, коррупцию, бесхозяйственность, расточительство, которые являются питательной средой организованной преступности;

создать систему действенного контроля за доходами граждан и организаций, препятствующую незаконному обогащению; расширить и усовершенствовать систему безналичных расчетов между государственными, кооперативными и другими общественными предприятиями, учреждениями и организациями при выполнении ими взаимных обязательств по хозяйственным договорам;

представить на рассмотрение третьей сессии Верховного Совета СССР предложения о неотложных мерах по борьбе с организованной преступностью;

завершить в 1990 году разработку общесоюзной программы борьбы с преступностью, особо предусмотрев в ней комплекс мер социально-экономического, политического и правового характера, направленных против организованной преступности, вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность, распространения носящих преступный характер неуставных отношений в армии;

решить вопрос о коренном улучшении технического оснащения правоохранительных органов, соответствующего современным требованиям борьбы с организованной преступностью, имея в виду и возможности конверсии оборонных отраслей промышленности, для повышения эффективности оперативно-розыскной и следственной деятельности и работы экспертных учреждений;

рассмотреть вопрос о создании специальных межведомственных региональных подразделений по борьбе с организованной преступностью;

принять меры по надлежащему кадровому обеспечению правоохранительных органов, совершенствованию подготовки и повышению квалификации их работников, улучшению условий труда и быта, обеспечению жильем, медицинским обслуживанием;

развивать сотрудничество с правительствами зарубежных стран и международными организациями по проблемам борьбы с организованной преступностью, обеспечить участие заинтересованных ведомств в международных программах борьбы с преступностью.

6. Государственному комитету СССР по науке и технике, Академии наук СССР, Государственному комитету СССР по народному образованию, научным учреждениям правоохранительных органов обеспечить комплексные исследования проблем организованной преступности и разработку на этой основе научно обоснованных рекомендаций и технических средств по борьбе с ней.

7. Съезд народных депутатов СССР обращается к средствам массовой информации, их редакционным коллегиям и журналистскому корпусу с призывом развернуть всестороннее и правдивое освещение проблем борьбы с преступностью, активно вскрывать

причины негативных проявлений, способствовать формированию у населения уважения к закону, повышению авторитета работников милиции, суда, прокуратуры и других правоохранительных органов, пропагандировать положительный опыт профилактики правонарушений. Съезд признает необходимым расширить выпуск юридической литературы, начать в 1990 году издание массовой всесоюзной юридической газеты.

В стране разворачиваются процессы революционного обновления, складывается подлинно правовое демократическое государство. У Советской власти, у народа достаточно сил, чтобы решительными и твердыми действиями пресечь разгул преступности, обеспечить законность и строгий правопорядок.

Председатель Верховного Совета СССР
М. ГОРБАЧЕВ.

Москва, Кремль. 23 декабря 1989 г.

О СОСТОЯНИИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В СТРАНЕ И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ МЕРАХ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

В Центральном Комитете КПСС

Центральный Комитет КПСС 2 апреля 1988 г. принял постановление «О состоянии борьбы с преступностью в стране и дополнительных мерах по предупреждению правонарушений». В нем отмечается, что перестройка всех сторон жизни нашего общества, радикальная экономическая реформа, последовательная демократизация и гласность органически связаны с укреплением социалистической дисциплины и законности и требуют решительного противодействия любым нарушениям советского правопорядка. В условиях перестройки трудящиеся справедливо высказывают свое возмущение фактами беззакония и бюрократизма, посягательства на народное достояние, на законные интересы трудовых коллективов, честь и достоинство личности.

Все это требует поднять на качественно новую ступень борьбу с правонарушениями и преступностью, активизировать деятельность партийных и государственных органов по дальнейшему укреплению социалистических устоев жизни нашего общества, защите коллективных и личных интересов советских людей. В результате работы, развернувшейся в этом направлении после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС и XXVII съезда партии, в стране несколько укрепились дисциплина, общественный порядок и законность. Усилилась работа партийных, государственных, общественных орган-

заций, трудовых коллективов по искоренению правонарушений, обеспечению сохранности социалистической собственности, преодолению пьянства и наркомании. Начиная с 1985 года идет процесс последовательного снижения преступности. В прошлом году общее количество преступлений сократилось на 9,5 процента, в том числе тяжких — на 14 процентов. Более активно велась борьба с хищениями народного добра, спекуляцией, правонарушениями на транспорте, лучше обеспечивалось исполнение законов об охране природы.

Вместе с тем за последнее время в борьбе с правонарушениями и преступностью все заметнее стали проступать такие отрицательные тенденции, которые не могут не беспокоить партию и общество. Особую озабоченность вызывает значительное распространение краж государственного, общественного и личного имущества, взяточничества, совершение в ряде мест жестоких актов насилия, увеличение преступных проявлений со стороны несовершеннолетних, рецидивистов, а также лиц, ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни. Большое число преступлений по-прежнему связано с пьянством, самогоноварением, наркоманией, извлечением нетрудовых доходов.

Многие партийные, государственные и общественные организации, успокаивая себя общими положительными сдвигами в борьбе с преступностью, в последнее время ослабили внимание к воспитательной, профилактической работе в трудовых коллективах и по месту жительства граждан, не обеспечивают усиления активности трудящихся в охране общественного порядка. Органы внутренних дел, прокуратуры, юстиции и суды еще медленно перестраивают свою деятельность, не в полной мере выполняют возложенные на них обязанности по борьбе с преступными посягательствами, слабо опираются на помощь трудящихся, широкой советской общественности. В центральные партийные и государственные органы поступает большое число писем о плохой работе милиции, следственных органов, отсутствии должной защиты личных и имущественных прав советских людей.

Подчеркнув, что складывающееся положение требует принятия дополнительных эффективных и четко скоординированных мер со стороны партийных, советских, хозяйственных, правоохранительных органов и общественных организаций, ЦК КПСС обратил внимание ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, окружкомов, горкомов, райкомов партии на недопустимость самоуспокоенности и благодушия при оценке положения дел с преступностью. Работники партийных комитетов и общественный актив должны исходить из того, что в целом уровень преступности продолжает оставаться высоким. Позитивные изменения, вызванные главным образом усилением работы по укреплению порядка и дисциплины, по борьбе с пьянством, еще не обеспечивают коренного перелома в деле устранения причин и условий, порождающих преступность, особенно в сфере производства и быта, в среде молодежи и подростков.

Каждому партийному комитету с учетом обстановки предложено глубоко проанализировать положение дел с правонарушениями, разработать и последовательно осуществлять все необходимые меры, направленные на дальнейшее упрочение законности. Партийные органы обязаны постоянно заботиться о том, чтобы в каждом городе и районе, в каждом трудовом коллективе в соответствии с установками февральского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС была развернута широкая организаторская и политико-воспитательная работа по укреплению правопорядка, осуществлению юридического все-

обуча населения, обеспечению индивидуального воздействия на лиц, допускающих отступления от требований советских законов и социалистической морали, особенно необходимо повысить роль в этом деле первичных партийных, профсоюзных и комсомольских организаций. Коммунисты и комсомольцы призваны быть в первых рядах борьбы за создание в каждом коллективе принципиальной, требовательной обстановки, исключающей всякую расхлябанность, недисциплинированность, правонарушения. Неукоснительно должно соблюдаться требование Устава КПСС о том, что коммунисты, совершившие проступки, наказуемые в уголовном порядке, исключаются из рядов партии.

Центральный Комитет партии указал на серьезные недостатки в работе по борьбе с преступностью бюро и лично первым секретарям Джамбулского, Запорожского, Марийского обкомов партии, имея в виду, что в этих областях в 1987 году сложилась наиболее неблагополучная обстановка с охраной правопорядка и соблюдением социалистической законности.

Советам Министров союзных и автономных республик, исполкомам краевых, областных, окружных, городских, районных Советов народных депутатов рекомендовано усилить организаторскую работу по исполнению законов об охране социалистической собственности и общественного порядка во всех трудовых коллективах и по месту жительства граждан. Необходимо полнее использовать возможности, которые дает осуществляемая в стране перестройка народного образования, для коренного улучшения воспитания подрастающего поколения, предупреждения правонарушений среди несовершеннолетних. Следует повысить требовательность за улучшение работы по профилактике детской безнадзорности, ведущейся постоянными комиссиями местных Советов, инспекциями по делам несовершеннолетних, учебными заведениями и органами общественной самодеятельности. Нужно также усилить ответственность соответствующих органов и должностных лиц за проведение индивидуальной воспитательной работы с каждым подростком, допускающим антиобщественное поведение.

Центральный Комитет партии отметил, что в ряде мест неоправданно ослаблено внимание к общественным формированиям, деятельность которых связана с вовлечением трудящихся в дело укрепления дисциплины и правопорядка. В связи с этим в постановлении подчеркивается, что партийные, советские, профсоюзные и комсомольские органы должны сделать все необходимое для решительной активизации работы добровольных народных дружин, товарищеских судов, советов общественных пунктов охраны порядка, всей системы органов общественной самодеятельности населения.

ЦК КПСС считает, что в условиях последовательного сокращения числа лиц, наказываемых за совершенные преступления лишением свободы, во много раз возрастает ответственность трудовых коллективов, государственных и общественных органов за профилактику правонарушений и перевоспитание тех, кто совершил противоправные действия. При этом особое внимание следует уделять строгому исполнению требований действующего законодательства об обеспечении трудовой занятости граждан, отбывших уголовное наказание, уклоняющихся от общественно полезного труда, а также других неработающих граждан.

Министерству внутренних дел СССР, Прокуратуре СССР, Министерству юстиции СССР и Верховному Суду СССР рекомендовано принять все необходимые меры к устранению недостатков в их

деятельности по борьбе с преступностью, обратив особое внимание на организацию глубокой аналитической работы, позволяющей своевременно выявлять наиболее неблагополучные участки и концентрировать усилия правоохранительных, других государственных органов и общественных организаций на решительном преодолении негативных тенденций в состоянии правопорядка.

Партия исходит из того, что каждый работник правоохранительных органов обязан быть примером строжайшего соблюдения советских законов, высокой ответственности за укрепление правопорядка, отзывчивости и внимания к нуждам и запросам людей.

Руководителям и партийным организациям правоохранительных органов, политорганам в системе МВД СССР поручено настойчиво повышать уровень профессиональной подготовки, инициативу и ответственность работников за выполнение служебного долга, за конкретные результаты их деятельности, связанной с профилактикой правонарушений, своевременным раскрытием преступлений, особенно тяжких, обеспечением неотвратимости наказания правонарушителей на основе строжайшего соблюдения социалистической законности. Вести непримиримую борьбу с преступностью на почве пьянства, с самогоноварением, наркоманией, нарушениями общественной дисциплины и порядка.

Отмечена необходимость того, чтобы органы прокуратуры и суды чаще информировали партийные комитеты о проблемах укрепления законности, полнее использовали свое право на вынесение частных определений и предостережений в адрес должностных лиц и государственных органов, совместно с партийными, советскими органами добивались безусловного устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений.

(Правда. 1989. 13 апр.)

«О РЕШИТЕЛЬНОМ УСИЛЕНИИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ»

Постановление Верховного Совета СССР от 4 августа 1989 г. (Ведомости Верховного Совета СССР, 1989, № 9, ст. 222)

В стране резко возросла преступность, в том числе организованная. Это вызывает обоснованную тревогу населения, осложняет ход перестройки.

В целях принятия самых решительных мер по усилению борьбы с преступностью Верховный Совет СССР **постановляет:**

1. Создать в Союзе ССР, союзных и автономных республиках, краях, областях, областных центрах временные комитеты по борьбе с преступностью в составе руководителей органов прокуратуры, внутренних дел, государственной безопасности, судов и юстиции, а также народных депутатов СССР, избранных или работающих на соответствующей территории. Руководство работой временных комитетов возложить соответственно на первого заместителя Пред-

седателя Верховного Совета СССР, в союзных и автономных республиках — на Председателей Президиумов Верховных Советов республик, в краях, областях и городах — на председателей исполнительных комитетов Советов народных депутатов.

Деятельность временных комитетов по борьбе с преступностью должна строиться на основе строжайшего соблюдения требований Конституции СССР, законов СССР и союзных республик, опираться на поддержку широкой советской общественности.

Все государственные органы, предприятия и учреждения, общественные организации обязаны оказывать временным комитетам всемерную помощь в их работе.

2. Принять меры, создающие реальную возможность сотрудникам органов внутренних дел и прежде всего милиции решительно пресекать действия преступных элементов. Предложить министру внутренних дел СССР и председателю Комитета государственной безопасности СССР в месячный срок разработать по согласованию с Генеральным прокурором СССР порядок использования в соответствии с законодательством сотрудниками милиции и внутренних войск Министерства внутренних дел СССР в критических условиях борьбы с уголовным элементом исключительных мер, включая применение оружия при возникновении ситуаций, представляющих особую опасность.

Считать необходимым в ходе разработки нового уголовного законодательства в ближайшее время предусмотреть меры по усилению уголовной ответственности за посягательство на жизнь и достоинство работников милиции и других лиц, участвующих в борьбе с преступностью и нарушениями общественного порядка.

3. Обеспечивать милицию техническими средствами для безотлагательных действий подвижных милицейских патрулей и сотрудников уголовного розыска. Поручить Госплану СССР незамедлительно решить вопрос об оснащении милиции автомашинами, портативными рациями, вертолетами и другой техникой и оборудованием.

Увеличить численность внутренних войск Министерства внутренних дел СССР для применения необходимых мер в случаях массового неповиновения преступных элементов.

4. Обязать следственные органы и суды, неукоснительно соблюдая предусмотренные законодательством сроки, с максимальной строгостью рассматривать случаи разбойных нападений, грабежей, хищений и краж, изнасилований, торговли наркотиками, спекуляции, браконьерства и других преступлений. Не допускать никаких послаблений опасным преступникам, руководителям и активным участникам организованных преступных групп, рецидивистам.

5. Указанную систему мер установить на двухлетний период с обязательными отчетами руководителей соответствующих ведомств о ходе ее выполнения перед Верховным Советом СССР, Верховными Советами республик и местными Советами народных депутатов СССР.

«О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ РСФСР»

Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 августа 1988 г.

(Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1988, № 33, ст. 1081)

Президиум Верховного Совета РСФСР постановляет:

1. Внести изменения в статью 164^{1} Кодекса РСФСР об административных правонарушениях, принятого Верховным Советом РСФСР 20 июня 1984 г. (Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1984, № 27, ст. 909; 1986, № 23, ст. 638), изложив ее в следующей редакции:

«Статья 164^{1}. Азартные игры

Участие в азартных играх (в карты, рулетку, «наперсток» и другие) на деньги, вещи и иные ценности, а равно принятие ставок частными лицами на спортивных и иных состязаниях —

влекут предупреждение или наложение штрафа в размере до пятидесяти рублей с конфискацией игральных принадлежностей, а также денег, вещей и иных ценностей, являющихся ставкой в игре, или без таковой.

Те же действия, совершенные лицом, которое в течение года подвергалось административному взысканию за одно из нарушений, предусмотренных частью первой настоящей статьи, —

влекут наложение штрафа в размере от пятидесяти до трехсот рублей с конфискацией игральных принадлежностей, а также денег, вещей и иных ценностей, являющихся ставкой в игре, или без таковой.

Организация азартных игр —

влечет наложение штрафа в размере от ста до пятисот рублей с конфискацией игральных принадлежностей, а также денег, вещей и иных ценностей, являющихся ставкой в игре».

2. Дополнить Уголовный кодекс РСФСР, утвержденный Законом РСФСР от 27 октября 1960 г. (Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1960, № 40, ст. 591), статьей 208^{1} следующего содержания:

«Статья 208^{1}. **Организация азартных игр**

Организация азартных игр (в карты, рулетку, «наперсток» и другие) на деньги, вещи и иные ценности лицом, к которому в течение года применялись меры административного взыскания за такое же нарушение, —

наказывается лишением свободы на срок до одного года, или исправительными работами на срок до двух лет, или штрафом до одной тысячи рублей, с конфискацией имущества или без таковой.

Те же действия, совершенные лицом, ранее судимым за преступление, предусмотренное настоящей статьей, —

наказываются лишением свободы на срок до трех лет с конфискацией имущества».

3. Часть первую статьи 126 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, утвержденного Законом РСФСР от 27 октября 1960 г. (Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1960, № 40, ст. 592; 1988, № 14, ст. 397), после слов «208 частями первой и второй» дополнить цифрами «208^{1}».

«О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ И ДОПОЛНЕНИЙ В УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РСФСР»

Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 января 1989 г.

(Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1989, № 3, ст. 50)

В целях дальнейшего совершенствования уголовного законодательства РСФСР Президиум Верховного Совета РСФСР постановляет:

Внести в Уголовный кодекс РСФСР, утвержденный Законом РСФСР от 27 октября 1960 г. (Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1960, № 40, ст. 591; 1982, № 49, ст. 1821; 1988, № 14, ст. 396); следующие изменения и дополнения:

1. В абзаце третьем части четвертой статьи 24 слова «(статья 95)» заменить словами «(статья 95, часть первая)».

2. Примечание к статье 89 изложить в следующей редакции:

«**Примечание.** Повторным в статьях 89, 90, 92, 93, 95 признается преступление, совершенное лицом, ранее совершившим какое-либо из преступлений, предусмотренных этими статьями либо статьями 77, 91, 93^1, 144—148, 218^1, 223^3, 224^1 настоящего Кодекса».

3. Статью 95 изложить в следующей редакции.

«С т а т ь я 95. **Вымогательство государственного, кооперативного или общественного имущества**

Требование передачи государственного, кооперативного или общественного имущества или права на имущество под угрозой насилия над лицом, в ведении или под охраной которого находится это имущество, насилия над его близкими, оглашения позорящих сведений о нем или его близких, повреждения или уничтожения их личного либо государственного, кооперативного или общественного имущества, находящегося в их ведении или под охраной (вымогательство), —

наказывается лишением свободы на срок до четырех лет с конфискацией имущества или без таковой или исправительными работами на срок от одного до двух лет с конфискацией имущества или без таковой.

Вымогательство, совершенное повторно, либо по предварительному сговору группой лиц, либо под угрозой убийства или нанесения тяжких телесных повреждений, либо соединенное с насилием, не опасным для жизни и здоровья, либо с повреждением или уничтожением имущества, —

наказывается лишением свободы на срок до семи лет с конфискацией имущества.

Вымогательство, совершенное организованной группой, либо особо опасным рецидивистом, либо соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья, либо повлекшее причинение крупного ущерба или иных тяжких последствий, —

наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией имущества».

4. Примечание к статье 144 изложить в следующей редакции:

«**Примечание.** Повторным в статьях 144, 145, 147, 148 признается преступление, совершенное лицом, ранее совершившим какое-

либо из преступлений, предусмотренных этими статьями либо статьями 77, 89—93^{1}, 95, 146, 218^{1}, 223^{3}, 224^{1} настоящего Кодекса».

5. Статью 148 изложить в следующей редакции:

Статья 148. **Вымогательство**

Требование передачи личного имущества граждан или права на имущество или совершения каких-либо действий имущественного характера под угрозой насилия над личностью потерпевшего или его близкими, оглашения позорящих сведений о нем или его близких, повреждения или уничтожения их имущества (вымогательство) —

наказывается лишением свободы на срок до четырех лет с конфискацией имущества или без таковой или исправительными работами на срок до двух лет с конфискацией имущества или без таковой.

Вымогательство, совершенное повторно, либо по предварительному сговору группой лиц, либо под угрозой убийства или нанесением тяжких телесных повреждений, либо соединенное с насилием, не опасным для жизни и здоровья, либо с повреждением или уничтожением имущества, —

наказывается лишением свободы на срок до семи лет с конфискацией имущества.

Вымогательство, совершенное организованной группой, либо особо опасным рецидивистом, либо соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья, либо повлекшее причинение крупного ущерба или иных тяжких последствий, —

наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией имущества».

СОДЕРЖАНИЕ

Гуров Александр Иванович

«ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

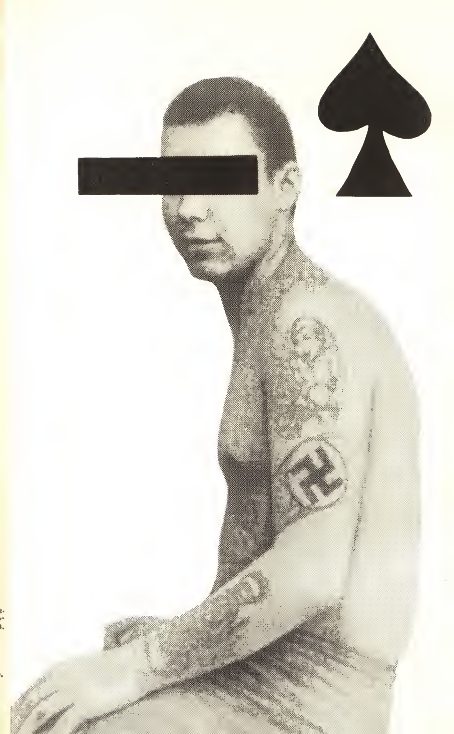
Редактор Ю. А. Шубин
Оформление художника Т. В. Юрченко
Художественный редактор А. Б. Бобров
Технический редактор А. А. Арсланова
Корректор А. В. Ванькова

ИБ № 2224

Сдано в набор 15.06.90. Подписано в печать 14.03.90. А-07432. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Объем: усл. печ. л. 15,96; усл. кр.-отт. 16,49; учет.-изд. л. 17,58. Тираж 100000 экз. Заказ № 4407. Цена 95 коп.

Издательство «Юридическая литература» 121069, Москва, Г-69. ул. Качалова, д. 14.

Областная типография управления издательства, полиграфии и книжной торговли Ивановского облисполкома, 153628, г. Иваново, ул. Типографская, 6.



95 к.